

Калужский государственный педагогический
университет им. К.Э.Циолковского

Калужское епархиальное управление

Штепа А.В.

**СОЦИАЛЬНОЕ СЛУЖЕНИЕ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В КАЛУЖСКОЙ ЕПАРХИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКОВ)**

Под общей редакцией
протоиерея Ростислава Снигирева

Калуга
2007



Издательство
Н.Ф. Бочкаревой

ББК 86.372
Ш89

По благословлению
КЛИМЕНТА, митрополита Калужского и Боровского

Научный консультант:
Лыткин В.А., кандидат исторических наук, профессор

Рецензенты:
Филимонов В.Я., доктор исторических наук, профессор
Бессонов В.А., кандидат исторических наук, доцент

Штепа А.В.

Ш89 Социальное служение Русской Православной церкви в Калужской епархии (вторая половина XIX – начало XX веков / Под общ. ред. протоиерея Р. Снигирёва. – Калуга: Издательство научной литературы Н.Ф. Бочкаревой, 2007. – xxx с.

ISBN 5-89552-209-2

Монография представляет собой первую в отечественной историографии попытку раскрыть сложную многогранную тему социального служения православной церкви в региональном срезе, сосредоточив при этом своё внимание на одной из старейших провинциальных епархий России – Калужской. С позиций современной исторической науки в настоящем исследовании рассмотрены материальное и правовое положения РПЦ в российской провинции, вплоть до революционных событий 1917 года. Вместе с тем в работе выявлены основные направления в социальной деятельности православной церкви, а также те формы и методы оказания социальной помощи нуждающимся людям, которые были ей присущи. Собранные автором в данной книге материалы адресованы всем тем, кто интересуется историей родной земли и хочет приоткрыть для себя ещё одну ранее неизвестную страницу.

Содержание

Вместо предисловия

Введение

Глава 1. Материальное и правовое положение православной церкви в российской провинции

Глава 2. Взаимопомощь в среде православного духовенства Калужской епархии

Глава 3. Поддержка духовенством Калужской епархии учебных заведений и организация помощи бедным учащимся

Глава 4. Церковно-приходские попечительства Калужской епархии и их роль в организации социальной помощи

Глава 5. Благотворительная деятельность православных церковных братств Калужской епархии

Глава 6. Социальное служение монастырей Калужской епархии

Глава 7. Организация начальных школ – важное направление социального служения православной церкви

Глава 8. Церковная благотворительность в годы народных бедствий

Заключение

Библиография

ISBN 5-89552-209-2

© А.В. Штепа, 2007
© Издательство Н.Ф. Бочкаревой, 2007

Вместо предисловия

На сегодняшний день прошло уже без малого двадцать лет с того момента, когда наша страна торжественно отметила важное историко-культурное событие – Тысячелетие Крещения Руси. Возможность провести в 1988 году юбилейные торжества ясно свидетельствовала о существенных подвижках в духовной сфере жизни тогда ещё советского социалистического общества. Во многом именно юбилейные торжества послужили началом возрождения, казалось бы, навсегда утраченных православных культурных традиций в Советском Союзе, способствовали возбуждению подлинно научного интереса ко всему, что связано с огромным наследием православия. И этот интерес сохраняется до сих пор.

Следует отметить, что в последние десятилетия вышло немало работ (сотни книг, тысячи различных статей, сборников конференций), посвящённых тем или иным аспектам истории русского православия, опубликованы ранее недоступные как широкому кругу читателей, так и специалистам документы, раскрывающие истинное положение православной церкви не только в самый тяжёлый для неё советский период, но и в Российской империи. По проблемам духовного наследия православия, истории становления и развития православной церкви как крупного социального института, церковного законодательства, проблемам, касающимся церковно-государственных взаимоотношений, уже защищены сотни докторских и кандидатских диссертаций. Причём только в 2003–2005 годах, судя по данным Российской государственной библиотеки (РГБ), обращение именно к православной проблематике в её исторических,

социологических, культурологических контекстах позволило более чем пятидесяти исследователям, получить учёные степени.

В настоящее время общепризнано, что вся наша культура вплоть до Октябрьского переворота 1917 года была пропитана религиозностью и в большинстве своём в русле православия. Поэтому необходимо выявить реальную роль православной церкви в решении важнейших государственных задач в социальной сфере.

В современной отечественной историографии как светской, так и церковной, есть ещё значительное количество «белых пятен», которые необходимо заполнять. К ним, например, относится проблема социального служения православной церкви, церковной благотворительности.

В настоящее время большинство историков, обращающихся к теме благотворительности, изучают проблемы меценатства, государственного признания, правовые аспекты, и только небольшая часть из них – разрабатывают церковную тематику. Но на региональном уровне работы по социальному служению церкви представлены единицами. Тем и интересна, на наш взгляд, предлагаемая читателю книга молодого учёного, кандидата исторических наук А.В. Штепы «Социальное служение Русской Православной церкви в Калужской епархии», что она даёт определённое направление будущим исследователям по изучению роли церкви в социальной политике и формировании гражданского общества в России во второй половине XIX – начале XX веков.

В современных условиях возрождения в России благотворительных традиций весьма важным представляется воссоздание на качественно новом уровне плодотворного дореволюционного опыта организации благотворительной деятельности. Не менее важное значение монографии состоит в том, что автор с учётом требований современной исторической науки проанализировал деятельность православной церкви по оказанию социальной помощи, организации народного образования, попытался выявить причины, способствовавшие повышению или тормозившие социальную активность РПЦ в период наивысшего подъёма российского благотворительного движения, продемонстрировав эти процессы в региональном срезе, на примере одной из епархий центра России – Калужской.

Обобщение же исторического опыта, безусловно, содействует не только построению новой модели социальной помощи населению, неотъемлемой частью которого в современных условиях являются и социальные инициативы православной церкви, но и помогает дать объективную оценку той роли, которую церковь играла и может играть в оказании помощи нуждающимся. Кроме того, предпринятая автором монографии попытка обобщения комплекса вопросов, связанных с организацией РПЦ

социальной помощи нуждавшемуся населению в конкретной епархии, имеет и существенное практическое значение.

Исследование А.В. Штепы опирается на значительную источниковую базу: опубликованные и неопубликованные материалы ряда архивов, научных фондов библиотек, музеев, что придаёт работе особую ценность.

Данная книга, написанная на стыке исторических, социальных, культурологических и психологических дисциплин представляет несомненный научный интерес и предназначена для всех, кто верит в силу православия, любит своё Отечество, кому безразлично его прошлое.

кандидат исторических наук
Е.А. Кузнецова

Введение

История практически любой страны всегда не полна, а во многих случаях даже не представляется без истории религиозных учений, без церковной истории, являющихся её неотъемлемой частью. Сегодня неоспоримо, что история России неотделима от истории Русской Православной церкви (РПЦ), что подчёркивается возросшим в последнее время интересом к христианству вообще, и к православию в частности.

Стоит обратить внимание, что с самого момента появления на русской почве, на протяжении всей своей многовековой истории православная церковь занимала важное место в общественной жизни России, осуществляя своё социальное служение, выражавшееся в религиозном и нравственно-этическом воспитании русского народа, просветительской и миссионерской деятельности. Кроме того, социальное служение церкви в России предполагало и занятие благотворительностью, так что позволило русской православной церкви накопить богатый опыт организации благотворительной помощи нуждающимся и страждущим, требующий в наши дни целостного обобщения.

Научное обращение к теме социальной помощи как направлению деятельности православной церкви актуально в свете возрождения традиций благотворительности, в том числе и церковной, — социального явления, имеющего в России глубокие исторические корни. Между тем, изучение социального служения РПЦ — широкая проблема. Поэтому в данном исследовании основное внимание будет уделено благотворительному направлению в социальном служении церкви и её политике в области организации начального народного образования.

Цель работы видится нам в том, чтобы, используя достижения исторической науки, проанализировать деятельность православной церкви

по оказанию социальной помощи, организации народного образования, проследить изменения, происходившие в деятельности церкви на поприще благотворительности, а также выявить причины, способствовавшие повышению или тормозившие социальную активность РПЦ в исследуемый период. Это делает необходимым постановку следующих исследовательских задач:

- охарактеризовать материальное и правовое положение православной церкви и её место в структуре российского общества;
- выявить роль РПЦ как организатора сословной взаимопомощи на примере калужского духовенства;
- рассмотреть социальную помощь, организованную и оказываемую духовенством бедным учащимся учебных заведений, находившимся в ведении церкви;
- определить значение церковно-приходской благотворительности для оказания необходимой социальной поддержки нуждающимся категориям населения;
- изучить благотворительную деятельность православных церковных братств;
- исследовать социальное служение православных монастырей епархии;
- в целом обобщить епархиальный опыт церковно-приходской и монастырской благотворительности;
- рассмотреть и оценить мероприятия РПЦ, направленные на развитие народного образования;
- изучить, проанализировать и выявить особенности организации православной церковью социальной помощи пострадавшим в годы народных бедствий (голода, войн, эпидемий) на примере Калужской епархии.

Обращение в данной монографии к одной из граней церковной истории эпохи Великих либеральных реформ обусловлено тем, что развитие благотворительности вообще и церковной в частности во второй половине XIX – начале XX веков происходило на фоне качественно новых в истории России социально-экономических и политических процессов. Реформы 60–70-х годов оказали сильное влияние на настроение в обществе, привели к повышению роли населения в общественной жизни, способствовали активизации социальной деятельности православной церкви.

Выбор же Калужской епархии в качестве географического объекта для научного исследования тоже отнюдь не случаен. Будучи провинциальной, но близкой к Москве, Калужская епархия впитала в себя все основные проблемы и достижения в жизни всей Русской Православной церкви. Поэтому рассмотрение социальной деятельности РПЦ на епархиальном уровне, «из глубинки», помогает более чётко передать колорит исследу-

емой эпохи, избежать столичной «бравурности», подчёркивает научную значимость работы.

В процессе работы над монографией автором было выявлено и проанализировано значительное количество разнообразных письменных источников, среди которых источники нормативно-правового характера, постановления и указы государственной власти, законы, опубликованные в трёх изданиях Полного собрания законов Российской империи. По ним можно проследить, в каком направлении действовало самодержавие в отношении церкви в течение длительного периода, а также в самом общем виде судить, насколько эффективными оказывались эти усилия. Законодательство даёт возможность уверенно говорить об особенностях конфессиональной политики государства в частности в центральном регионе империи, прямо касавшихся РПЦ.

Большой массив делопроизводственных материалов содержится в фондах центральных архивов: Российского государственного исторического архива /РГИА/: ф. 797 /Канцелярия обер-прокурора Св.Синода/, ф. 804 /Особое присутствие по делам православного духовенства/; Государственного архива Российской Федерации /ГАРФ/; ф. 6787 /Министерство государственного призрения Временного правительства/.

Среди архивных материалов наибольший интерес представляют, безусловно, фонды Канцелярии обер-прокурора, содержащие обширные материалы нормативного (указы, распоряжения, постановления), административного (служебная переписка) характера.

В фонде Главного Присутствия по делам об улучшении быта православного белого духовенства (ф. 804) хранятся документы, наиболее полно отражающие подготовку реформ, затронувших правовое положение и жизнедеятельность, в частности приходского духовенства, их течение и результаты. Среди этих источников выделяются журналы заседаний Присутствия. По ним можно проследить разработку программы церковных реформ и руководство ими. Однако содержание журналов требует критического осмысления.

Привлекают внимание исследователя материалы опроса причтов за 1863, 1867, 1873-е годы о материальном и правовом положении, участии в начальном народном образовании, существующих проблемах и путях их решения.

Решения Главного Присутствия по вопросам реформ, утверждённые Александром II, опубликованы в Полном собрании законов Российской империи (издание 2-е), в виде указов, положений и мнений Государственного Совета.

Опубликованные делопроизводственные материалы представлены годовыми отчётами епархий, всеподданнейшими докладами и погодными

отчётами обер-прокуроров Синода. В отчёты обер-прокуроров включён обширный статистический материал о численности храмов, монастырей и различных групп духовенства; о финансовых средствах Синода, епархий, церковно-приходских попечительств; о количестве духовно-учебных заведений, церковно-приходских и воскресных школ и учащихся в них и т. д. Статистика, по-видимому, не всегда полна, так как отчёты из отдельных епархий поступали с опозданием. Отчёты публиковались с 1837 года ежегодно или за два года. Перерыв с их публикациями приходится на 1861–1865 годы, последний из отчётов, неполный в статистическом отношении из-за начавшейся войны, вышел в 1916 году.

Среди источников следует упомянуть и циркулярные распоряжения Синода епархиальным архиереям относительно мероприятий церкви. В основном они опубликованы в неофициальном издании, подготовленном А. Завьяловым (Циркулярные указы Святейшего Синода. 1867–1895. СПб., 1896).

Материалы делопроизводства, деловая переписка, носившие местный характер, нашли своё отражение в различных отчётах, указах, постановлениях, распоряжениях, хранящихся в настоящее время в фондах региональных архивов: Государственного архива Калужской области /ГАКО/: ф. 33 /Калужская Духовная Консисто́рия, / ф. 73 /Калужское губернское отделение Комитета Е.И.В. Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну/, ф. 74 /Калужское попечительство о бедных духовного звания/, ф. 226 /Калужский временный епархиальный комитет для оказания помощи больным и раненым воинам/, ф. 383 /Малоярославецкий Никольский Черноостровский монастырь/, ф. 594 /Совет Калужского отдела Всероссийского общества попечения о беженцах/, ф. 602 /Калужский епархиальный комитет по устройству быта беженцев/, ф. 726 /Свято-Троицкий Лютиков монастырь/, ф. 903 /Козельская Введенская Оптина пустынь/; фонды Государственного архива Брянской области /ГАБО/: ф. 392 /Каменский Успенский девичий монастырь/, ф. 424 /Малиноостровский Рождество-Богородицкий женский монастырь/.

В фонде Калужского (ф. 74) епархиального попечительства о бедных духовного звания представлены отчёты попечительств, книги входящих и исходящих бумаг; приходно-расходные книги, ведомости о денежных суммах попечительств и их движении. Большой интерес для исследователя представляют ведомости о семейном состоянии и имуществе лиц, пользовавшихся пособием епархиальных попечительств; ведомости о денежных сборах и пожертвованиях в пользу бедных; дела об установлении опеки над имуществом умерших церковнослужителей, об определении в епархиальные богадельни вдов священников и т. п. В фондах

Калужского временного епархиального комитета для оказания помощи больным и раненым воинам (ф. 226), Епархиального комитета по сбору пожертвований в пользу голодающих (ф. 468), Калужского епархиального комитета по устройству быта беженцев (ф. 602) представлены материалы (отчёты, рапорты, прошения, ведомости), дающие представление о социальном служении церкви в годы народных бедствий, постигших Россию во второй половине XIX – начале XX веков.

Опора на архивные данные, хранящиеся в монастырских фондах, помогает выявить роль обитателей Калужской епархии, таких, как: Козельская Оптина пустынь, Тихонова пустынь, Малоярославецкий Черноостровский монастырь в призрении неимущих, содержании богаделен и странноприимных домов, больных и раненых воинов, оказании помощи голодающим, материальном содействии различным благотворительным организациям: учреждениям Ведомства императрицы Марии, Красному Кресту и т. д.

Отметим, что данные в основной массе своей разрознены, в источниках встречаются разночтения, вызванные описками, арифметическими ошибками или сознательным искажением некоторых фактов, хотя нельзя утверждать, что последнее имело ярко выраженный систематический характер.

Ни одно историческое сочинение не обходится без привлечения статистических материалов. Надо сказать, что до революции выходили в свет различные энциклопедические издания, содержащие статьи о деятельности Русской Православной церкви на поприще благотворительности¹, а также библиографические указатели².

Одним из уникальных изданий материалов по благотворительности в России за XIX век является семитомный сборник, вышедший в 1880–1886 годах. В первом томе данного издания содержатся сведения по приходской благотворительности, собранные П. Семёновым и И.Е. Андриевским, в третьем представлены статистические сведения о благотворительности по губерниям и уездам России. Но это, пожалуй, единственный наиболее полный сборник за период с 1855 по 1880 года³. С 1881 по 1917 года такого обзора нет.

Статистическая информация, касающаяся общей численности благотворительных обществ, братств, попечительств и т. п. в Российской империи представлена в энциклопедическом словаре «Россия», вышедшем в 1898 году⁴. Ценную группу источников составляют опубликованные отчёты и обзоры, содержащие данные по истории церкви⁵, статистические работы⁶, сборники, посвящённые развитию благотворительности в России⁷.

При изучении взаимоотношений церковного руководства и государства, материального состояния духовенства, настроений, царивших

в изучаемый период в среде русского духовенства, полезна мемуарная литература. Среди мемуарных источников необходимо отметить книгу митрополита Евлогия (Георгиевского) «Путь моей жизни». Автор — выдающийся церковный деятель, богослов, представитель русского православия в Западной Европе, составил яркую и в то же время удивительно точную характеристику церковной жизни периода поздней империи. Стоит особо отметить и сочинение священника И.С. Беллюстина «Описание сельского духовенства», вышедшее в 1858 году, и написанное с целью привлечь внимание российского общества, в первую очередь правительства, к проблемам православной церкви. Автор добился своей цели: его книгу прочитал Александр II. Эта и другие публицистические работы священника И.С. Беллюстина, содержащие критическую оценку всего происшедшего в пореформенный период в России, помогают по-иному, не с официальной стороны посмотреть на положение белого духовенства и членов семей клириков.

Некоторые из воспоминаний о помощи людям, которую оказывали старцы Оптиной пустыни, оставленные как известными в России личностями (писателями, поэтами, философами), так и простыми людьми, вышедшие до революции в разное время собраны в книге «Благословенная Оптина: Воспоминания паломников об обители и её старцах»⁸.

Особую группу источников составляет периодическая печать. Важнейшее значение для настоящего исследования имеют «Епархиальные ведомости» — небольшие по объёму журналы, выходившие раз в неделю или в две недели. С 1862 по 1907 год они выходили в Калужской епархии, а с 1908 по 1916 год взамен «Калужских епархиальных ведомостей» издавался «Калужский общественный церковный вестник». Основной целью «Ведомостей» было оперативное распространение официальной информации среди духовенства, ознакомление с жизнью епархии и Церкви, в связи с чем они состояли из двух частей: официальной и неофициальной (прибавлений), представляющих для диссертанта наибольший интерес. В первой находим царские указы, определения Синода, извлечения из отчётов обер-прокурора и распоряжения местного епархиального начальства. Во второй обычно публиковались обзоры деятельности приходских братств, ежегодные отчёты о состоянии церковно-приходских школ, деятельности церковно-приходских попечительств, отчёты епархиальных комитетов по оказанию помощи пострадавшим, а также заметки о епархиальной жизни, статьи по истории епархии и Церкви. Всё это делает «Ведомости» ценным источником для изучения социального служения православной церкви.

Но есть и другая, очень разнообразная, церковная периодика второй половины XIX — начала XX века: журналы «Богословский вестник», «Православное обозрение», «Церковные ведомости», «Церковный вестник».

Отметим и светский журнал «Детская помощь», практически в каждом номере которого помещались обширные материалы по истории церковной благотворительности в России.

В целом, используемые источники позволяют наметить пути исследования и достаточно объективно рассмотреть изучаемую проблему.

Следует при этом отметить, что затронутая нами в монографии тематика, а точнее некоторые основные её аспекты, стали объектом внимания исследователей ещё в дореволюционную эпоху (1860-е — 1917), тесно переплетаясь при этом с самим процессом развития российского благотворения, вызванного либеральными реформами в России. За изучение проблем, связанных с воплощением христианских идеалов в благотворительной практике как формы социального служения православной церкви в России брались и церковные авторы, и светские историки.

Подчеркнём, что для религиозных авторов характерно обращение к изучению истоков христианской благотворительности. Например, в работе протоиерея И. Рождественского «Общественная и частная благотворительность в духе Евангельском» под благотворительностью понимается видимый образ милосердия, в свою очередь, характеризующееся автором как добродетель сердца, стремящегося к облегчению скорбей и нужд всех страждущих. Развил эту мысль протоиерей год Смирнов-Платонов, отметив, что христианское общество немислимо без проявлений частной и общественной благотворительности и задача священников — руководить ею⁹. Большинство религиозных авторов доказывало, что учреждения церкви могут и должны служить важным звеном системы социальной помощи¹⁰. Протоиерей А. Кудрявцев в книге «Нищенство как предмет попечения церкви, общества и государства» (1885) учреждения Церкви подразделил на Союзы: междуцерковный, епархиальный, церковно-национальный, приходской и их благотворительные учреждения.

В трудах И. Лабутина, Е. Никитина, Г. Ульгорна¹¹ отмечалось, что в дохристианском мире благотворительность была примитивна, стихийна и преследовала своекорыстные цели богатых людей, однако с появлением учения Иисуса Христа произошло изменение нравственных основ благотворительности. Авторы подчёркивали решающее значение христианских заповедей нестяжания, любви к «ближнему», провозглашали благотворительность нравственной обязанностью человека, исходя из заповеди о том, что «Чистое и непорочное благочестие перед Богом и Отцом есть то, чтобы призывать сирот и вдов в их скорбях...» (Иаков I. 27).

Вместе с тем, Е. Никитин замечал, что благотворительность, направленная исключительно порывом добрых чувств, без проверки действительной нужды просящих, это поощрение лени, тушеводства и притворства¹². В церковной среде бытовало мнение, что при призвании нуждающихся

на первый план должно выдвигаться не количество вложенных средств, а формирование личности. На это указывал и И. Лабутин, считая, что благотворительность кроме доставления материальных средств должна включать образование ума и воспитание души¹³.

В начале XX века некоторые церковные авторы стали выступать за повышение общественной значимости церковных приходов, придание им большей самостоятельности как основы активизации деятельности прихожан, в том числе и в области призрения¹⁴. Их усилиями вопросы приходской благотворительности привлекли внимание общественности. Существенное внимание А.А. Папков уделяет приходу как средоточию церковной жизни. В его книгах и статьях выявлены особенности и этапы развития церковного прихода, уделено внимание взаимосвязи проблем приходской благотворительности с общерелигиозными вопросами, подчеркнута социальная направленность деятельности православных братств¹⁵.

С работами А.А. Папкова перекликается и статья К. Рязанова, который резюмирует, что, хотя правительство фактически откликнулось на потребности общества, оно не смогло разглядеть упадок «религиозного одушевления», отсутствие сознания необходимости попечительств и у папских, и у пастырей¹⁶.

В целом же, можно подметить схожесть взглядов указанных авторов на перспективы развития приходской благотворительности. Все они приходили к заключению, что в условиях роста нищеты это дело требует к себе гораздо большего внимания и правительства, и общественности. При определённых условиях и надлежащей организации приход, считали они, способен стать одной из основных структурных единиц системы общественного призрения. Различались у авторов лишь границы самостоятельности приходов и допускаемого участия светских лиц в решении приходских вопросов¹⁷.

Но не только приходская жизнь и вопросы о роли приходов в организации социальной помощи были предметом изучения религиозных исследователей, обращавшихся и к вопросам о месте и роли православных монастырей в жизни России¹⁸. Большой фактический материал о роли церкви в организации социальной помощи в годы Первой мировой войны собрал и проанализировал С.Г. Рункевич¹⁹.

О сущности социального служения церкви, об участии её в благотворительных делах писали в своих философских сочинениях русские религиозные философы. Так, Н.А. Бердяев считал, что истинная православная духовность направлена не только на личное спасение, но и на социальное преобразование, ибо социальная жизнь, утверждает философ, целиком зависит от духовного состояния людей²⁰.

Вслед за Н.А. Бердяевым, В.В. Розанов подчёркивал, что именно церковь может сыграть особую роль в социальном призрении, потому что в православном русском храме такие слабости, как: дряхлость, немощь, убожество и нищета, считаются определённой добродетелью и даже заслугой перед Богом²¹. В.В. Розанов отмечал, что добро священника благоуханнее добра светского человека²². По мнению известного русского философа В.С. Соловьёва, имущие должны нести религиозную и нравственную обязанность заботы о неимущих и «побуждать их к этому всевозможными нравственными средствами составляет обязанность служителей религии»²³.

Видный представитель религиозной философии С.Н. Булгаков считал, что церковь должна преодолеть своё равнодушное отношение к социальным проблемам современного общества, ибо из евангельской заповеди любви и помощи ближнему проистекают определённые социальные обязанности, прежде всего, заботиться «о тех многочисленных слоях народа, которые придавила и задавила собой наша цивилизация»²⁴. Мысли философов — это призыв к обществу социальной справедливости, по их мнению, христианство не может мириться с обществом «социальной неправды».

Выдающийся русский историк В.О. Ключевский также уделил внимание благотворительной деятельности церкви. В работе «Добрые люди Древней Руси» он одним из первых пришёл к выводу, имеющему методологическое значение: на Руси благотворительность была не столько вспомогательным средством общественного благоустройства, сколько необходимым условием личного нравственного здоровья, и сам нищелоубец нуждался в ней не меньше, чем нищий. Ему принадлежит и меткое замечание, что «благотворительность больше родит потребностей, чем устраняет нужд»²⁵.

Среди теоретиков и практиков светской системы общественного призрения в России, обращавших своё внимание на церковную благотворительность, известны работы Е.Д. Максимова и В. Андерсона. Анализируя деятельность светских учреждений призрения, Е.Д. Максимов рассматривает и церковно-приходские попечительства²⁶. Андерсон в статье «Несколько цифр из деятельности церковно-приходских попечительств» собрал и проанализировал статистический материал, касающийся функционирования приходских попечительств в епархиях России в начале XX века, в том числе – Калужской, убедительно показав, что немало их существовало лишь на бумаге, а не в действительности²⁷.

В самой Калужской епархии до революции выходили лишь публицистические сочинения, публиковались материалы статистики о монастырях и церквях епархии, в которых представлены отдельные сюжеты исследуемой проблемы. Известно, что на заседаниях Калужской Учёной

Архивной Комиссии обсуждался вопрос об организации комплексного исследования Калужской епархии. В 1860-70-е годы издаются исторические описания монастырей Калужской епархии архимандрита Леонида (Кавелина)²⁸. В 1890 году вышел «Сборник исторического материала для составления летописи по Калужской епархии» И. Токмакова, а В.М. Кашкаров в 1903 году опубликовал «Очерк истории церкви в пределах нынешней Калужской епархии»²⁹. В. Асонов обратил своё внимание на быт и жизнедеятельность православного духовенства Калужской епархии в начале XIX века³⁰.

Значительный пласт дореволюционной региональной литературы посвящён оптинским старцам. Так, о жизни и деятельности старца Амвросия писали А. Шишкова, архимандрит Агапит, С. Четвериков³¹. В 1902 году вышло в свет «Историческое описание Козельской Оптиной пустыни и Предтечева скита», составленное оптинским монахом Ерастом Вытропским³².

Итак, дореволюционными исследователями социального служения РПЦ были накоплены необходимые материалы и проведены попытки их систематизации. При этом отметим, что почти все дореволюционные работы отличаются описательностью и зачастую представляют собой исторические свидетельства, а не научные исследования.

В советский период (1917–1980-е) социальное служение церкви и благотворительность как одна из его форм, за редким исключением, не являлись предметом исследований. В историографии 20–30-х годов православная церковь рассматривалась только в качестве послушного инструмента классово-политической самодержавия, что приводило к упрощённому пониманию роли Русской Православной церкви в историческом процессе и сказывалось на освещении социальной активности духовного ведомства. В этот период вышли в свет книги Б. Кандидова и И. Эльвина, посвящённые деятельности русской церкви в период Первой мировой войны, в них авторы подчёркивают своё резко отрицательное отношение к церковной благотворительности, не останавливаясь на её положительных сторонах³³. Также можно сказать и об известной монографии Н.М. Никольского «История русской церкви», впервые изданной в 1930-е годы, в которой благотворительная деятельность монастырей характеризуется как средство поднятия авторитета православия в обществе³⁴.

В целом до середины 1980-х годов в советской историографии благотворительность рассматривалась как непрменный атрибут эксплуататорских классов, средство смягчения социальной напряжённости в антагонистическом обществе, способ удержать трудящихся от революционной борьбы. Сохранялась принятая ещё в тридцатые годы характеристика церкви как послушного орудия самодержавия³⁵. Вместе с тем положительный опыт и недостатки благотворительной деятельности духовного ведомства должной оценки не получили.

Одним из первых в советской историографии предпринял попытку анализа активности духовенства в области благотворительности М.С. Корзун в монографии, посвящённой истории русской церкви³⁶. По отношению к церкви как к орудию эксплуатации привело автора к одностороннему освещению проблемы, к подборке, в основном, негативных фактов. В частности, анализируя организацию церковной социальной помощи во время Первой мировой войны, автор считает её символической, имевшей лишь пропагандистское значение, отмечая, что РПЦ путём назначения сборов забирала средства у трудящихся и им же обещала помогать, преследуя цель укрепления народной веры в справедливый характер империалистической войны.

В этой связи хотелось бы отметить некоторые работы, изданные в дореволюционный период за рубежом. Вышедшие на западе труды по истории были меньше ограничены идеологически, т. е. в данном отношении могли претендовать на определённую объективность в освещении социальной истории России, истории православной церкви. Существенным недостатком, присущим всем исследованиям историков-эмигрантов является ограниченность авторов в подборе документов, так как российские архивы, содержащие уникальные фонды по истории церкви, были им недоступны. Поэтому авторы-эмигранты, даже самые добросовестные исследователи, вынуждены были основываться на опубликованных источниках и работах, вышедших в царской России, что в известной степени снижало уровень их исторических исследований.

Историк И.К. Смолич обратил внимание на взаимоотношения государства и церкви после петровских преобразований вплоть до прихода к власти большевиков³⁷. Нам же он интересен своим отношением к роли церковных приходов и приходских попечительств в деле организации социальной помощи и благотворительности. Историк писал: «...попечительства дали приходским церквам – то есть Русской Церкви в целом миллионы рублей, а, кроме того, развили значительную организационную и благотворительную деятельность». Но, по мнению исследователя, попечительства далеко не до конца выполняли свою социальную функцию³⁸. В другом своём исследовании «Русское монашество, 980–917. Жизнь и учение старцев», впервые опубликованном в 1952 году, И.К. Смолич описал особую роль, которую со второй половины XIX века стали играть женские обители в области призрения. Смолич объяснял это тем, что многие женские монастыри выросли именно благодаря своей социально-благотворительной миссии³⁹.

В эмиграции были написаны и работы, посвящённые наследию старцев Козельской Оптиной пустыни⁴⁰.

Обратим внимание, что социально-политическая позиция церкви, социально-этические взгляды русского духовенства, социальная концеп-

ция православия в целом, в 1960–1980-е годы привлекала внимание не только историков⁴¹, но и философов, став предметом ряда исследований⁴². В них отмечалась зависимость социальной позиции РПЦ от политики самодержавия, отсутствие последовательности в действиях духовенства, направленных и на улучшение жизни в приходах, если эти действия выходили за рамки дозволенные правительством.

Всё же для исторических исследований проблем церковной истории 1980-х годов характерно утверждение о том, что филантропическая функция церкви, заключающаяся в благотворительности, неизбежно отмирает по мере совершенствования общественных отношений как ненужная в условиях государственной системы социального обеспечения. Однако историки стали отмечать, что в России церковь брала на себя часть общественных расходов на социальные нужды населения, на его медицинское обслуживание. Обладая возможностью через проповеди внедрять в массы верующих определённую социальную доктрину, духовенство не забывало и про идеи благотворения, поэтому светскую благотворительность в России можно рассматривать, в том числе и как результат влияния православия⁴³.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов повышение роли православия в общественной жизни способствовало также изменению отношения к изучению истории социальной активности церкви, появлению публикаций по благотворительности⁴⁴.

Продолжали выходить исследования по истории православной церкви в провинции, но проблемы благотворительности как формы социального служения православной церкви, в них практически не затрагивались.

Итак, в советский период история социальной деятельности РПЦ носила негативную окраску. Церковная благотворительность рассматривалась как мера пропагандистского характера, направленная на укрепление позиций самодержавия. Но в конце восьмидесятых годов стали появляться публикации, в которых содержались взвешенные оценки социальной политики церкви, в том числе и на поприще благотворительности.

Обострение социальной ситуации в России после распада СССР и изменение политических ориентиров актуализировало изучение истории благотворительности. Ещё в начале 1990-х годов появились публикации Л.И. Кучумовой, протоиерея Ф. Ван дер Воорга, Д. Пospelовского, А.Ю. Полунова, затрагивающие историю социального служения церкви и благотворительности⁴⁵, а спустя десятилетие в исторических работах уже говорится о значительном вкладе Русской Православной церкви в организацию социальной помощи нуждавшимся. В книге «О социальной концепции русского православия» отмечается, что православная церковь на протяжении всей своей истории (даже в условиях гонений со стороны Советской власти) реализовывала социальное служение, основанное на добролюбии⁴⁶.

Из современных монографий по истории православной церкви в России интерес представляют исследования С.В. Римского, П.Н. Зырянова, С.Л. Фирсова.

Книга С.В. Римского «Русская церковь в эпоху великих реформ» в большей степени посвящена реформам православной церкви, принятым императором Александром II. Автор видел свою задачу в том, чтобы дать обобщённую характеристику церковных реформ, связанных с приходским духовенством. Им приведены данные о благотворительности православных братств, церковно-приходских попечительств, собранных ими пожертвованиях, динамике роста церковно-приходских школ в империи⁴⁷. С.Л. Фирсов в своей работе «Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918)» проанализировал политико-правовое положение православной церкви в российской политической системе, положение духовенства в структуре российского общества, связанного в частности с его материальным обеспечением⁴⁸. Всё же главной темой его монографии были сложные вопросы именно государственно-церковных отношений, а не социальное служение православной церкви как таковое.

Труд П.Н. Зырянова «Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века» посвящён истории русских монастырей и их социальному служению в двухвековой период. Автор отметил, что вместе с расширением монастырской благотворительности появились монастыри, ориентированные главным образом на проведение благотворительных мероприятий, а особенно активно в этом направлении действовали женские обители, хотя они были беднее мужских, испытывая острый недостаток средств⁴⁹. Между тем П.Н. Зырянов считает, что улучшение жизни народных низов путём расширения монастырской благотворительности было попыткой «смягчить социальный вопрос, подкрепить в людях веру в устои религии, добра и справедливости»⁵⁰.

В 2003 году вышла в свет монография В.А. Фёдорова, к сожалению ныне покойного, «Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период (1700-1917 гг.)», её основная заявленная тема – конфессиональная политика государства и проводимые реформы в области Церкви. Поэтому социальное служение православных монастырей в России рассмотрено бегло, на уровне констатации фактов, приведены лишь таблицы, отображающие число богаделен и больниц при монастырях. По сути, данная книга является переработкой, хоть и существенно дополненной, ранних публикаций автора, изданных в сборниках МГУ «Очерки русской культуры», основой которых, как и отдельной книги, послужили уже упоминавшиеся работы И.К. Смолича⁵¹.

Серьёзное исследование по проблемам благотворительности и призерения в России принадлежит перу волгоградского историка В.Г. Бо-

бровникова⁵², который в своей книге пишет о многогранности церковной благотворительности. Историк приходит к выводу, что благотворительная деятельность церкви, «развиваясь на постоянной основе, приобретала более высокий уровень и распространялась не только на отдельную группу лиц или сословие, но и на всё общество»⁵³.

История православной церкви находит своё отражение и в работах региональных исследователей как светских, так и религиозных. Определённый интерес представляет работа протоиерея Ростислава Снигирёва «История Калужской епархии»⁵⁴, в виде кратких очерков повествующая об истории православия на калужской земле, важных этапах калужской епархиальной истории. По замыслу автора задача исследовать благотворительную деятельность РПЦ не ставилась, хотя протоиерей Р. Снигирёв и пишет о благотворительно-попечительском направлении в деятельности Калужской епархии, как одном из важнейших, особенно активно развивавшемся в годы народных бедствий.

«История Калужской епархии» послужила основой для краеведческих пособий по истории церкви в калужском крае, изданных в последнее время⁵⁵. В одной из книг отмечено содействие церкви региональным благотворительным организациям в годы Первой мировой войны, показана, в частности, роль Калужского епархиального комитета, возглавлявшегося священным Георгием (Ярошевским) в оказании благотворительной помощи⁵⁶.

Некоторые аспекты благотворительной деятельности православных церковных братств в Калужской епархии и социального служения монастырей освещены в публикациях калужских краеведов⁵⁷.

Отдельная тема в региональных исследованиях проблемы социального служения РПЦ — церковь и образование, в рамках которой изучается участие калужского духовенства в организации народного просвещения. Стоит подчеркнуть, что калужские исследователи касались данной темы поверхностно. Так, в брошюре И.С. Писаренко дан краткий обзор развития начальных школ в Калужской губернии, в том числе находившихся в ведении православного духовенства⁵⁸. В работах В.Д. Лагутина отражена история образования на калужской земле, уделено внимание средним духовным учебным заведениям (мужской семинарии, женскому епархиальному училищу)⁵⁹. В то же время значение развития системы начальных церковных школ рассматривается автором недостаточно глубоко⁶⁰. В некоторой степени этот пробел заполняют наши статьи, посвящённые церковно-приходским и школам грамоты Калужской епархии⁶¹.

До настоящего времени вышел ряд учебных пособий, отражающих этапы эволюции социальной работы, становления системы общественного

призрения, развития благотворительной практики Русской Православной церкви⁶².

Проблемы изучения истории социальной помощи в России являются предметом обсуждения на региональных, межрегиональных, всероссийских, международных научно-практических конференциях, семинарах, чтениях. Г.Н. Ульянова в своей статье рассмотрела деятельность церковно-приходских попечительств как структурных единиц благотворительности в Российской империи⁶³. Л.А. Егорова исследовала благотворительную деятельность православных братств Костромской епархии, а в статье Т.Г. Деревягиной анализируются данные, свидетельствующие о большой роли Тамбовской епархии в образовании жителей края. Основные направления изучения благотворительности, в том числе и церковной, на примере Тульской губернии затронуты в публикации О.В. Чирятниковой⁶⁴.

География изучения социального служения православной церкви не ограничивается сегодня только европейской частью России⁶⁵.

В последнее десятилетие социальная деятельность русской православной церкви в пореформенной России остаётся предметом диссертационных исследований. А.П. Афиногентова в работе «Социальная активность русской православной церкви» пришла к заключению, что благотворительность РПЦ могла успешно развиваться только на приходском уровне, и только при отсутствии мелочной опеки со стороны государства и Синода⁶⁶. В кандидатской диссертации С.Г. Зубановой был сделан вывод о духовно-нравственном единстве благотворительности в России XIX века (единении всех категорий благотворителей — индивидуума, общества, государства, церкви)⁶⁷. Д.А. Пашенцев в своём исследовании «Благотворительная деятельность русской православной церкви во второй половине XIX — начале XX века» выделил три уровня осуществления церковной благотворительности: Синодальный, епархиальный и местный (приходской)⁶⁸. В диссертации Н.В. Вантеевой «Общественное призрение на Ставрополье и Кубани в XIX — начале XX веков» благотворительность РПЦ рассмотрена как элемент государственной политики⁶⁹.

Таким образом, можно констатировать, что в наши дни внимание российских исследователей привлекают направления, связанные с изучением истории православной церкви и церковной благотворительности.

История русской церкви второй половины XIX - начала XX века стала предметом изучения западных учёных⁷⁰. Дж. Куртис в монографии «Церковь и государство в России», кратко характеризуя благотворительную деятельность церкви, утверждает, и с ним, очевидно, можно согласиться, что не всегда возможно отделить церковную благотворительность от государственной, поскольку правительство нередко финансировало инициативы в области общественного призрения. О приходской благотворитель-

ности историк пишет, что в очень редких случаях она функционировала надлежащим образом⁷¹.

Особенность подхода западных историков, изучавших историю русской церкви, заключается в том, что они не совсем понимая уникальность России, её менталитет, ту роль, которую играла в общественной жизни православная церковь, не выделяют благотворительную деятельность церкви в самостоятельный аспект, рассматривая её как элемент социальной политики государства.

Историографический обзор показывает, что на разных этапах развития исторической науки благотворительность как форма социального служения православной церкви не раз становилась предметом изучения. Дореволюционные авторы собрали большой материал, обозначили круг проблем, связанных с изучением церковной благотворительности. Советская историография в силу господствовавшей атеистической идеологии не внесла существенного вклада в изучение проблем, связанных с церковной благотворительностью, ибо подвергала резкой критике социальную, в том числе и благотворительную деятельность церкви.

В наши дни большое внимание уделяется проблеме обобщения исторического благотворительного опыта церкви, а это невозможно без проведения исследований на уровне регионов, без изучения благотворительного опыта местных православных организаций, братств, приходских попечительств.

Однако анализ историографии позволяет сделать вывод, что, несмотря на усиливающийся интерес к проблемам, связанным с историей церковной благотворительности, социальная помощь в деятельности православной церкви в Калужской епархии не изучалась. На уровне епархии рассмотрен лишь ряд отдельных сюжетов, посвящённых, в частности, социальному служению православных монастырей и некоторым эпизодам благотворительной деятельности православных братств. В работах региональных авторов была затронута проблема церковной благотворительности в годы народных бедствий, но и она отдельно не исследовалась, будучи обозначенной в общем контексте развития общественной благотворительности в Калужской губернии в периоды войн, голода, эпидемий. Такие важные вопросы, как: взаимопомощь в среде калужского духовенства, благотворительная деятельность обществ вспомоществования нуждающимся учащимся духовно-учебных заведений, до сих пор остаются неизученными. Поэтому данные сюжеты необходимо детально разрабатывать и выводить изучаемую проблему на качественно иной уровень научного осмысления.

Подчеркнём, что важное значение для любого исследования имеет верное использование определённого понятийного аппарата. В моно-

графии ключевыми являются понятия «социальная помощь» и «благотворительная деятельность». Социальная помощь предполагает оказание любой необходимой помощи нуждающимся в человеческом обществе со стороны отдельного человека или организации.

Понятие «благотворительная деятельность» («благотворительность») сложно и неоднозначно. Этимологически понятие «благотворительность» эволюционировало во времени, меняясь в зависимости от философских воззрений авторов или вовсе исчезая в угоду определённой политической конъюнктуре. Попытки определить, что же такое «благотворительность» находим у философов, энциклопедистов, юристов, историков, причём каждый из них стремился выделить ту или иную сторону благотворительности⁷². Например, религиозными авторами под благотворительностью понималась «... основанная только на чувстве любви к другому, деятельность, которая направляется на возвышение его духовного и материального благосостояния»⁷³, а в энциклопедиях её определяли как проявление сострадания к ближнему и нравственную обязанность имущего спешить на помощь неимущему⁷⁴ либо как свойство благотворящего, где благотворитель — это человек, делающий добро другим⁷⁵. Благотворительность представляли и как часть государственных и общественных учреждений, предохранявших бедных от крайней нужды с помощью пособий, не требуя ничего взамен⁷⁶. В советских словарях понятие «благотворительность» вообще отсутствовало или встречалось с пометой «бурж.», «устар.», «до рев.», неся негативную эмоциональную оценку⁷⁷.

Действующий закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» (принят 11.08.95 год) определяет благотворительность как «добровольную деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной помощи», что очень широко и, наш взгляд, только усложняет понимание сущностных характеристик благотворительности.

Наиболее приемлемым, по нашему мнению, является определение понятия «благотворительность», данное П.И. Нещеретним, понимавшим её как проявление целенаправленного внимания к людям, неспособным обеспечить себя своими собственными силами, поддержании их материально и духовно. Именно в этом контексте оно будет использоваться в настоящей работе.

Автор выражает благодарность сотрудникам Государственного архива Калужской области, Калужского областного краеведческого музея и лично Е.А. Прошкиной за оказанную помощь в подборке мате-

риалов для настоящего исследования. Особую благодарность хотелось бы выразить также коллективу Центральной городской библиотеки им. Н.В. Гоголя и персонально директору О.А. Шагиной, сотрудникам Калужской областной научной библиотеки им. В.Г. Белинского.

С чувством глубокой признательности автор благодарит всех своих родных и близких, без искренней и постоянной поддержки которых написание этого труда было бы невозможным.

Отдельное спасибо коллегам-историкам, нашедшим время прочитать рукопись и внесшим ряд весьма полезных замечаний: доктору исторических наук Виктору Яковлевичу Филимонову, кандидату исторических наук Владимиру Алексеевичу Лыткину, кандидату исторических наук Виталию Анатольевичу Бессонову.

Глава 1

Материальное и правовое положение православной церкви в Российской провинции

В церковно-административном отношении Российская империя делилась на епархии, число коих в 1861 году насчитывалось 58, в 1900 — 65, а в 1917 — 68⁷⁸. В численном отношении епархии увеличивались медленно, для изучаемого периода характерно отставание роста количества епархий по отношению к росту численности населения и увеличения территорий империи.

Складываясь в различных исторических условиях, епархии отличались друг от друга как по величине, так и по количеству приходов. Известно, что во второй половине XIX века Калужская (открыта 16 октября 1799 года) и Тульская епархии были одними из самых малых по площади, их территории составляли 7171 и 26 956 кв. версты соответственно⁷⁹. В конце XIX века в Калужской епархии проживало 1 185 726 человек⁸⁰, но к началу XX столетия численность населения возросла (1910 год — 1 419 949 душ обоого пола); из них мужчин — 661 тысяча, женщин — 758 тысяч⁸¹. Православие исповедовали 96 % жителей епархии (к 1909 году — 1 215 976 человек)⁸². По социальному составу население в основной массе своей было крестьянским, во второй половине XIX века насчитывалось 586 262 крестьян (т. е. 58,2 %) ⁸³.

Статистические данные свидетельствуют, что численность духовенства Калужской епархии изменялась незначительно, хотя была заметна тенденция к уменьшению. Так, в 1828 году к духовному сословию принадлежали 5654 человек⁸⁴, а к началу XX века клириков было 5070 человек, что составляло около 233 пасомых на одного представителя духовенства⁸⁵. Известно, что в 1917 году насельников в калужских монастырях насчитывалось 1066 человек, среди них 542 монашествующих и 524 послушника⁸⁶.

Главными носителями церковной власти на местах были епархиальные архиереи, назначаемые монархом с согласия Синода. Епископ имел право представлять в Синод предложения об изменениях в действующих законах и правилах по церковным предметам, издавать инструкции для епархиальных учреждений, утверждать уставы церковноприходских попечительств, братств, обществ⁸⁷.

В Калужской епархии епископы сменялись довольно часто, с 1851 по 1917 годы калужскую кафедру занимали одиннадцать человек.

Дольше всех в течение тридцати лет (1851–1881) епархией управлял Григорий II (Митькевич). Средний же срок службы местных архипастырей составлял два года⁸⁸. Понятно, что такая ротация архиереев подспудно сказывалась на епархиальной жизни.

В ведении епископов находились исполнительные органы — духовные консистории, осуществлявшие административные и судебные функции. Консистории состояли из присутствия, члены которого назначались архипастырем, чаще из приходского духовенства, и канцелярии во главе с секретарём, светским чиновником, подчинявшимся обер-прокурору. Каждый член присутствия ведал особым кругом дел, имел свой «стол», как выражались тогда.

К структурным подразделениям епархии относились также местный Училищный совет, образованный для заведования делами церковно-приходских школ, и выполнявшее благотворительную миссию епархиальное попечительство о бедных духовного звания.

В 60–70-е годы XIX века были расширены полномочия архиереев, стали проводиться съезды духовенства. В результате преобразований сложилась двойная система управления церковью: по линии обер-прокурора и духовных консисторий и по линии Синода и архиереев.

Главными помощниками архипастырей в пределах епархии были благочинные, священнослужители, курировавшие несколько районов епархии — благочиннические округа, которых в Калужской епархии насчитывалось 26. Для оказания помощи благочинным в 1866 году были учреждены «временные съезды духовенства», на которых обсуждались нужды духовного сословия, разбирались жалобы и прошения о пособии. Каждое благочиние состояло из 15–35 церквей. Обычно в своих действиях клирики опирались на выборных церковных старост из числа прихожан⁸⁹. В исследуемый период приход служил не только церковной, но и административной единицей. Приходское духовенство вело запись актов гражданского состояния, что позволяло ему находиться в курсе всех дел своей паствы.

Однако выполнение церковью своих функций, в том числе и социальной, было бы невозможно без наличия собственной материальной базы, а её основу, как правило, составляли церковные и монастырские земельные наделы, доходы от различных сборов, казённые субсидии и банковские капиталы.

В XIX–XX веках бюджет РПЦ составлялся из: 1) казённых субсидий; 2) специальных средств Синода; 3) местных епархиальных доходов.

Размер государственных дотаций менялся. Но на протяжении всей второй половины XIX века в среднем всего лишь 1,5 % госсредств шли на нужды православной церкви, но надо ещё учитывать постоянную инфляцию и девальвацию рубля в годы войн и кризисов. Всё же бюджет православного ведомства постепенно возрос с 1870 к 1913 году более чем в пять раз (с 8,66 до 44,4 млн руб.)⁹⁰.

Спецсредства Синода составлялись из сумм Хозяйственного и Духовно-учебного управлений, к 1891 году — 37,6 млн рублей⁹¹. Но пользоваться церковью могла не всеми капиталами, а лишь процентами с них.

Епархиальные доходы составлялись из кружечного и кошелевского сборов (средства, собираемые в специальные церковные кружки и кошельки на определённые цели — ремонт храма, поддержка причта, благоустройство кладбищ и т. п.), добровольных пожертвований, доходов с церковной недвижимости. До 1808 года в распоряжении епархий оставалась прибыль от продажи свечей. Но в связи с начавшейся тогда реформой духовно-учебных заведений эти средства надлежало высылать в распоряжение Синода. В среднем во второй половине XIX века ежегодный свечной сбор по Калужской епархии составлял 30–35 тыс. рублей. А в 1900-х годах чистая прибыль епархиального свечного завода составляла 45–50 тыс. руб. в год⁹². Доходы от кружечных и кошелевских поступлений с 1861 по 1871 год возросли почти в три раза (с 85,67 тыс. руб. до 244 тысяч). Всё же получаемые приходскими церквами епархии ежегодные доходы были невелики, составляя в среднем на каждую церковь по 540–550 рублей⁹³.

К местным церковным средствам относились и капиталы созданных в 1823 году Епархиальных попечительств о бедных духовного звания, но подробно о них пойдёт речь в дальнейшем.

По действующему тогда законодательству церковные учреждения и организации всех уровней обязательно должны были вкладывать часть своих средств в государственные кредитные организации. Поэтому вполне естественно, что церковные капиталы с течением времени возрастали, принося весьма крупные проценты, например, в 1911 году — 2 млн рублей⁹⁴. По данным И.К. Смолича к 1914 году капиталы приходских церквей, епархиальных управлений и монастырей, клира составляли в общей сложности поистине «гигантскую» сумму — 184 млн рублей⁹⁵. На этом фоне средства Калужской епархии выглядят скромно. Так, в ходе национализации 1918–1919 годов у калужской церкви были конфискованы капиталы в 1,215 млн рублей⁹⁶.

По-видимому, к статистическим данным о капиталах церкви нужно относиться с известной степенью осторожности, так как, даже обладая довольно значительными капиталами, церковь зачастую не имела права распоряжаться ими полностью, расходуя на свои нужды лишь проценты с них. Более того, основные массы средств, имевшихся у церкви в годы мировой войны, были вложены в военные займы.

Свои капиталы имели и монастыри, владевшие ещё и земельными угодьями. Среди монастырей центрального региона России калужским, например, в конце XIX века принадлежало 5256 десятин. Правда, основу монастырского земельного фонда составляли неплодородные земли, под пашнями значилось лишь 842 дес., т. е. 16 % всего фонда. В первое десяти-

летие XX столетия земельные владения монастырей Калужской епархии расширились. Документы свидетельствуют, что накануне Первой мировой войны в епархии функционировало 15 монастырей и монашеских общин, среди них восемь мужских и семь женских. Число насельников и насельниц во всех монастырях и общинах составляло 2703 человека (799 мужчин и 1904 женщины, из последних — 713 в монашеских общинах). При этом практически все монастыри епархии владели землёй.

Таблица 1

Монастыри Калужской епархии Перед первой мировой войной

Монастыри	Земельный надел (дес.)	Число монашествующих
Мужские монастыри		
Козельская Оптиная пустынь	2 928	353
Калужская Тихонова пустынь	1 258	229
Малоярославецкий Николаевский	995	49
Мещовский Георгиевский	562	44
Перемышльский Лютиков	415	39
Лихвинский Добро-Покровский	343	30
Пафнутьев-Боровский	152	55
Итого	6 653	799
Женские монастыри		
Казанская Амвросиева пустынь	1 436	776
Казанский Боголюбивый	1 322	193
Калужский Казанский	234	222
Итого	3 558	1 904
Всего в монастырях	10 211	2 703

Из таблицы 1 видно, что к 1914 году земельный фонд калужских монастырей вырос почти в два раза, составив в сумме 10,2 тыс. дес. (мужские монастыри владели 6653 дес., а женские, считая общины, — 3558 дес.)⁹⁷. Но за три года (к 1917 году) земельные площади девятнадцати монастырей, пустыней, скитов Калужской епархии сократились на 40 %, причём женские монашеские общины вовсе не имели земли⁹⁸.

Однако не все российские монастыри владели значительными земельными богатствами, большинство из них имели земельные участки в 100–200 или от 200 до 500 десятин. В Калужской епархии в 1913 году наиболее крупные земельные наделы были у Оптиной пустыни и Амвросиевой женской пустыни (2928 и 1436 дес.), а в 1917 году — у Оптиной пустыни (1207 дес.) и Малоярославецкого Николаевского монастыря (941 дес.)⁹⁹.

В исследуемый период монастыри вели предпринимательскую деятельность, сдавая в аренду земли или недвижимость. Изучив структуры землепользования монастырей центрального региона (235 обителей, владения — 92 тыс. дес.), В.Ф. Зыбковец констатирует, что почти половину сельхозугодий (10 тыс. дес.) монастыри сдавали в аренду за деньги и исполу¹⁰⁰. Например, в 1875 году Малоярославецкий Черноостровский монастырь сдавал в аренду крестьянам для покоса луга, а со своего московского подворья монастырь получал 9 тыс. руб. в год¹⁰¹. Приносил монастырю доход и кирпичный завод в д. Князь-Романово Малоярославецкого уезда¹⁰².

Монастыри, кроме рассмотренных источников, получали доходы от свечного, кошелевского и кружечного сборов, продажи просфор, деревянного масла; от вкладов на поминовение умерших, платы за погребение на монастырских кладбищах, от гостиниц и т. д.¹⁰³.

Государственные субсидии монастырям не были столь «огромны», как считали ранее. В 1864 году им было отпущено 303 тыс. руб., что составляло 5,6 % от общей сметы Синода на год (в 1910 году и того меньше — 1,1 %)¹⁰⁴.

Известно, что в 1914 году в Калужской епархии только пять монастырей получали казённое пособие на сумму 4859 рублей. Среди них четыре мужских (Пафнутьев-Боровский — 1860 руб., Малоярославецкий — 840 руб., Лихвинский и Лютиков по 711 руб.) и Калужский Казанский женский — 337 рублей¹⁰⁵. По данным Н.М. Никольского, в 1916 году на госфинансировании были 275 из 934 монастырей, им выделили 423 582 руб., на каждый в среднем 150 рублей¹⁰⁶.

Стоит, наверное, признать, что развитие монастырей мало зависело от казны, ибо гораздо значительней были частные пожертвования. Даже простые богомольцы старались чем-то отблагодарить монастырь за гостеприимство и возможность помолиться в святом месте. По некоторым

сведениям, в 70-е годы XIX века православные монастыри в Российской империи имели годовой доход в среднем около 9 млн рублей¹⁰⁷. В то же время монастыри Калужской епархии не считались богачами, скорее большую часть из них можно отнести к обителям со средним и даже ниже среднего уровня доходов. Так, в выявленную Д.И. Ростиславовым на середину 1870-х годов беднейшую группу монастырей (капитал не более 15 тыс. руб.) входили пять монастырей Орловской и один Калужской епархии.

Известно, что по состоянию на 1909 год из пятнадцати монастырей и монашеских общин Калужской епархии только Оптина пустынь имела доходы до 100 тыс. руб., три монастыря получали от 25 до 50 тыс. руб., основная группа (11 обителей) извлекала ежегодный доход в 25 тыс. рублей¹⁰⁸.

Таблица 2

Монастырские капиталы во второй половине XIX – начале XX веков, руб.*

Монастыри	1870-е гг.	1908–1911	1915–1916
Калужская епархия			
Козельская Оптина мужская пустынь	99 800	150 540	538 911
Калужская Тихонова мужская пустынь	28 406	—	423 326
Казанская Амвросиева женская пустынь	—	—	171 723
Калужский Казанский женский	—	—	141 433
Малоярославецкий Николаевский мужской	61 928	—	92 649
Мещовский Георгиевский мужской	15 000	—	76 730
Тарусская Троицкая женская община	—	—	62 151
Казанский Боголюбивый женский	—	—	30 233
Лихвинский Добро-Покровский мужской	—	—	30 041
Перемышльский Лютиков мужской	—	—	18 317

* Прочерк означает отсутствие сведений. Источник: Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX – нач. XX веков М., 2002. Приложение 2. С. 296–300

Из данных таблицы 2 видно, что к 1915 году доходы монастырей Калужской епархии значительно выросли, только Перемышль-

ский монастырь имел доход менее 20 тыс. руб., годовые же доходы Оптиной пустыни «перевалили» за полмиллиона, а Тихоновой пустыни приблизились к этой сумме. Две женских обители получали в 1915/1916 году более 100 тыс. руб.; три монастыря имели доход более 50 тыс. руб. (Малоярославецкий – 92,6 тыс. руб.), а два – более 30 тыс. рублей. Однако при констатации роста монастырских доходов надо учитывать фактор войны, тем более затяжной, приводящей к постепенному обесцениванию денег, а значит, к «вздорожанию жизни» и увеличению пропорционально расходов на собственные нужды монастырей.

Во второй половине XIX века очень остро стоял вопрос с материальным обеспечением причтов. Постепенно правительство приходило к пониманию необходимости централизованного финансирования духовенства. Но и в 80-е годы XIX века епархии Центрально-Европейского региона России были обеспечены скудно, в них содержание священника колебалось от 72 до 180 руб., диакона – 54–80 руб., причетника – 24–40 руб. в год¹⁰⁹.

Если городское духовенство еще могло как-то существовать за счёт прихожан, то сельских священников, правда получавших с 1850 года жалованье по классам¹¹⁰, жизнь для содержания своей, часто многодетной семьи, вынуждала обрабатывать землю наравне с крестьянами. В случае необходимости священник переплетал книги, требники, службы и т. д. Сельский священник И.С. Беллюстин свидетельствовал, что «священник-земледелец есть тот же крестьянин, лишь только грамотный, – с образом мыслей, с желаниями, стремлениями, даже образом жизни чисто крестьянскими»¹¹¹.

Естественно, на исполнение своих прямых обязанностей у этих священников оставалось немного времени и желания; в Великороссии самый лучший из сельских приходов приносил священнику 150–200 руб., а посредственный – 60–100 руб. в год, при неизбежных годовых растратах от 650 до 800 рублей¹¹². Если священники были не удовлетворены свои доходами, то что говорить о прочих членах причтов. По правилам разделения церковных доходов, действовавших в Калужской епархии: при церквях однокомплектных (четыре лица) из рубля дохода священнику полагалось 45 коп., диакону – 25 коп., дьячку и пономарю – по 15 копеек. Там же, где священник служил только с дьячком и пономарём, то он получал 60 коп. с рубля, а оба последних – по 20 копеек¹¹³. Епархиальные власти признавали, что содержание духовенства «большой частью весьма скудно»¹¹⁴.

Согласно документам, в 1866–1870-е годы на содержание духовенства Калужской епархии казной отчислялось в среднем по 86,8 тыс. руб.; в начале XX века казённые субсидии выросли до 170–200 тыс. рублей.

Таблица 3

Казённое содержание калужского духовенства

Год	Общее число приходов	Сумма содержания, руб.
1866	608	86 827
1867	607	86 809
1871	576	86 809
1872	600	86 864
1903	610	178 531
1905	620	202 262

Источник: КЕВ. 1867. Прибавления. № 10. С. 271–275; 1868. оф. ч. № 7. С. 83–87; 1872. оф. ч. № 6. С. 51–52; 1872. оф. ч. № 10. С. 69–73; 1903. оф. ч. № 2. С. 18–20; 1905. оф. ч. № 4. С. 69–71.

Анализ данных таблицы 3 показывает, если взять за основу стопроцентное обеспечение жалованием калужского клира и разделить отчисляемую сумму на общее количество приходов, то во второй половине XIX века в среднем на причт приходилось максимум по 142,8 руб. в год и по 310 руб. в начале XX века (средняя сумма казённого жалования — 190 тыс. руб.). Если же учесть тот факт, что жалование получали причты только половины, а в лучшем случае, двух третей из имевшихся в епархии приходских церквей, сумма казённого жалования на один причт будет в 1,5–2 раза больше, т. е. от 290 до 650 руб. в год. Так как большая часть денег доставалась священнику, то остальные члены причта находились в бедственном положении.

В 1900 году средние размеры окладов духовенства были увеличены. Священник стал получать 300 руб., диакон — 150, псаломщик — 100 руб. в год. Но это не снимало материальные проблемы причтов. В отчёте оберпрокурора указывалось, что жалование от казны стоит на последнем месте среди источников обеспечения духовенства, уступая пожертвованиям прихожан за требы, доходам с церковных земель и т. д.¹¹⁵ Проанализировав имеющиеся данные за 1905–1907 годы, можно прийти к выводу, что, взимая плату за различные требы (венчание, отпевание, крещение), причты в среднем могли получить 2,9–3,9 тыс. руб. ежегодно, но и эти поступления не были стабильны¹¹⁶.

Учитывая остроту проблемы, правительство с 1912 года прибавило на жалование духовенству 600 тыс. рублей. Из 450 тыс. руб., предназна-

ченных на содержание причтов в имевшихся уже приходах европейской России, приходы Калужской епархии получили 7 тыс. руб. (Тульской — 13 тыс. рублей)¹¹⁷.

Хотя к 1917 году общее число причтов, получавших государственное содержание, всё же достигло 35 516 единиц (на 42 713 приходов), оклады, которые получали 55,59 тыс. клириков, остались на уровне начала XX века (15 тыс. человек получали выше установленной нормы, а почти 26 тысяч окладов не получали)¹¹⁸.

Итак, проблема материального обеспечения приходского духовенства существовала на протяжении всего исследуемого периода. Государство, конечно же, не один раз пыталось решить эту насущную проблему, но в силу целого ряда причин не смогло этого сделать в полном объёме. Всё же стоит признать, что, несмотря на все испытываемые трудности, клирики на рубеже XIX–XX веков несколько улучшили своё материальное положение.

Ещё одна проблема, с которой сталкивалось приходское духовенство — жильё. Издавна сложилось так, что клирики, по существу, решали её каждый по-своему. Особенно остро проблема ощущалась в городах, где недвижимость и строительство стоили дороже. Успешному решению данной проблемы препятствовали многие обстоятельства, и в первую очередь, отсутствие средств на приобретение или строительство домов как у Церкви, так и у государства. Ясно, что отсутствие необходимого жилья затрудняло епархиальные власти при назначении на места, а клириков обрекало на годы проживания в наёмных помещениях и, следовательно, на дополнительные траты и неудобства. Такая ситуация была типична и для Калужской епархии. Правда, ещё с 1840-х годов правительство требовало от прихожан, чтобы те строили клирикам, не имевшим собственных, причтовых дома, но к 1911 году таковые были построены только в половине приходов¹¹⁹. В целом, проблема обеспечения жильём была составной частью более широкой проблемы материального обеспечения белого духовенства. Можно констатировать, что, несмотря на правовой статус православия как господствующей религии, материальное, да и социальное положение большинства представителей православного духовного сословия оставляло желать лучшего, и нет ничего удивительного в том, что в среде самого духовенства зародились, а в XIX–XX веках значительно развивались элементы социальной взаимопомощи.

Глава 2

Взаимопомощь в среде православного духовенства Калужской епархии

Внутреннее положение России во второй половине XIX – начале XX века настоятельно требовало осуществления мер социальной защиты населения. Государственная система социальной помощи, охватывавшая все слои населения отсутствовала, в таких условиях наибольшую значимость приобретали – добровольная организация общественного призрения и частная благотворительность.

Необходимость создания развитой системы общественного призрения в России определялась и тем фактом, что в благотворительной помощи, по некоторым данным, нуждалось не менее 5 % населения страны¹²⁰. С одной стороны, это частично компенсировалось ростом числа организаций, оказывавших эту помощь. К 1 января 1899 года в России насчитывалось 14 854 благотворительных учреждений, из них 7349 обществ и 7505 заведений¹²¹. Тогда же в Калужской губернии насчитывалось три благотворительных общества и двадцать три благотворительных учреждения, а в Тульской губернии – шесть и сорок соответственно¹²². Однако в конце XIX века в среднем на 100 тыс. жителей европейской части России приходилось лишь двенадцать благотворительных учреждений¹²³. Но такого количества благотворительных учреждений было недостаточно, так как к началу XX века общее число россиян, воспользовавшихся помощью благотворительных заведений, превысило 1 млн чел., а в денежном отношении это выразилось в сумме более 500 млн рублей. Так, в Калужской, Смоленской и Тульской губерниях благотворительную помощь получили 14 380, 14 548 и 29 646 человек на общую сумму 15 831 рубль¹²⁴.

Однако, по замечанию священника В. Рождественского, «при всём обилии благотворительной помощи, толпы нищих наполняют собою города и деревни, тысячи бедных и несчастных, хотя и не умирают с голода, но терпят недостаток в самых первых жизненных потребностях...»¹²⁵

Во второй половине XIX века остро стоявший вопрос о реорганизации дела социальной помощи нуждавшимся свидетельствовал о недостаточной эффективности принимаемых правительством мер. Ситуацию необходимо было менять, и в этом могла помочь церковь, имевшая солидный опыт организации социальной помощи, основанный на вековых традициях практической реализации принципов милосердия и любви к ближнему.

Известно, что многие благотворительные общества второй половины XIX века имели православный характер. По данным А. Линдеймейер,

20–40 % всех благотворительных обществ, открывавшихся в России с 1856 по 1875 год оказывали помощь православному населению. А более 1/3 всех благотворительных обществ, учреждённых в 60-е года XIX века находилось в ведении Ведомства православного исповедания¹²⁶. В конце XIX века православное ведомство опекало 3358 благотворительных учреждений. В этом отношении церковь уступала только всевышнему Министерству внутренних дел (6835 учреждений)¹²⁷. То есть, выполняя социальную функцию, православная церковь занимала далеко не последнее место в организации благотворительной деятельности.

Взяв на вооружение христианские основы учения о милосердии, православная церковь смогла апробировать на протяжении веков свою методику оказания социальной помощи, всплеск её приходится на вторую половину XIX – начало XX веков. Сложившаяся в России социальная ситуация и место церкви в системе общественных отношений, говорят о том, что была объективная потребность в благотворительной деятельности духовного ведомства, а с другой стороны – у церкви имелись возможности для реализации инициатив в этой области.

В изучаемый период благотворительная деятельность РПЦ осуществлялась на трёх основных уровнях: общецерковном, региональном и местном¹²⁸.

Мероприятия общецерковного масштаба осуществлялись под руководством Синода, являвшегося фактически частью госаппарата и проводившего, по сути, в жизнь политику правительства в социальной сфере.

Региональный уровень благотворительной деятельности церкви можно назвать епархиальным.

Социальное служение духовенства на местном уровне связано, в первую очередь, с благотворительной деятельностью церковных приходов

Хотя православная церковь в России занимала привилегированное положение по сравнению с другими конфессиями у государства, всячески подчёркивавшего приверженность идее церковно-государственного союза, не хватало средств для того, чтобы обеспечить достойную жизнь будущих пастырей. Отсюда первоочередной социальной задачей церкви на региональном уровне было организовать взаимопомощь в среде духовного сословия.

С 1842 года начался перевод приходского духовенства на государственное жалование, однако оно было явно недостаточным и выдавалось далеко не во всех приходах. Но если служащие священники ещё могли прокормиться за счёт прихода, то «заштатные», т. е. ушедшие на пенсию, а тем более их вдовы и сироты, оставались практически без средств к существованию. Известно, что в 60–70-е годы по старости и болезни увольнялось за штат 11–12 тыс. клириков, а в 1880-е годы – 6–7 тысяч¹²⁹.

Назначение пенсий клирикам имело свои характерные особенности. Согласно «Положению о государственной росписи на 1861 год» ежегодные

расходы на пенсионное обеспечение священников и семей исчислялись только 4 % из капитала в 4,5 млн. руб. и составляли не более 180,3 тыс. рублей¹³⁰. Этот пенсионный фонд с 4 апреля 1842 года формировался из двухпроцентных отчислений казённого содержания причтам.

Назревшую проблему необходимо было решать. Однако 9 мая 1866 года был утверждён не пенсионный устав, а «Временные правила о пенсиях и единовременных пособиях священникам епархиального ведомства и семействам их». Согласно законодательству право на пенсию получали священники, прослужившие не менее 35 лет и уволившиеся на покой, причём срок выслуги отсчитывался с того времени, когда данное лицо было возведено в священный сан. Важной деталью правил стало включение в сроки выслуги духовно-училищной службы, да ещё на льготных условиях: каждый год её засчитывался за год и три месяца епархиальной службы (ст. 3). Те, кто выслужил 35-летний срок, но продолжал состоять в причте, пенсий не получали (ст. 9). Теряли право на пенсию уволенные за проступки и преступления, запрещённые в священнослужении с низведением в причетники и, тем более, лишённые священнического сана (ст. 13)¹³¹. Выплата пенсий священнику прекращалась, если он снова поступал на службу епархиального ведомства или постригался в монахи.

Вдова священника имела право на пенсию в трёх случаях: 1) если муж умер на службе, имея уже соответствующую выслугу; 2) если он находился в отставке с пенсией или без пенсии, но имел право на неё; 3) если находился под судом или следствием, но был оправдан и выслугой лет заслужил право на пенсию (ст. 15). Вдовы теряли пенсию при замужестве, поступлении в монастырь и осуждении судом к наказанию, лишаящему права на пенсию¹³².

Таким образом, значительная часть священников тоже отсекалась от пенсионного фонда. Однако и счастливчики получали очень маленькую сумму: священники — 70 руб.; вдовы — 35 руб.; вдовы, имеющие «малолетних, увечных или одержимых неизлечимыми болезнями» — 45 руб. в год.

Для духовных лиц, не получающих жалованье в июле 1865 года Синод установил постоянные взносы в пенсионный фонд¹³³. А 14 ноября 1866 года с той же категории лиц были установлены взносы для выдачи городскому и сельскому духовенству единовременных пособий (6–12 руб. со священников в городах; от 2 до 5 руб. — с сельских священников и городских диаконов). С сельских диаконов взималось от 1 до 3 руб. в год¹³⁴. Однако же сами диаконы, а до 1876 года и протодиаконы, а тем более причетники были лишены права на пенсию и в этом отношении оставлены на произвол судьбы¹³⁵.

В соответствии с законом в 1867 году пенсии и единовременные пособия получили 4013 клириков и членов их семей на сумму 282 819 руб., т. е. по 70,5 руб. в среднем.

Синод настоятельно рекомендовал подавать точные ведомости о священнослужителях в епархиях, имевших право на получение пенсии и не утративших таковое. Это было связано с тем, что выявлялись многочисленные случаи, когда значившиеся в списках на получение пенсий священники к моменту её начисления были уже мертвы, а деньги на них выделялись. Синод обязал консистории доставлять списки о наличных пенсионерах в епархии к 1 января, в них подтверждалось право духовного лица на получение пенсии¹³⁶. Распоряжением архиерея по Калужской епархии такие сведения благочинными доставлялись ежегодно к 22 декабря¹³⁷.

Впоследствии пенсии увеличивались дважды. С 1 января 1867 года пенсионные оклады были повышены на 20 руб.; за выслугу 35 лет священники стали получать пенсию 90 руб. в год (п. 18), их вдовы 55 руб. (п. 19), а имеющие малолетних или увечных детей — по 65 руб. в год (п. 20)¹³⁸.

Рассмотрим, как действовали эти нормативно-правовые акты в Калужской епархии. Известно, что в 1866 году при 608 православных церквях епархии проходили службу 2193 священно- и церковнослужителей. В тот же год были уволены по старости и болезни за штат 173 священно- и церковнослужителя, однако только 26 священников и протоиерей находились на пенсионном обеспечении, да ещё 30 священнических вдов¹³⁹. Например, указом Синода от 9 января 1867 года пенсии были назначены священнику с. Галкино Медынского у. П. Гречанинову и вдовам священников с. Борятино Мещовского у. А. Сперанской и Боровской единоверческой церкви Л. Кудрявцевой¹⁴⁰.

Таблица 4

Число священнослужителей, вышедших за штат и состоявших на пенсионном обеспечении

Год	Протоиереи			Священники			Диаконы			Причетники			Всего		
	с.	з.	п.	с.	з.	п.	с.	з.	п.	с.	з.	п.	с.	з.	п.
1863	н/с	—	—	н/с	8	—	н/с	6	—	н/с	5	—	н/с	19	—
1866	18	1	1	670	48	26+30 вдов	256	33	—	1249	91	—	2193	173	27+30 вдов
1867	19	1	1	660	46	29 + 49 вдов	230	35	—	1217	111	—	2805	193	30+49 вдов
1870	19	1	1	640	35	нет св.	229	35	—	1148	76	—	2036	147	нет св.
1871	19	2	1	629	33	23+56 вдов	229	30	—	1107	84	—	1984	149	24+56 вдов

Из таблицы 4 видно, что в 1867 году общее число штатных священнослужителей выросло на 612 человек, а вышедших за штат на 20 человек, однако число пенсионеров увеличилось на трое среди священников и на 19 человек среди их вдов¹⁴¹. Таким образом, в 1860-е годы пенсию получали лишь 15,5 % калужских заштатных священников (не считая вдов). В начале 1870-х годов было проведено широкомасштабное сокращение причтов, а значит, уменьшились и штатные должности, но число пенсионеров увеличилось незначительно (16,1 % ушедших в отставку)¹⁴².

С 1 января 1879 года установили пенсии священникам по 130 руб., бездетной вдове полагалось 65 руб., а вдове с детьми — 90 руб. ежегодно¹⁴³. В Калужской епархии в 1879 году, согласно новому закону пенсию назначили 64 чел. (12 священнослужителям, а также 4 вдовам священников (по 90 руб.) и 48 вдовам по 65 руб.). Но без пенсий оставалось значительное число духовенства. Только с 1 января 1880 года диаконы, имевшие 35 лет выслуги, стали получать пенсию в размере 65 руб. в год; вдовы, имеющие малолетних или увечных детей, — 50 руб., бездетные — 40 руб. в год¹⁴⁴. Число клириков, их вдов, получавших пенсию от казны в Калужской епархии отражено в Приложении 2.

Строящаяся государственная система пенсионного обеспечения православного духовенства работала нечётко. Считалось вполне обычным делом, если пенсии задерживались на 1,5–2 года.

Чтобы хоть как-то поправить материальное положение, у священника и его семьи оставался ещё шанс получить единовременное пособие. Но для этого духовному лицу необходимо было иметь не менее чем 25-летний стаж «беспорочной» службы, и желательно, чтобы за предоставление пособия похлопотало епархиальное начальство. Так, согласно представлению калужского епархиального начальства от 24 декабря 1866 года были назначены пособия 64 чел. (3 священникам и 7 вдовам; 5 диаконам и 5 вдовам; 21 причетникам и 23 вдовам) на общую сумму 2520 рублей¹⁴⁵.

Для выдачи единовременных и постоянных пособий лицам, не выслужившим пенсии, вдовам и сиротам, при Синоде существовал особый капитал. Весной 1870 года Синод установил фиксированные суммы, отпускавшиеся на каждую епархию и максимальные размеры пособий: для протоиереев, священников и их семей — не более 70 руб. в год, диаконам — 50 руб. и псаломщикам (причетникам) — 30 руб. в год. С этого времени епархии раз в год не позже 1 сентября присылали в Синод списки на свою сумму с указанием пособия. После проверки и утверждения списков деньги переводили по епархиям. В 1870 году этот сбор составил около 65 тыс. руб. — мизерную сумму по сравнению с потребностями¹⁴⁶. Определениями Синода в 1871 году единовременное пособие по Калужской епархии было назначено 95 священно- и церков-

нослужителям и членам их семей на общую сумму 3 880 рублей¹⁴⁷. Если проследить по ведомостям количество назначенных за 1873–1882 годы в помощь наиболее бедным представителям духовного сословия пособий, то можно увидеть, что на долю Калужской епархии ежегодно приходилось 1 230 руб. Ежегодно в среднем по епархии 30 «счастливиц» получали единовременную помощь. Большая часть выдаваемых пособий, как правило, предназначалась вдовам причетникам (в среднем ежегодно 15 чел.), т. е. самой незащищённой категории среди духовного сословия, так как ни они, ни их мужья пенсию от казны не получали (см. Приложение 3).

Для получения единовременного пособия нужно было представить сведения о выслуженном духовным лицом сроке, священном сане, семейном и материальном положении, включая дополнительные доходы, в том числе казённые дотации на детей (стипендии или пособия). Если пособие запрашивалось по болезненному состоянию, то оно удостоверялось приложением медицинского свидетельства. Без данных сведений представления благочинных и просьбы частных лиц о пособии оставались без удовлетворения¹⁴⁸. Естественно, на всех нуждавшихся в пособии средств не хватало, поэтому Синод рекомендовал архиереям ограничивать число претендентов¹⁴⁹.

Для оказания единовременной помощи сиротам клириков Синод в 1877 году разрешил проводить по епархиям специальные сборы¹⁵⁰.

Таким образом, система государственного социального обеспечения духовенства находилась в зачаточном состоянии.

Благотворительная деятельность РПЦ на епархиальном уровне связана с такими учреждениями, как попечительства о бедных духовного звания, которые можно отнести к органам сословной благотворительности. Законодательную базу епархиальных попечительств составляло вышедшее в 1823 году положение «О призрении бедных духовного звания». Целью попечительств было призрение «беспомощных» лиц духовного сословия. Средства из казны попечительствам не отпускались, они финансировались за счёт епархий¹⁵¹.

Попечительство о бедных духовного звания в Калужской епархии состояло из пяти–шести членов, назначавших пособия. Известно, что в 1903 году членами Попечительства были протоиереи А. Колыбелин, И. Соколов, священники И. Сперанский, И. Протопопов, Н. Добромыслов (казначей) и А. Рождественский.

Производство денежных сборов в пользу вдов и сирот духовенства несли на себе благочинные, которые поступающие к ним от причтов и церковных старост деньги, частью представляли в Попечительство, частью оставляли на руках до особого распоряжения, но непременно подавали подробную ведомость денежных сборов по каждому приходу округа.

Основными статьями доходов епархиального Попечительства были отчисления от церквей и причтов, приносившие в 70–80-е годы в среднем 9,5 тыс. руб. (в 1910 году – 26,5 тыс. руб.); кружечный сбор давал 2 тыс. руб.; значительную часть прихода составляли проценты с банковских капиталов и ценных бумаг (до 3,6–4 тыс. руб. в год). Малый, но постоянный доход приносили штрафные деньги, полученные за проступки духовных лиц, а также налоги с полученных священниками наград и сумм, сэкономленных в результате смерти клириков или от вакантных мест. На протяжении 70–80 годов XIX века годовой доход попечительства равнялся в среднем 14,5–15 тыс. руб. (в 1870 году – 27,5 тыс.), а если учитывать неизрасходованные средства (в том числе в билетах), то ежегодные доходы попечительства достигали в среднем 90–95 тыс. руб. (в 1910 году – 146 796 руб.) (см. Приложение 6).

Благотворительная деятельность епархиального попечительства заключалась, в основном, в поддержании социально не защищённых представителей духовного сословия путём назначения им постоянных либо единовременных пособий. Выдача постоянных пособий производилась благочинными два раза в год в августе и феврале, сиротам, проживающим за пределами епархии, пособие высылалось по месту жительства¹⁵². Практиковалась также выдача заимобразных единовременных пособий клирикам в экстренных случаях с учётом возврата долга.

В 1860-е годы на постоянную поддержку бедных духовного звания попечительство ежегодно расходовало в среднем 5,5 тыс. руб., в 1870-е годы общие суммы выдаваемых на этот предмет пособий возросли более чем в два раза, составив в 1879 году 16 777 руб. (в среднем за год – 14,3 тыс. руб.). Из архивных документов известно, что за первую половину 1879 года по семи благочиниям епархии было выдано разных пособий на 1980 руб., а во второй половине года пять человек из благочиния Перемышльского протоиерея С. Всесвятского получили пособия на 77,5 рублей¹⁵³.

В XX веке на призрение бедных уходило от 25,5 тыс. до 34 тыс. рублей (в 1900 и 1910 годы соответственно). Ежегодные суммы пособий, выдаваемых единовременно, не были такими значительными (в 1860–70-е годы в среднем 300–400 руб.), более того, наблюдается тенденция к их постоянному снижению с 782,76 руб. в 1861 году до 20 руб. в 1879 году. В 1900-е годы на эти цели расходовалось от 200 до 240 рублей. (см. Приложение 7).

Выдачи заимобразных пособий, которые представители духовенства получали на льготных беспроцентных условиях, были распространены лишь в 60-е годы XIX века, и размер их не был устойчивым. Например, в 1864 году такие пособия были выданы на сумму свыше 1 тыс. руб., а в 1868 году всего – 155 рублей. В 70-е годы пособия такого рода вообще

не выдавались, правда, как уже отмечалось, именно в этот период значительно возросли суммы постоянно выдаваемых пособий, поэтому, видимо, нужда брать в долг, пусть даже и без оплаты процентов, у представителей калужского духовенства отпала.

Но рост расходуемых попечительством сумм не удовлетворял всех желающих получить на пособие, немногие были довольны и размером пособий. На размер пособия влиял возраст призреваемого, сан, семейное положение и состояние здоровья (болен, калека и т. п.)

В 70–80-е годы средний размер выдаваемого калужским попечительством пособия для бедной вдовы диакона или пономаря составлял 6–8 руб. в полугодие, в два раза больше получали вдовы и сироты священников (от 12,5 до 16 руб.). Лишь многодетные семьи диаконов могли получить от 19 до 40 руб. на всех. Чем больше оставшихся сирот, тем больше был размер выдаваемого пособия, но его прирост был низким. Инвалиды, дряхлые старцы могли рассчитывать на некоторую прибавку, но она не могла быть очень значительной, так как ещё учитывалось, нет ли у этого человека молодых, здоровых родственников, способных взять его на содержание. В среднем, на протяжении исследуемого периода епархиальное попечительство призревало с помощью постоянных пособий примерно 1–1,1 тыс. человек.

Из епархиальных отчётов известно, что к концу 1879 года духовных лиц и членов их семей, получавших постоянные пособия, было 1119 человек. Вновь просили пособия во второй половине года 53 семьи. Средств на все семьи не хватало. Дабы прийти на помощь наибольшему количеству людей, из уже назначенного пособия был произведён 3–5 %-й вычет и полученные крохи перераспределены между новыми лицами. Мало того, попечительство неоднократно обращалось к займам из резервных сумм: так в первой половине 1877 года было занято 785 руб., а во второй половине 1879 года – 615 рублей.

Поэтому определением епархиального попечительства, ввиду значительного увеличения с каждым годом числа просителей и недостатка средств к удовлетворению просьб крайне нуждающихся в пособиях было решено:

1) Исключить из числа призреваемых: а) всех бездетных вдов и сирот-дочерей в возрасте от 21 до 50 лет, по здоровью способных трудом добывать себе пропитание; б) вдов, имеющих сыновей, состоящих на службе, или достаточно обеспеченных; в) всех сирот-сыновей клириков, обучающихся в духовном училище или семинарии, и пользующихся казённым содержанием; г) всех сирот-сыновей, свыше 15 лет, не обучавшихся в духовном училище или уволенных из него и здоровых, способных найти себе работу;

2) Лишать пособия всех призреваемых, поведение которых будет неодобрительно, несмотря ни на возраст, ни на материальное положение¹⁵⁴.

В такие, весьма жёсткие, условия существования были поставлены семьи заштатных калужских священнослужителей. По неполным данным, со второй половины 1870 года по 1883 год епархиальное попечительство выдало пособия не менее 5690 лицам из различных категорий духовенства, на общую сумму не менее 59,5 тыс. рублей (см. Приложение 9).

Всё же с течением времени расходы попечительства росли. Так, в 1903 году общий расход попечительских сумм составил 38 787 руб. наличными и 5937 руб. билетами (ценными государственными бумагами), а на нужды малообеспеченных духовных лиц было израсходовано более 65 % всей суммы¹⁵⁵. Значительные средства шли на жалованье чиновникам духовного ведомства, содержание канцелярии, почтовую пересылку, на вклады в сберегательные учреждения под проценты.

Известны случаи, когда в попечительство поступали или завещались крупные пожертвования от священников. Так, в феврале 1901 года протоиерей А.Р. Воронцов передал на вечный вклад в попечительство накопленные за 53 года службы сбережения в виде государственных ценных бумаг на сумму 4,2 тыс. рублей. По воле жертвователя, проценты с капитала (70 руб.) в качестве пособия должны были ежегодно выдаваться двум лицам из духовенства, непременно к Пасхе. По признанию самого священника, его подвигло на это благое дело собственное нищенское детство, он писал: «...воспоминаю своё детство и в детстве своё сиротство... По смерти отца остались: матушка 30 лет и 4 детей: я, осиротевший на 4 году, три сестры, одна старше меня, и две меньше... Как бы рада была матушка, если бы в то время какой-нибудь добрый человек неожиданно пожертвовал к празднику Пасхи 20 или 50 руб.».

В феврале 1901 года пособия в 70 руб. получили вдовы псаломщиков Ф. Георгиевская и А. Глаголевская¹⁵⁶, а в 1905 году пособие было отослано вдове священника с. Снопот Мосальского у. А. Раич, и дочери священника с. Угодский Завод Малоярославецкого у. А. Любимовой¹⁵⁷.

Итак, епархиальное Попечительство о бедных духовного звания осуществляло оказание достаточно широкой материальной помощи, приходило на помощь нуждающимся в крайне тяжёлых жизненных ситуациях, аккумулируя для выполнения благотворительных задач значительную часть имевшихся средств. Но деятельность попечительства не была лишена недостатков.

Справедливая критика в принципе полезной деятельности епархиальных попечительств по оказанию социальной помощи сводилась к тому, что при распределении пособий часто не последнюю роль играли протекции, кумовства и т. п. «Калужский церковно-общественный вестник» писал, что «бывали случаи, когда попечители — городские батюшки сильно «пеклись» и выдавали сравнительно крупные суммы денег своим свояченицам, сёстрам, племянницам и т. д., а действительно нуждающимся сельским

бедным, многосемейным просфорням часто выдавали решительно гроши, т. е. самые маленькие, ничтожные суммы»¹⁵⁸.

Изучив работу попечительств о бедных духовного звания, Д.И. Ростиславов выделил такие слабые стороны в их деятельности:

- отсутствовало чёткое определение кому и в каком размере положено получать пособия, всё зависело от «расположения» распорядителей;
- не всегда печатались ежегодные отчеты;
- отсутствовала коллегиальность в решении вопросов, это порождало несправедливость и злоупотребления со стороны некоторых служащих¹⁵⁹.

В «Церковном вестнике» в 1891 году сообщалось, что средства для обеспечения вдов и сирот духовенства в епархиях очень скудны, епархиальные попечительства, в основном, обладают до того незначительными суммами, что выдаваемые ими пенсии вдовам и сиротам далеко не спасают от бедности¹⁶⁰.

Из изложенного выше видно, что вопрос о взаимопомощи в среде духовенства стоял очень остро. Однако нельзя сказать, что калужским клиром ничего не предпринималось, чтобы минимизировать социальную проблему, заключающуюся в крайне тяжелом положении некоторых категорий духовенства. Но одно епархиальное попечительство, на которое, согласно закону, ложилась основная нагрузка по материальному обеспечению и призерению бедных, сирот, слабых, больных, престарелых лиц духовного звания и членов их семей, не могло полностью решить проблему обеспеченности данных категорий духовенства. Необходима была помощь всей епархии, мобилизация всего духовного сословия.

Практически все вопросы, касающиеся сословной взаимопомощи, решались на общепархиальных и окружных съездах депутатов от калужского духовенства. Так, съезд духовенства Медынского у. в июне 1868 года постановил: «...за всеми вдовами и сиротами предоставить... в неотъемлемую пожизненную собственность владенную их мужьями или отцами усадебную землю со всеми на ней постройками... Если бы в каком селе местность не позволила уступить вдовам и сиротам всю усадебную землю, то... под постройками состоящую часть оставлять за ними..., взамен отобранной части усадьбы вырезать вдовам и сиротам из полевых и луговых земель такую часть, которая равнялась бы цене отобранной части усадьбы»¹⁶¹. Как видим, калужских священников волновала судьба оставшихся без кормильцев семей.

Трудности возникали, когда благие намерения оказать помощь вдовам и сиротам сталкивались с изысканием источников для этого дела. В Калужской епархии постоянно сочинялись, предоставлялись на суд епархиального начальства и всего клира самые разнообразные проекты, варианты расчётов, составленные как приходскими священниками, так и прото-

иреями. Например, на том же съезде духовенства в Медынском у. депутаты подписали обращение к епархиальному начальству с предложением утвердить ежегодные денежные взносы на нужды вдов и сирот как с церквей, так и с причтов, широко привлечь прихожан к увеличению кружечных сборов. Сборы рассчитывались в городских приходах по 5, а в сёлах по 1,5 коп. с мужчин, что могло бы дать доход (от 25 тыс. горожан и 422 тыс. сельчан) в 7580 рублей. Усиленный взнос в 2 коп. с души полагался с сёл торговых, а также по 3–5 коп. с тех сёл, где находились особенно чтимые чудотворные или явленные иконы, куда стекалось значительное число богомольцев, как, например, с. Калужка Калужского уезда. Причты должны были предоставлять взнос в зависимости от своего класса, определявшегося по уровню доходов. Например, причты I класса вносили бы 15 руб., II — 10 руб. (далее следовало убывание по 2 руб.), V — 5 руб., VI — 2,5 руб. и VII класса — 2 рубля. Планировалось получать общий доход с причтов в размере в 2708 рублей. В целом же, церкви и причты по таким расчётам могли бы предоставить 10 288 рублей. К этой сумме предполагалось присоединить 3000 руб., накопленных процентов с запасного капитала Попечительства, и около 40 руб. получаемых ежегодно штрафных денег, что доводило бы общую сумму до 13 328 рублей. На нужды же вдов и сирот, по подсчётам епархиального начальства, необходимо было расходовать не менее 11 тыс. руб., значит, сумма, высчитанная священниками Медынского у. на 2,3 тыс. руб. была больше «необходимой». Излишек предполагалось употреблять на помощь потерпевшим при пожарах. Благодетель о. Д. Любимов предлагал предоставить право на пособие всем имеющим нужду в пособии, «хотя бы таковые были доселе на содержании своих детей или зятьёв»¹⁶². Но хорошее предложение таковым и осталось!

На страницах «Калужских епархиальных ведомостей» постоянно дискутировался вопрос о необходимости составления особого пенсионного капитала или кассы взаимопомощи и, главное, об источниках их пополнения.

Ещё в середине 60-х годов Комитет, учреждённый для обсуждения источников составления пенсионного капитала, нашёл решение проблемы в ежегодных и для каждого причта обязательных взносах в пенсионный фонд некой суммы по числу приходских душ. Принимать участие в сборе должны были не только мужчины, но и женщины, в том числе и раскольники. Предполагалось взимать с мужчин по 1 коп., а с женщин — 1/2 копейки в сельских приходах и по копейке и с мужчин, и с женщин — в городских. Что касается причтов при бесприходных церквях, то они должны были вносить в пенсионный фонд ежегодно по 2 % с рубля. Сбор предполагалось начать с 1865 года, а выдавать пенсии с 1871–72 годов, до этого времени все собираемые средства были бы помещены в банк. В течение 6–7 лет основной пенсионный капитал мог возрасти до значительных размеров, до 50 000 рублей¹⁶³.

Интересные соображения по поводу составления пенсионного капитала в епархии высказал уже упоминавшийся священник Д. Любимов. Не секрет, что к очередным сборам, даже на благие цели, духовенство, в том числе и калужское, не всегда относилось с одобрением. Действительно, существовало много обязательных сборов (священник называет их «поборами») как официальных, так и неофициальных¹⁶⁴. Благодетель замечает: «Дай в попечительство, на устройство церквей, на школы, на Кавказ, на Греков, в Западные губернии, дай на инвалидов, дай на переплёт книг в консисторском архиве... Приглашают дать на семинарские бursы, на улучшение быта семинарских наставников. Теперь давай самому себе, т. е. с нас возьмут теперь, поберегут у себя, а после наше дадут нам же, как пенсию...» При этом многие пастыри рассуждали так: «да я и сам отложу для себя, если есть из чего, и поберегу на чёрный день». Но требовалось, чтобы духовенство участвовало в составлении пенсионного фонда посредством обязательных взносов. Отец Д. Любимов считал, что с клириков нельзя взимать больше 3 %, потому что из получаемого ими жалованья и так вычитался 2 %-й налог. По подсчётам священника, весь сбор должен был составить более 3,6 тыс. руб., учитывая, что городское духовенство, кроме причта кафедрального собора, жалованья не получало. Аккумулируя другие источники, а именно: отчисления от ежегодных доходов приходских церквей (прим. 3816 руб., в среднем по 6 руб.), штрафные деньги, доход от продажи церковных книг и 2 %-й налог с пенсий, — по мнению автора, можно было довести начальный пенсионный капитал до 8000 рублей. Любимов предложил и размеры пенсий, в зависимости от бывшего служебного положения пенсионеров. Священнику предполагалась пенсия в 200 руб., его вдове — 100 руб.; диакону — 50 руб., вдове — 60 руб.; причетнику — 50 руб., а вдове — 40 рублей. В проекте рассчитывалось, что ежегодно в епархии будет около 50 человек, включая вдов, имеющих право на получение пенсии, на что потребуется 4,7 тыс. рублей. Пенсия полагалась только тем клирикам, которые получили право на неё с момента составления капитала, а на вышедших ранее за штат это право не распространялось. Правом на пенсию должны были пользоваться все, кроме уволенных от должности по суду за преступления, а также замеченных в пьянстве и бездомных. Но жёны и дети их, особенно при вдовстве и сиротстве получали право на пенсию¹⁶⁵. Однако эти предложения были положены под сукно, а пенсионное обеспечение духовенства, принятое на общеимперском уровне явно было не таким справедливым, как мы уже убедились выше.

Такая ситуация налагала на само духовенство нравственный долг решить насущную проблему. Тем более что в 1888 году император Александр III разрешил учреждение в епархиях эмеритальных касс, предоставив, правда, открытие таковых добровольному желанию духовенства и усмотрению епархиального начальства.

Эмеритальные кассы — организации, учреждавшиеся для выдачи пенсий клирикам, делавшим на составление кассовых фондов взносы, оставившим службу в положенный срок, а также по увечью или болезни, лишавшихся возможности продолжать службу, их вдовам и сиротам. Конечно, императорский указ не дал, как это могло бы быть, мощный толчок к повсеместному открытию эмеритальных касс в российских епархиях. К тому же некоторые эмеритальные кассы появились ещё в 1860-70-е годы, например, самарская касса существовала с 1866 года, а тульская — с 1876 года.

Как правило, капитал эмеритальной кассы, служивший основным её фондом, составлялся из ежегодных взносов от церквей; единовременных взносов от духовенства епархии, к примеру, священники Волынской епархии единовременно вносили по 100 руб., псаломщики и диаконы по 20 рублей. Конечно, практиковались и ежегодные членские взносы. В состав ресурса эмеритальных касс входили добровольные пожертвования, проценты с банковских вложений, доходы с разных статей. К последним относились доходы от земельных угодий (по 50–75 коп. с дес.); взносы за награды, начиная с архипастырского благословения и до орденов (от 1 до 40 руб.). В Вятской епархии брали взносы с духовенства за пользование казёнными квартирами.

Из указанных источников в некоторых епархиях составились значительные эмеритальные суммы. Так, эмеритальная касса духовенства Черниговской епархии к 1891 году насчитывала 158 тыс. руб., касса Тульской епархии — 121 163 рублей¹⁶⁶.

Свои выдачи кассы обыкновенно начинали спустя 5, 8, 10 лет после своего основания, и пособия, выдаваемые ими, сообразовались с тем разрядом, к которому принадлежал вкладчик, с числом платных лет (т. е., сколько времени он отчислял на нужды кассы) и физическим состоянием вкладчика. Например, в Ярославской епархии, сообразно ежегодным пятиразрядным взносам, и пенсия разделялась на 5 разрядов: 3-рублёвый взнос давал право через 25 лет на пенсию в 30 руб., 6-рублёвый — в 60 руб., 12-рублёвый в 120 руб. и 15-рублёвый — в 150 рублей. Эти пенсионные оклады делились, кроме полных, на двухтретные и половинные: первые назначались за 20 лет службы вносчика и последние за 15 лет. Единовременные взносы давали право на получение пенсии по сокращённому сроку: полная пенсия давалась через 15 лет, двухтретная чрез 10 лет и половинная чрез 5 лет службы вносчика¹⁶⁷.

Служащие в местных духовно-учебных заведениях, в консистории и попечительстве, имевшие 25 лет выслуги, получали эмеритальные пенсии с предоставлением им льгот в размерах, предусмотренных в уставах о казённых пенсиях для лиц, выходящих в отставку ранее установленных сроков службы по расстроенному здоровью.

Соответственно таким правилам о выдаче пенсий, эмеритальные кассы и оказывали вспомоществования.

По вопросу об учреждении эмеритальной кассы для духовенства Калужской епархии собирались окружные благочиннические съезды. Но дело продвигалось медленно. К примеру, на прошедшем 27 сентября 1891 года в Жиздре съезде, вопрос об эмеритуре не особенно заинтересовал духовенство: суждения велись очень вяло, к разработке вопроса с практической стороны мнения не высказывались, кроме того, что «дело доброе, на учреждение согласны, лишь бы не были обременительны взносы»¹⁶⁸.

Среди причин такой пассивности калужского духовенства назовём и такие: прослужившие более 25 лет полагали, что они уже не доживут до образования фонда, из которого предполагалась выдача пенсии, а так как с их смертью прекратится взнос, то семьи их ничего не получают, а внесённые деньги пропадут. Прослужившие половину срока, особенно только начавшие или начинавшие службу думали, что они не дослужат до пенсии, т. е. и их взносы будут бесцельны и бесполезны для семьи.

Однако вопрос об эмеритуре постоянно обсуждался на страницах печати. Священник М. Успенский, говоря о плюсах кассы для местного духовенства, предлагал устроить её на таких началах, чтобы каждый член за выслугу своего срока, уволившись за штат, или его семья могли получать пенсионный оклад из эмеритальной кассы без проволочек. Правила должны быть таковы, чтобы после первоначального взноса в кассу, каждый был уверен, если он на следующий год оставит службу или умрёт, то с того же времени ему или его семье будет назначен соответственный срок его службы оклад пенсии. Срок службы для права на получение пенсии священник разделил на 4 разряда, на столько же разделялись оклады пенсий. Для получения полной пенсии была необходима 25-летняя выслуга для всех священно- и церковнослужителей (в отличие от 35 лет, дававших право на пенсию от государства), а оклад пенсии за этот срок устанавливался такой: священнику — 300 руб., диакону — 200 руб., псаломщику — 100 рублей. Жёнам с детьми и без них полагалась половина во все сроки оставления службы. Одним сиротам без матери — четвертая часть, причём юношам можно было бы пользоваться правом на эту часть, или долей части до поступления на место или до 25 лет, а девушкам — до выхода в замужество или до смерти. Второй срок для выслуги половинной пенсии предполагался в 15 лет, а оклад пенсии назначался в таких размерах: священнику — 200 руб., диакону — 134 руб., псаломщику — 66 руб., жёнам — половина, детям — четверть часть. Третий срок — 10 лет: оклад священнику — 100 руб., диакону — 67 руб., псаломщику — 33 руб., семейным — по аналогии. Самый маленький срок выслуги — 5 лет, соответственно и назначаемый пенсионный оклад намного меньше: священнику — 60 руб., диакону — 40 руб., псаломщику — 20 руб., далее по аналогии. Тем, кто не выслужил и пяти лет, внесённые деньги, возвращались без уплаты процентов.

Единовременные взносы на образование пенсионного фонда Успенский предлагал установить в таком размере: для священника — 30 руб., диакона — 20 руб., псаломщика — 10 руб.; сверх сего, от церкви вносилось бы по 10 руб., в зависимости от комплектности причтов. Для пополнения кассы устанавливались ежегодные взносы: от священника — 9 руб., диакона — 6 руб., псаломщика — 3 руб. и от каждой церкви за каждый комплект — по 5 рублей. По проекту Успенского, если учесть число калужских клириков (священников — 600, диаконов — 300 и псаломщиков — 1000), собранные на составление первоначального капитала средства равнялись бы 55 850 рублям. В первый год после открытия эмеритальной кассы пришлось бы выдать пенсии лицам 1-й категории (священникам) — 1950 руб., 2-й (диаконам) — 1898 руб., 3-й (псаломщикам) — 424 руб., 4-й (семье) — 240 руб. и не дослужившим до пяти лет возратить 375 рублей. Таким образом, общая сумма выданных пенсий составила бы 4887 рублей¹⁶⁹. Через пять лет, т. е. к 1897 году проект предполагал получение из различных источников наличной суммы в размере 94 452 рублей. Пенсии предполагалось выдать лицам, имевшим право на пособие с первого года работы кассы — 2888 руб., тем, кто присоединился к ней во втором году существования — 3208 руб., третьим — 3564 руб., четвёртым — 3960 руб., пятым — 4399 руб., а всего сумма выданных пенсий составила бы более 18 тыс. рублей. Ещё бы осталось к 1898 году 76 433 рублей¹⁷⁰. Этот вполне рациональный пятилетний расчёт, пусть тоже только приблизительный, давал возможность калужскому духовенству хоть как-то решить наболевший вопрос обеспечения пенсионеров, вдов и сирот, однако и этот проект был оставлен на бумаге.

Здравомыслящие представители калужского клира прекрасно понимали, что эффективность на практике касс взаимопомощи, к которым можно отнести и эмеритальные кассы, напрямую зависит от числа участников такого рода касс. Так, автор ещё одного проекта пенсионной епархиальной кассы священник А. Никольский писал: «Первый и главный принцип, долженствующий лечь в основу такого учреждения это — чем более отдельных единиц будет участвовать в кассе, тем более будет возможность оказать помощь...; чем сочувственнее будет относиться отдельная личность к делу кассы, тем успешнее пойдут её операции...»¹⁷¹ В отличие от ранних проектов, предлагавшихся калужскими священниками, да и аналогичных предложений духовных лиц в других епархиях, Никольский считал возможным предоставлять право вдовам, по желанию, доплачивать членский взнос мужа с тем, чтобы иметь возможность получать помощь. Например, если муж умрёт в течение первых 3–5 лет существования кассы и вдова внесёт деньги за 1–2 года, то касса обязана принять её на попечение. При нежелании вдовы делать взносы, внесённые её мужем деньги, возвращались¹⁷². Существовали

проекты, предполагавшие, правда, по приблизительным подсчётам, что священник-вкладчик, делавший ежегодно взнос в 30 руб., чрез 25 лет мог бы совершенно прекратить свои взносы и получать до своей смерти или отставки по 100 руб. ежегодно, а в случае смерти его семья получала бы капитал в 1500 рублей. По таким расчётам, духовенство епархии через 35 лет (к 1932 году) должно было бы обладать капиталом в 525 тыс. руб., обходясь без всяких взносов для увеличения неприкосновенного капитала кассы¹⁷³.

В начале XX столетия в Калужской епархии был составлен новый проект устава епархиальной «касс взаимной помощи». Задачи кассы были в принципе схожими с теми, которые излагались в предыдущих проектах. Отметим только, что из кассовых средств планировалось выдавать не только единовременные пособия в несчастных случаях, но и ежегодные пособия «бедствующим и сиротствующим лицам духовного звания». Кроме того, участникам кассы предоставлялась возможность, в случае надобности, получить за умеренные проценты ссуду. Участвовать в кассе должны были обязательно все состоящие на службе священно- и церковнослужители и, по желанию, служащие в консистории и духовно-учебных заведениях. К участию в кассе допускались и учителя церковно-приходских школ. Единовременные пособия назначались: а) в случае смерти участников кассы; б) в случае постигших участника кассы несчастий: пожаров, тяжкой продолжительной болезни. Семье протоиерея или священника предназначалось 90 руб.; диакона — 60 руб. и псаломщика — 30 рублей. Важно подчеркнуть, что проект предполагал оказание именно целенаправленной помощи тем духовным лицам и их семьям, которые в ней действительно нуждались. Для выяснения материального положения потенциальных пенсионеров наводились справки. Это касалось всех категорий духовенства как получающих ежегодные пособия (вдов, сирот участников кассы), так и имевших право на разовую помощь¹⁷⁴. Но этот проект, как и многие другие, не был воплощён в жизнь. Главной причиной невостребованности данного проекта к жизни было неполное понимание возможностей «касс взаимопомощи», да ещё при наличии в епархии специального попечительства, на поддержание функциональности которого тоже требовались средства, причём немалые.

Такое длительное и подробное рассмотрение проектов, предполагавших учреждение пенсионных касс для обеспечения определённых категорий духовенства хотя бы на уровне ниже среднего, не даёт нам право упрекнуть лучших представителей калужского духовенства в бездействии, в нежелании помочь своим собратьям по сословию, создать им условия для безбедного существования. Не их вина, что выносимые ими на обсуждение всего калужского клира предложения не нашли необходимый отклик. Надежда на «авось, небось и как-нибудь» имела место и в нашем случае.

Таким образом, в Калужской епархии и в начале XX века кассы взаимопомощи не были организованы, а значит, и проблема обеспечения вдов, сирот духовного звания оставалась неразрешённой. В то время эмеритальные кассы действовали в семи епархиях, и их общий расход составлял 67 тыс. руб. наличными и 104 тыс. руб. билетами¹⁷⁵. Обычно суммы эмеритальных пособий отставали от требований жизни, однако поддержка касс всё же помогала наименее обеспеченным категориям духовенства сводить концы с концами, а это лучше чем ничего. В одной из статей 1904 года в калужской прессе констатировалось, что «положение вдов и сирот духовенства всё ещё очень печально». Если мы посмотрим на размеры выдаваемых в те годы пособий, то придётся признать, что они незначительны: вдова псаломщика получала менее 20 руб. в год и чуть больше, если имела малолетних детей; вдова диакона — 24 руб.; престарелые дочери священника — 30 руб. или немного больше. Вдове священника, выслужившего право на пенсию, по уставу пособие вовсе не выдавалось. Существовать год на такое пособие в то время было очень трудно; надо было прокормиться, одеться, а отопление одной печи хворостом обходилось в год около 10 рублей. Поэтому для сирот после смерти отца часто начиналась самая бедственная жизнь, а нередко, из-за невозможности прокормиться на получаемые средства, скитание по родственникам от одного к другому. Священник В. Никольский отмечал, что и «родственникам сироты становились в тягость, сколько они, бедные, испытывают под час упреков от родственников, что едят чужой хлеб...»¹⁷⁶

Даже в пределах одной епархии отмечалось неравномерное распределение пособия: иногда вдова псаломщика могла получить до 30 руб., так же как и престарелые дочери священника, но взнос священника был в три раза больше псаломщика; в одном благочинии получали больше, в другом меньше, городские сироты больше, чем сельские. Сам способ назначения пособия оставлял желать лучшего. Ни одна вдова не знала, какой размер пособия ей назначат, и обычно по смерти мужа просила знакомого или родственника священника походатайствовать о ней на съезде, что и практиковалось; если же попросить было некого, то нельзя было и рассчитывать на порядочное пособие. В калужской епархиальной печати констатировалось, что и при назначении пособий депутаты съезда нередко руководились тем соображением, что «у такого-то де по смерти осталось порядочное состояние, а потому его вдове или семейству довольно будет такого-то пособия». Принималось во внимание также, у кого проживали сироты: в своём ли доме или у родственников.

Уже упоминавшийся священник В. Никольский высказывался за установление для всех одинакового размера пособия, независимо от того, выслужил ли кто право на пенсию или нет, городские ли то сироты или сельские. По его расчётам, заштатным псаломщикам, как и их вдовам, полагалось бы 36 руб. в год, заштатным диаконам и их вдовам — 60 руб.,

а священнику и его вдове — 96 руб. в год. Ежемесячную помощь сиротам, даже состоявшим на казённом содержании в духовно-учебных заведениях, надлежало оказывать в таком размере: детям псаломщика по 1 руб., диакона — 2 руб. и священника — 3 рубля. Сироты-мальчики в случае смерти матери получали бы вдобавок к своему и материнское пособие до совершеннолетия, а девушки могли рассчитывать на таковое до замужества¹⁷⁷. По мысли некоторых калужских священников, в случае, если бы касса взаимопомощи в епархии всё-таки была бы учреждена, то пособия из неё необходимо было бы выдавать со следующего месяца после смерти клирика или выхода его за штат. При этом каждый член причта был бы вправе точно знать — с какого времени, в каком размере он или его семья будет получать пособие.

Конечно, на реализацию этих благотворительных целей понадобились бы немалые средства, но при желании и участии всего клира епархии их можно было найти, а рациональное использование средств и адресная помощь тем, кто в ней нуждался, дали бы долгожданный эффект.

Была ещё попытка основать в Калужской епархии кассу, которая бы оказывала помощь в организации похорон духовных лиц. Уточним, что в епархии существовали окружные похоронные кассы, но опыт большинства из них «плачевен», не в том смысле, что они приходили на помощь в скорбное время (они для этого и предназначались), а в смысле их низкой эффективности. Так, сыну умершего участника похоронной кассы, прослужившего в священном сане более 50 лет, правление кассы на организацию похорон его отца посчитало возможным в январе 1910 года выделить 92 копейки!¹⁷⁸

За неимением в епархии кассы взаимопомощи, духовенство проблему пыталось решить путём различных сборов на благотворительные цели.

Так, общепархиальный съезд 16 января 1896 года постановил: «...впредь до открытия действий проектируемой и так желательной духовенству епархии эмеритальной кассы, вносить в пользу осиротевших семейств священно- и церковнослужителей епархии в случае смерти священника, с каждого священника епархии по 60 коп., в случае смерти диакона, с каждого диакона — 40 коп., в случае смерти псаломщика, с каждого — по 20 коп.». Этими пособиями могли воспользоваться и семьи заштатных клириков, но только тех, которые вышли в отставку не ранее 1896 года¹⁷⁹.

Таким образом, этим постановлением каждое духовное лицо ежегодными, правда очень неопределёнными, взносами обеспечивало себе право получить после смерти известную сумму для своей семьи. Но случайный характер ежегодных взносов, трудность в справедливом распределении собираемых с духовенства сборов и другие неудобства не снимали проблемы наименее обеспеченных категорий духовенства.

Сборы по епархии назначались и на нужды Попечительства о бедных духовного звания. К примеру, постановлением январского общепархиального съезда в 1900 году был усилен обязательный взнос на пользу попечительства сбором по 10 руб. с городских церквей, с соборов и с соборных причтов, а также по 5 руб. с причтов городских церквей в каждое полугодие. Впоследствии эти сборы были увеличены вдвое¹⁸⁰.

Ещё одной категорией духовенства, которой требовалась эффективная социальная помощь, являлись преподаватели церковно-приходских школ и школ грамоты. Получая в среднем 9–12 руб. в месяц (в лучшем случае), учителя владели довольно жалкое существование. Поэтому архипастырем было предписано церковно-приходским попечительствам помогать бедствующим учителям и с 1900/01 учебного года выдавать ежемесячно в учебное время пособие 3–5 руб., в зависимости от средств попечительств. Кроме того, архиерей призывал заведующих школами «возбуждать в прихожанах сочувствие к бедным учителям, располагать их, особенно в урожайные годы оказывать учителям помощь хлебом, овощами и прочими продуктами»¹⁸¹.

Традиционным методом улучшения благосостояния любого человека, независимо от его происхождения и социального статуса, является повышение его в должности и соответствующее увеличение должностного оклада или же простая надбавка (премия) к жалованью за успешную или многолетнюю деятельность. Конечно, с большой натяжкой такую методику улучшения социального положения можно отнести к благотворительной деятельности, но как механизм улучшения условий жизни, особенно бедной части духовенства, как пример социальной взаимопомощи этот метод, на наш взгляд, имеет право быть рассмотренным в настоящей работе.

Так, в 1897 году была назначена прибавка к жалованью 42 руб. фельдшеру при семинарской больнице М. Семёнову ввиду того, что он выполнял «излишнее и усиленные труды по обязанностям провизорским и фельдшерским»¹⁸². Тенденция оказания помощи путём повышения окладов, прибавок к жалованью продолжалась и в начале XX века. В феврале 1902 года было принято решение увеличить жалованье за 20-летний труд в женском училище воспитательницам Е. Виноградской и О. Никольской в размере 3 руб. в месяц¹⁸³.

Но бывало, что при всём желании помочь в решении материальных проблем, депутаты вынуждены были из-за ограниченности в средствах отказывать просителям. Так, в 1896 году не были удовлетворены прошения фельдшера женского училища А. Вороновой, начальницы училища О. Зайцевой и др. Всё, что могли сделать депутаты съезда, — это выразить им свою сердечную благодарность за многолетние полезные труды по училищу¹⁸⁴.

Таким образом, не всегда имея возможность оказывать постоянную помощь в виде различных пособий, епархиальное начальство широко применяло в качестве оказания социальной помощи духовенству такой метод,

как прибавка к денежному содержанию. Конечно, прибавки были не елики, имея в большей степени моральное значение, чем материальное, но и такой поддержке представители духовного сословия были очень рады.

В январе 1911 года епархиальное начальство, имея целью усилить казённое содержание калужских причтов, выделило на нужды наиболее бедных из них (доход — менее 514,5 рублей на причт) 1102 рубля 50 копеек. Помощь получили девять причтов (священники по 98 рублей, псаломщики — 24,5 рубля)¹⁸⁵.

Одной из составляющих социальной помощи является медицинское обслуживание. Рассмотрим, как этот вопрос решался в отношении духовенства.

Понятно, что основная нагрузка по обеспечению духовных лиц лекарствами, домашним уходом, а в случае необходимости, организация поездки «на воды», ложилась на епархиальные попечительства, в распоряжении которых находились специальные капиталы — «больничные суммы». В Калужской епархии, например, на содержание духовенства в общественных больницах взимался 1 %-й кружечный сбор, а иногда проводился и тарелочный сбор. Эти сборы приносили в среднем по 1100–1300 руб. в год.

Указом Синода от 20 ноября 1860 года было определено, что плату за содержание в больницах Приказов общественного призрения лиц духовного звания надо относить на счёт церковно-кошелевых сумм, с тем «чтобы платимые Приказам из сего источника деньги тогда только были зачисляемы невозвратным расходом, когда призываемые лица окажутся действительно не имеющими собственных способов в уплате денег». Указ вызвал полемику в среде духовенства. Известно, что в 60–70-е годы церковно-кошелевой суммы по Калужской епархии ежегодно поступало 80–90 тыс. рублей. В среднем получалось, что каждая церковь должна была платить по 7,5 руб. в месяц за каждого состоящего при ней неимущего большого клирика, но для многих церквей это было непосильно. К примеру, в 1862 году за 4 месяца лечения шести больных клириков Приказу общественного призрения было уплачено 168 руб., в том числе из сумм Попечительства — 127,69 руб. Чтобы дать возможность всем неимущим больным клирикам лечиться в общественных больницах, был установлен взнос с церковью Калужской епархии: с каждого рубля по копейке¹⁸⁶.

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что по Калужской епархии в 1866–1880 годы за лечение больных духовного звания уплачивалось Приказу общественного призрения (с 1864 года — Земской управе) от 30 руб. в 1867 году до почти 693 руб. в 1876 году. В среднем, на этот вид социальной помощи уходило 250–350 руб. в год, что составляло приблизительно от 23 до 70 % всех расходуемых из больничной суммы средств (в среднем 29 %). Кроме того, по 430 руб. ежегодно тратилось за лечение больных на дому

(от 18 до 70 % всего расхода, в среднем 40 %). Эти суммы варьировались в зависимости от того, сколько могли принять общественные больницы и насколько плохо было состояние больного, требующее настоятельного помещения в стационар. За 1871–1875 годы, по неполным данным, пособие из больничной суммы получили не менее 220 человек, на общую сумму не менее 2145 рублей (см. Приложение 10). В 1900 году на лечение больных в стационаре клириков было потрачено более 590 руб., а в 1910 году почти 819 руб., на дому лечение в эти годы не производилось. Существовала практика выдач денежных пособий духовным лицам взаимобразно, т. е. с условием возврата взятых из сумм попечительства на лечение средств (см. Приложение 8). За 1866–70, 1903, 1910 годы, по неполным данным, на лечение духовных лиц было потрачено не менее 10 тыс. руб., в том числе на стационарное лечение — 4 тыс. руб. (24,6 % общего расхода больничной суммы за эти годы); лечение клириков на дому обошлось в 3,4 тыс. руб. (20,3 % всего расхода кассы).

В компетенцию съездов духовенства входило и изыскание средств на оказание помощи духовенству в медицинских целях. Так, в 1911 году съезд депутатов духовенства Мещовского у. удовлетворил прошение учителя В. Знаменского, выделив ему 100 руб. для лечебной поездки «на воды»¹⁸⁷.

Из вышесказанного следует, что предоставление медицинской помощи или средств на её получение было одним из важных видов социальной взаимопомощи в среде калужского духовенства. Клирики и члены их семей либо помещались в больницы за счёт епархиальных средств, либо могли лечиться на дому, вызвав бесплатно врача и получив также лекарства, выделялись средства и для лечебных поездок на курорты. Всё это говорит о том, что калужский клир понимал важность оказания необходимой помощи тем людям из своей среды, которые не могли самостоятельно зарабатывать на пропитание, лечение и обеспечить себе спокойную старость.

Свой вклад в развитие благотворительной деятельности церкви в Калужской епархии вносили местные архипастыри, которые для улучшения материального быта духовенства действовали всеми зависящими от них средствами. Так, почти все они предоставляли сиротам священнослужителей отцовские места, иногда даже до достижения совершеннолетнего возраста. Принимали участие в учреждении епархиального попечительства; при чём епископ Никанор пожертвовал на это дело 1000 рублей. Помогали сиротам получить образование, для чего епископ Филарет (Амфитеатров) жертвовал в семинарию и училище ежегодно от 200 до 1500 рублей¹⁸⁸. Епископ Николай (Соколов) на свои деньги поддерживал сельское духовенство во время голода 1840 года¹⁸⁹. А в Крестовском монастыре при нём был учреждён приют для священнослужителей. По указанию епископа был выстроен флигель для призреваемой братии, а сам Николай пожертвовал билет на сумму 2117 руб. серебром¹⁹⁰. В период

управления Калужской епархией Григорием II открылось епархиальное женское училище, множество приходских школ, были построены новые общежития для Духовной семинарии, Мещовского духовного училища, а в Калужском духовном училище создана больница. Архиепископ Григорий завещал все свои сбережения духовным учебным заведениям, кроме того, он нередко помогал вдовам и сиротам, раздавая милостыню¹⁹¹.

Таким образом, можно констатировать, что главной заботой местных архиереев было улучшение быта духовенства, развитие религиозного просвещения, помощь бедным лицам духовного звания.

Подведём некоторые итоги. Итак, в исследуемый период система социального обеспечения духовенства существовала как на уровне империи (выплата казённых пенсий и пособий), так и на местном (епархиальном) уровне в виде общепархиального органа — Попечительства о бедных духовного звания, в обязанности которого входило оказание помощи наиболее незащищённым слоям духовенства — вдовам, сиротам, больным, престарелым. Попечительство выдавало единовременные либо постоянные пособия. Кроме того, существовала практика выдачи пособий с учётом их возврата. Уделялось внимание и медицинскому обслуживанию духовных лиц, путём помещения их в общественные больницы либо лечения на дому, на что выделялись средства. Классической формой оказания социальной помощи было повышение окладов или добавление к жалованью. Однако проведённый анализ показывает, что оказание социальной помощи в среде духовенства страдало большими погрешностями. Так и не была учреждена общепархиальная касса взаимопомощи, а результаты деятельности похоронных касс были малоэффективны. Выдача пособий из попечительства была не всегда справедливой, грешила «кумовством», нестабильностью, да и суммы, выдаваемые на призрение, отставали от норм жизни. В целом, калужскому духовенству, на наш взгляд, не удалось создать стройной системы социальной взаимопомощи, если не брать в расчёт деятельность попечительства, минусы которого были налицо, да ежегодные и единовременные сборы на вдов и сирот, которые могли носить случайный и неопределённый характер. Тем не менее, в условиях бурного развития рыночных отношений, чем характеризуется исследуемый период, даже лишняя, казалось бы, самая ничтожно малая копейка была необходимым подспорьем для большей части калужского духовенства, она давала надежду на благополучное разрешение социальной ситуации в будущем. Пособия, пусть на уровне ниже среднего, но поддерживали существование бедных клириков, особенно многосемейных, сирот и вдов. Нельзя ни в коем случае обвинить лучших представителей калужского духовенства в нежелании изменить сложившуюся ситуацию. Они высказывали свои взгляды, предлагали в принципе реальные проекты ликвидации бедности духовенства, и не их вина, что голос их не был услышан, а предложения остались нереализованными.

Глава 3

Поддержка духовенством Калужской епархии учебных заведений и организация помощи бедным учащимся

Православная церковь на протяжении всей своей истории радела о нуждах просвещения, стремилась по мере своих возможностей содействовать развитию образования, в первую очередь духовного. Поэтому в исследуемый период духовенство Калужской епархии, выполняя социальную задачу по распространению церковного знания, поддерживало своими средствами состоявшие в его ведении духовно-учебные заведения. Кроме того, одним из направлений в благотворительной деятельности местного духовенства была также поддержка бедных воспитанников этих учебных заведений.

В Калужской епархии в исследуемый период функционировали возникшие ранее два мужских духовных училища, располагавшиеся в Калуге и Мещовске, и Калужская духовная семинария. Позже других, в 1879 году было организовано женское епархиальное училище в Калуге.

Важнейшим источником средств для всех без исключения духовно-учебных заведений епархии были прибыли свечного завода, достигавшие в последней четверти XIX века 10–30 тыс. руб., а в начале XX века — 30–65 тыс. рублей. Как правило, треть, а то и две трети, полученных средств шли на содержание учебных заведений. К примеру, в 1901 году из правления свечного завода было отпущено духовно-учебным заведениям епархии около 53 тыс. рублей¹⁹². Содержание же всех духовно-учебных заведений (включая церковные школы), обходилось калужскому духовенству в начале XX века в 349 тыс. рублей¹⁹³.

Предшественницей епархиального училища была школа, которую ещё в 30-х годах XIX столетия диакон Козельской Благовещенской церкви Ф.В. Вырский устроил в своём доме, в ней обучались бедные мальчики и девочки из духовного звания (в 1880 году насчитывалось почти 250 учеников). Школа процветала, и на её базе было решено организовать училище для бедных дочерей духовенства, которое 6 июня 1863 года было открыто. Согласно распоряжению архипастыря, за обеспечение каждой ученицы пищей, одеждой и обувью, за наём квартиры устанавливалась плата 50 руб. в год, но бедные девочки принимались в училище бесплатно. Прошения о принятии на казённое содержание рассматривал лично архиерей¹⁹⁴.

В год открытия в Козельском училище было 33 ученицы из духовенства, в том числе 5 казённых пансионеров, а в 1879 году в нём обучались

60 дочерей клириков, из них 20 девочек на средства попечительства¹⁹⁵ (см. Приложение 11).

Средства училища складывались из пособий епархиального попечительства (в 1863/1864 году отпущено 635 руб.) и добровольных пожертвований. Так, 1 сентября 1863 года в училище поступили пожертвования на 360 руб., в том числе: от императрицы 100 руб., от епископа Григория — 60 руб., от графини Протасовой и княгини Оболенской по 100 руб. Комитет грамотности прислал 150 экз. книг и карандаши¹⁹⁶.

В 1860-е годы на Козельское училище расходовалось из средств епархиального попечительства в среднем 800 руб. в год, а в середине 70-х годов — 2–2,1 тыс. рублей¹⁹⁷. То есть ежегодные расходы по училищу возросли за 10 с лишним лет почти в 2,5 раза. В 1860–70-е годы на обеспечение воспитанниц всем необходимым калужским духовенством затрачивалось от 325–400 руб. ежегодно, что составляло в среднем 40 % всех расходов на училище средств. Остальные деньги шли на содержание здания и жалование персонала.

Деньги на содержание училища и учениц попечительство высылало несвоевременно и не полностью. Это, конечно, сказывалось на ученицах: им было и холодно, и голодно, но на учебную часть это обстоятельство как будто не влияло. Она, по словам бывших учениц, стояла хорошо. После сдачи экзаменов лучшие ученицы удостоивались наград книгами с надписью за «отличные успехи и благонравное поведение», а оканчивающие курс кроме книг получали и другие подарки. Так, в 1875 году из 16 девушек-выпускниц 11 получили книги, материю из шерсти на платье, по рукодельной корзинке с прибором для шитья от попечительницы графини Н.Д. Протасовой, а остальные — по книге и ситцу на платье¹⁹⁸.

Но несмотря на заботы Вырских о девицах духовного звания, на большие затраты по устройству общежития для них, духовенство епархии, как отмечалось в «Калужских епархиальных ведомостях», не сочувствовало их заботе. В письме епископа Григория (Митькевича) к графине Протасовой объяснялись причины такого отношения. Владыка писал: «сочувствия к Козельскому училищу духовенство не имело и не имеет..., потому что оно находится на краю епархии... Духовенство... находит нужным открыть новое училище в год Калуге, как центре епархии».

К открытию женского духовного училища в губернском центре подталкивало стремление клириков дать приличное образование своим дочерям, затрачивая при этом меньше средств, чем требовалось в светских учебных заведениях. 10 ноября 1879 года Калужского епархиальное женское училище было открыто. Козельское же училище закрылось само собой, так как выделяемые на его нужды средства были перераспределены в пользу нового училища, и ученицы стали переходить в это училище.

Епархиальное училище — это школа для дочерей клириков; естественно, что епархиальное духовенство и заботилось о нём. Истратив на постройку училища 59,6 тыс. руб., духовенство и в дальнейшем расходовало на училище крупные суммы. В 1894 году было устроено отдельное здание для больницы стоимостью 10 тыс. руб., а затем был приобретён и отдан училищу дом купца Золотарёва стоимостью до 30 тысяч. Со временем была сделана трёхэтажная пристройка к училищному корпусу, устроено водяное отопление с усовершенствованной вентиляцией, на что было потрачено почти 88 тыс. рублей¹⁹⁹.

Кроме указанных одновременных расходов духовенство ежегодно затрачивало крупную сумму на содержание училища. В начале XX века на содержание учебно-воспитательного персонала тратилось 13 тыс. руб., а содержание дома обходилось в 9,7 тыс. рублей. Весь расход по сметным назначениям возрос к 1911 году с 62,8 до 86,1 тыс. рублей²⁰⁰.

Но всё равно, не смотря на производившиеся духовенством значительные затраты, калужское училище относилось к разряду самых необеспеченных женских епархиальных училищ в России.

В открывшемся училище главный контингент учащихся состоял из дочерей клириков, но были и иносословные. В 1891/1892 году в училище обучалось 256 девочек, из них 203 (80 %) представляли духовенство²⁰¹. Живя в конвикте (общежитии), ученицы получали от училища всё необходимое — стол, одежду и обувь и т. д., за что вносилась плата в разные годы 80–110 руб. с каждой ученицы. Девушки из других сословий платили в два раза больше. Но было бы ошибкой думать, что повышенная плата резко улучшила содержание учениц. Правда, несколько улучшилось питание. С 1885 по 1903 годы весь расход по училищу возрос в 2,5 раза (см. Приложение 13). При этом на питание воспитанниц расходовалось от 6,5 до 20 тыс. руб. (в среднем 26,3 % всего расхода, 40–50 руб. в год на одну воспитанницу). На экипировку учениц расходовалось меньше — от 17 до 40 руб. в год на каждую (15,6 % всего расхода). За 17 лет (с 1885 по 1903 годы) было потрачено на одежду и пищу воспитанницам более 273 тыс. рублей²⁰².

Среди учениц училища всё время воспитывалось значительное число сирот, забота о которых началась одновременно с открытием училища, но положение сирот вначале было тяжёлым. Известно, что при открытии КЕЖУ на содержание бедных учениц духовного звания епархиальным духовенством, в том числе и монастырями, было собрано 420 рублей²⁰³. Но в год основания училища из 45 сирот лишь 11 были приняты на епархиальное содержание, однако постепенно ситуация начала выправляться. Уже в 1880 году были учреждены 10 стипендий (размером 80–90 руб. в год) для сирот и бедных девиц духовного звания в память 25-летнего царствования

Александра II, для чего назначался ежегодный взнос по 2 руб. с каждого причта. Этот сбор продолжался и позже по 2 руб. от причтов и по 2 руб. от церкви²⁰⁴. Право на получение стипендии предоставлялось дочерям духовенства, которые, отмечалось в правилах, «по своим познаниям удовлетворяя требованиям для поступления и обучения в училище, не будут иметь возможности обучаться в оном, за недостатком материальных средств». Преимущество отдавалось круглым сиротам. Утверждал кандидаток на получение стипендии архиерей²⁰⁵. А в октябре 1880 года Синод санкционировал учреждение трёх стипендий имени епископа Григория (Митькевича) на проценты с капитала в 5391 руб., пожертвованного настоятелями монастырей и духовенством Калужской епархии по случаю 25-летнего служения епископа на архиерейской кафедре²⁰⁶.

Духовенству помогали благотворители. Совет училища постоянно принимал пожертвования от лиц разных сословий. Так, попечитель училища купец, городской голова И.К. Цыпулин за свой счёт провёл в здание водопровод и в течение нескольких лет в день училищного праздника (24 ноября) жертвовал в пользу воспитанниц по 60 рублей. В 1896 году пожертвовал 200 руб. в пользу сирот училища купец Н.В. Теренин.

Не бездействовали и представители духовного сословия. Неизвестное духовное лицо пожертвовало облигацию в 50 руб. с тем, чтобы проценты с неё ежегодно выдавались в награду воспитаннице, которая окажется лучшей по успехам и поведению. Настоятель Боровского монастыря о. Дионисий пожертвовал бедным воспитанницам из личных средств 40 руб., а причт с. Ивонино Мосальского у. пожертвовал 300 руб. на покрытие недоимок бедных воспитанниц из духовенства²⁰⁷. С 1891 по 1900 год, по неполным данным (представлены не все благочиния), калужским клиром было собрано на нужды сирот училища не менее 1600 рублей. Заметим, что помощь была адресной, деньги распределялись в первую очередь между теми воспитанницами, которым была нужна неотложная помощь. Всем благочинным Совет училища выразил глубокую благодарность за их участие в судьбе сирот училища²⁰⁸.

В училище были именные стипендиатки или пансионерки, содержавшиеся на средства духовных лиц или православных учреждений. Например, Калужский Казанской женский монастырь с 1879 года ежегодно вносил в училище 400 руб. за содержание четырёх сирот; архимандрит Мисаил оплачивал весь курс обучения одной сироты; врач училища А.П. Бабушкин своё жалованье употреблял на содержание двух сирот. Совет училища содержал за счёт училищной экономии до 20 сирот. В 1888 году объявленный калужским архиереем сбор с причтов и иносословных воспитанниц дал 1800 руб. на нужды 20 сирот, а с 1889 года архиерей обязался содержать двух сирот²⁰⁹. В начале

XX века из прибылей епархиального свечного завода на 125 сирот училища отчислялось 13–14 тыс. рублей²¹⁰. В 1884/1885 году из 144 живших в общежитии учениц стипендиатками состояли 15 дочерей клириков. Из них 10 получали стипендию имени императора Александра II, 4 — стипендию архиепископа Григория. А на предоставляемые митрополитом Исидором, Оптиной Пустыней и козельским духовенством средства в пансионе содержались три воспитанницы²¹¹. Известно, что в 1891/1892 году в женском училище на епархиальные средства содержались 56 воспитанниц (27,3 % всех учениц из духовенства). Из них 33 воспитанницы находились на полном пансионерском содержании. Остальным 23 ученицам давались пособия в размере 45–90 рублей²¹². В 1896 году духовенство в память коронации Николая II учредило две стипендии по 90 руб. на них содержались в пансионе училища лучшие ученицы из круглых сирот духовного звания (стипендиальный фонд — 5203 руб.)²¹³. Наконец, три стипендии были учреждены в честь столетия Калужской епархии (1899). К 1905 году на стипендии, средства благотворителей и духовенства в училище воспитывалось 149 учениц²¹⁴.

Из вышеизложенного следует, что духовенство Калужской епархии, оказывая поддержку духовно-учебным заведениям, в частности женскому училищу, считало первым своим нравственным долгом на должном уровне материально обеспечить сирот. Основными видами социальной помощи сиротам были предоставление права бесплатного проживания в конвенте (общежитии) училища и обеспечение воспитанниц питанием и одеждой. Для девушек, имевших хорошую и отличную успеваемость, и «благонравных» в качестве поощрения были учреждены различные стипендии. Кроме того, епархиальное духовенство и монастыри могли брать несколько сирот на своё полное содержание в течение всего срока обучения. В целом, можно дать высокую оценку действиям калужского клира по оказанию социальной помощи сиротам епархиального училища.

Одна из самых распространённых форм помощи бедным воспитанницам — это полное или частичное освобождение их от платы за обучение. Так, депутаты общепархиального съезда в январе 1883 года освободили от взноса последней полугодичной платы за обучение сироту, шестиклассницу О. Пятницкую²¹⁵. Часто роль в переводе на бесплатное обучение для девушек играла полезная деятельность их родителей или родственников во благо училища. Такая возможность, например, была предоставлена М. Моисеевой, племяннице училищного доктора Дубенского²¹⁶. Уместно заметить, что в епархиальном училище обучались дети уважаемых, но небогатых родителей. И духовенство, идя им навстречу, учило их детей бесплатно. Так, по просьбе потомственного почётного гражданина С. Преображенского в 1893 году была освобождена от платы за обучение его дочь, имевшая хорошие успехи в учёбе²¹⁷.

Бесплатное обучение могло иметь многолетнее продолжение, вплоть до окончания курса. На таких основаниях, к примеру, обучались внуки священников М. Соколова и Е. Песоченская, семьи которых были бедны²¹⁸. Тем не менее, перевод на бесплатное обучение был строго регламентирован резолюциями архиерея.

Итак, можно сделать вывод, что, используя такую форму оказания социальной помощи, как перевод учащихся на бесплатное обучение, калужское духовенство опять-таки старалось благотворить в первую очередь сиротам и тем воспитанницам, родителей которых едва сводили концы с концами. Но помощь могли получить и девушки, не относившиеся прямо к духовному сословию, но достойные этого по своим успехам.

К учреждениям сословной благотворительности можно отнести и общества, учреждаемые для помощи нуждающимся воспитанникам духовных заведений. В Калужской епархии существовало несколько подобных обществ. Первым в 1880 году открыло свои действия Общество вспомоществования нуждающимся ученицам Калужского епархиального женского училища. Оно возникло по личной инициативе врача училища А.П. Бабушкина.

Согласно § 1 устава Общество учреждалось «для доставления нуждающимся девицам духовного происхождения Калужской епархии возможности получать образование в женском епархиальном училище». Право на пособие получали и дети лиц, служащих по духовно-учебному ведомству в епархии, и дети сельских учителей, окончивших курс семинарии. Примечание гласило, что по мере расширения средств общество может оказывать пособие нуждающимся девочкам духовного звания и при поступлении их в училище. Бедных воспитанниц могли принимать на постоянное попечение, помещая их в училище в качестве пансионерок и полупансионерок. Временные пособия общества состояли в плате за обучение, в снабжении учениц одеждой, квартирой и учебными пособиями (§2–3). В § 11 обозначались такие источники пополнения средств общества: а) ежегодные и единовременные взносы членов; б) всякого рода денежные и вещественные пожертвования. Кроме того, общество было в праве устраивать духовные концерты и детские вечера.

Управление делами общества осуществлялось Общим собранием и Советом общества. (§18–19) Совет состоял из пяти членов, избираемых на один год. Все члены Совета, согласно § 23 устава служили делу общества безвозмездно. К предметам занятий Совета относилось рассмотрение просьб о помощи; собирание необходимых сведений о положении нуждающихся; выдача временных денежных пособий; наблюдение за нравственным и физическим воспитанием призываемых обществом²¹⁹. Как видим, устав открывал Обществу широкое поле для благотворительности.

Первый год жизни общества был ознаменован значительными как денежными, так и вещественными пожертвованиями: от калужского духовенства поступило 511 руб., а пожертвования купцов, как калужских, так и московских, и других благотворителей составили 4,8 тыс. руб., не считая материала для платьев воспитанницам, одеял, платков и т. п. Кроме того, Советом Общества был устроен духовный концерт в зале Калужского городского собрания, доставивший обществу 113 руб. чистой прибыли²²⁰.

Проценты с капитала и членские взносы дали Совету общества возможность в первый год деятельности оказать пособие 48 бедным воспитанницам. О благотворительной деятельности Общества говорят данные таблицы 5.

Таблица 5

Благотворительная деятельность Общества вспомоществования нуждающимся ученицам КЕЖУ

Год	На пособия ученицам (руб.)	Число учениц, получивших помощь
1881	1069,4	48
1882	905	34
1883	1002,42	37
1884	548,5	нет точных данных
1885	570	нет точных данных
1886	757	28
1887	530	23
1888	676,3	нет точных данных
1889	712	нет точных данных
1890	686	нет точных данных
1891	692,5	30 + 2 стипендиатки
1892	653	23 + 3 стипендитки
Итого	8802,12	не <413

Анализ данных таблицы 5 показывает, что в среднем в 1881–1892 годах на пособия воспитанницам отчислялось 600–700 руб., хотя постоянной сум-

мы не было, наибольшее количество средств на этот предмет расходовалось в первые годы существования Общества. Общее же число учениц, ежегодно получавших помощь от Общества, колебалось от 23 до 48 человек.

Известно, что в 1883 году пособия были выданы 37 ученицам в размере от 5 до 105 руб. на сумму 1022 рубля. Тогда же почётным членом Общества стал великий князь Георгий Михайлович, пожертвовавший 100 руб. и соизволивший ежегодно жертвовать 100 руб. на стипендию его имени.

Средства общества росли, но с увеличением числа нуждающихся воспитанниц училища появилась надобность в более равномерном распределении пособий. Поэтому Совет постановил с 1 января 1886 года принимать несостоятельных воспитанниц училища только на полупансионерское содержание, а воспитанниц, которые числились полными пансионерками, перевести на половинное содержание.

Вместе с упорядочением в распределении пособий, Совет заботился и о том, чтобы расширялся круг деятельности общества. По уставу общество имело целью выдавать пособия ученицам исключительно духовного происхождения. Между тем время показало, что значительная часть пожертвований поступало от лиц светских, что в епархиальное училище поступают многие инородные воспитанницы, нуждающиеся в помощи. Поэтому в устав Общества в 1886 году была внесена поправка, гласившая: «за удовлетворением просьб нуждающихся учениц училища духовного происхождения, получают право на пособия... беднейшие ученицы и светских званий».

Чтобы увековечить имена лиц, сделавших самые крупные пожертвования в пользу Общества, в 1887 году были учреждены три стипендии имени фрейлины императрицы М.С. Мухановой (пожертвовала 1650 руб.), калужского купца I гильдии А.Д. Подковавцева (пожертвовал 3000 руб.) и почётного гражданина г. Калуги А.М. Кожевникова (5000 руб.)²²¹. Стипендии учреждались в следующих размерах: а) стипендия имени М.С. Мухановой в 85 руб.; б) имени А.Д. Подковавцева в 90 руб.; в) имени А.М. Кожевникова в 90 рублей.

Право на получение стипендий имели преимущественно сироты, начиная с IV класса. Стипендии назначались по годовым успехам учениц, для чего нужно было учиться не менее чем на четвёрки по всем обязательным предметам. Стипендии выдавались по полугодиям учебного года, а кандидаты на стипендии избирались советом посредством жребия. Ученицы, поступившие прямо в старшие классы, получали право на стипендию не иначе как через полгода после поступления. Лишались пособия ученицы, учившиеся неудовлетворительно, причём право на стипендию тут же передавалось другой кандидатке. Но стипендия могла быть снята советом Общества и в том случае, если материальные средства стипендиатки по

каким-то обстоятельствам улучшились и она могла уже обойтись и без пособия. Совет мог оказать снисхождение ученице, получающей стипендию, относительно её успехов в случае болезни и других, независящих от её причин, которые могли неблагоприятно повлиять на её учебные занятия. Известно, что в 1891 году стипендиатками являлись ученицы VI класса А. Попова (90 руб.), А. Тарбеева (85 руб.) и другие²²² (см. Приложение 15).

За тридцатилетний период деятельности Общества пособия выдавались свыше девятистот раз, на что было израсходовано более 20 тыс. руб., а помощь получили, по меньшей мере, 800 человек²²³.

Полезность благотворительной деятельности общества заключалась в том, что, располагая сравнительно небольшими средствами, оно оказало многим бедным воспитанницам училища существенную поддержку в получении ими образования. Принимавшие близкое участие в деятельности общества свидетельствовали, что его пособия были своевременны и необходимы, ведь даже самое малое пособие, выданное сиротам, делало для них и будничным и праздником. «Епархиальные ведомости» писали: «Трудно забыть радость ученицы, когда ей был выдан материал для пальто и тёплый платок, она как бы уже чувствовала, что ей более не придётся дрожать, когда она в сильные зимние морозы из холодной своей квартиры отправится в училище..., имея пальто, она, вероятно, считала себя богачкой»²²⁴.

Можно сказать, что каждой бедной ученице выданное ей пособие давало надежду на окончание курса, за чем виднелась перспектива трудной, но дававшей средства к существованию жизни народной учительницы.

Достаточно эффективная деятельность на поприще благотворительности Общества вспомоществования нуждающимся ученицам епархиального женского училища даст толчок к созданию подобных обществ при мужских духовных училищах Калужском и Мещовском.

Заметим, что Мещовскому духовному училищу (МДУ) при распределении прибылей свечного завода доставалось меньше всего, в разные годы от 2,5 до 7 тыс. руб., а, к примеру, на Калужское духовное училище выделялось в конце XIX – начале XX веков от 4 до 14 тыс. рублей. Во второй половине XIX века основным источником дохода училища являлся 1 %-й церковный сбор, дававший 70 % от общей суммы дохода. В 1870-е годы средний ежегодный доход училища равнялся 10 тыс. руб., и лишь в 1877 году правлению училища удалось собрать почти 30,3 тыс. рублей. Поэтому МДУ приходилось функционировать в условиях постоянной нехватки средств, что, естественно, снижало уровень оказываемой воспитанникам социальной помощи.

Однако известно, что и до учреждения благотворительного общества калужское духовенство не оставляло без своей опеки воспитанников училищ. Так, по правилам, действовавшим в МДУ, могли получить полный

оклад пособия ученики, не имевшие никаких средств для своего содержания, сироты и дети причетников из малоодоходных церквей, «если к тому не будет препятствия со стороны успехов и поведения». Имели право на пособие сыновья многолетних диаконов и плохообеспеченных священников, им назначалось пособие в уменьшенном размере, исходя из числа учеников, претендовавших на пособия и степени их нужды.

Право на получение учениками пособия обуславливалось не только бедностью, но успехами и поведением их в училище. Воспользоваться пособием могли не все нуждающиеся, а только считавшиеся способными к учёбе и благонадёжные по поведению. В первое полугодие пособие получали все удостоенные его ученики, а затем только получившие на экзаменах при переводе из класса в класс по всем предметам не ниже трёх баллов, а по поведению не ниже четырёх. Первоклассникам, претендовавшим на пособие, надо было получить удовлетворительную оценку на приёмном экзамене. Теряли право на пособие оставшиеся на повторный курс обучения, правда, это не относилось к ученикам, не перешедшим в высший класс по болезни. Лишались пособия ученики, имевшие двойки за полу-годие по трём предметам, однако ученики, показавшие слабые успехи по одному–двум предметам, не лишались пособия совсем, а получали его уменьшенным. Снижалось пособие и ученику, поведение которого было посредственным. Восстановить право на получение пособия мог каждый ученик, если он «подтягивался» в учёбе и по поведению до необходимого уровня²²⁵.

Важные постановления относительно поддержки бедных учащихся МДУ принимались на съездах депутатов духовенства Мещовского училищного округа. Известно, что в 70-е годы XIX века правление училища выплачивало полнокоштным и полукоштным сиротам ежегодное пособие по 60 руб. и 30 руб. соответственно. В дальнейшем размеры денежных пособий увеличивались. В январе 1904 года съезд депутатов Мещовского училищного округа постановил увеличить полный оклад пособия на каждого из сирот до 100, а неполный — для детей бедных родителей до 50 рублей²²⁶.

Помощь училищу оказывало Мещовское Земское Собрание, в конце 1870-х годов ежегодно отчислявшее на училищные нужды 300 рублей²²⁷.

Суммы, выделяемые Правлением МДУ на пособия бедным воспитанникам, увеличивались (с 1160 руб. в 1874 году до 2 тыс. руб. в 1878 году), росло и число учеников, получавших пособие. Если, в 1874 году пособие получали 62 ученика, то в 1878 году его выдали уже 92 чел., т. е. количество стипендиатов выросло в 1,5 раза²²⁸. Размер пособия варьировался от 7,5 до 30 руб., но не был менее пяти рублей. По неполным данным, в 70-е годы получили пособие не менее 250 воспитанников Мещовского училища на общую сумму почти 8 тыс. рублей. В конце XIX века пособием пользовались в среднем 40–50 человек, на что расходовалось духовенством 1 600 рублей²²⁹.

В то же время Правление МДУ более 3,9 тыс. руб. ежегодно расходовало на содержание администрации и преподавательского состава, а на выдачу пособий бедным воспитанникам уходило в среднем 1,8 тыс. руб. (или 15,1 % всех расходных средств)²³⁰.

Как уже отмечалось, самой распространённой формой поддержки наиболее нуждающихся учеников в духовно-учебных заведениях было освобождение их от платы за обучение либо принятие особенно способных на казённый счёт. Так, съезд депутатов от духовенства Мещовского округа в 1897 году постановил освободить от платы за обучение фельдшерского сына, ученика приготовительного класса Н. Бульгина, внука священника с. Котори Алексея Смирнова и др. Депутатам училищного съезда было преподано тогда архиепископское благословение «за добрые, человеколюбивые постановления»²³¹.

Своей властью в деле помощи бедным учащимся пользовался и местный владыка. Например, в январе 1898 года, по распоряжению епископа Макария были освобождены от платы за обучение семь учеников²³².

На протяжении многих десятилетий острой оставалась проблема устройства здания общежития при Мещовском училище. В 1893 году депутаты съезда установили подушный сбор на устройство общежития, который был продлён до 1904 года. За десять лет на устройство общежития собрался капитал, который с поступившими процентами к 1 января 1904 года равнялся 63 тыс. рублей²³³.

Но, несмотря на все усилия училищного правления, старавшегося облегчить нужды учеников, положение большинства из них оставалось довольно тяжёлым, на протяжении последней четверти XIX века ежегодно нуждались в благотворительной помощи 40 воспитанников. Чтобы смягчить данную проблему в 1901 году было учреждено Общество вспомоществования бедным ученикам Мещовского духовного училища. Для многих представителей калужского духовенства было весьма затруднительно дать своим детям образование, ведь обучение и содержание одного школьника обходилось не менее 100 руб. в год, что составляло пятую часть годового дохода священника и две трети от доходов псаломщика. Поэтому многие клирики и их дети радостно восприняли известие о появлении в епархии нового благотворительного общества.

Согласно § 1 устава целью Общества было попечение о недостаточных учениках МДУ без различия их происхождения. При наличии средств Общество могло выдавать пособия и выпускникам училища, поступившим, например, в высшее учебное заведение. Однако помощь такого рода носила единовременный характер. Формы помощи были такими: а) взнос платы за учение; б) бесплатная выдача книг и учебных пособий или продажа их по сниженной цене; в) снабжение неимущих одеждой, пищей, обеспечение

жильём; г) оказание медицинской помощи, содействие погребению умерших; д) выдача единовременных денежных пособий. Правление Общества имело право при наличии необходимых средств или с помощью благотворителей открывать для бедных учеников столовые, дешёвые квартиры, общежития, склады учебных книг и пособий и т. п. (§ 3).

Источники пополнения средства Общества были схожими с теми, которые указывались выше для благотворительного общества при женском училище²³⁴.

За первый год своей деятельности Правлению Общества вспомоществования бедным ученикам МДУ удалось собрать более 2100 руб., из них 190 руб. собрали калужское духовенство и монастыри²³⁵ (см. Приложение 16).

За 1902 год Общество израсходовало на помощь нуждающимся ученикам более 175 руб. (см. таблицу 6).

Таблица 6

Основные статьи расхода Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Мещовского Духовного Училища за 1902–1905 годы, руб.

Год	На учебники и письм. принадл.	На обувь	На одежду	На кварт. пособие	Др. расх. и оборот.	Число лиц, получ. помощь	Итого на благот.	Всего
1902	17,6	49,3	73,88	34	—	не < 40	174,78	174,78
1903	14,65	41,5	53	18	621,42	т.д.н.	182,22	748,57
1904	24,93	24,2	24,05	14	925,03	50	87,18	1012,21
1905	29,66	49,9	22,73	103	853,16	58	205,29	1058,45
Итого	86,84	164,9	173,66	169	2399,61	не < 150	649,47	2994,01
Ср. %	4,4	10,2	13,5	8,2			38,1	30,5

Источник: КЕВ. 1903. оф. ч. № 10. С. 187; 1904. неоф. ч. № 9. С. 264–273; 1905. неоф. ч. № 13. С. 414–425; 1906. неоф. ч. № 11. С. 392–400.

Данные таблицы 6 показывают, что общие расходы общества с 1902 по 1905 годы неуклонно росли. На благотворительные цели Общество отчисляло в среднем 165 руб., что составляло 38,1 % всех расходимых средств, из них наибольшие суммы шли на обеспечение учеников одеждой и обувью (23,7 %).

Наименьший размер оказанной Обществом помощи в пересчёте на деньги приходится на 1904 год. Тогда было выдано на нужды бедных

всего 87 рублей. Такой размер помощи объяснялся тем, что для учеников, которым шилась одежда, материал оставался ещё с прошлого года в достаточном количестве. Кроме этого, большую услугу оказал съезд духовенства Мещовского училищного округа, увеличивший сумму на пособие сиротам и бедным воспитанникам, появилась возможность сэкономить средства Общества. В 1905 году Общество израсходовало на помощь нуждающимся ученикам 205 рублей. За помощью к обществу обратились 58 человек, 37 воспитанникам помощь оказывалась по нескольку раз. Кроме обеспечения учеников обмундированием и школьными принадлежностями, Общество оплатило за содержание 25 чел. на частных квартирах 103 рублей²³⁶.

Конечно же, размеры оказываемых пособий не могли быть значительными. Существенную часть наличных денег приходилось тратить на покупку ценных бумаг, рент, государственных обязательств, обладание которыми давало пусть малый, но зато устойчивый процент для приращения капиталов. Без этого вряд ли была бы вообще возможна благотворительная помощь, тем более эффективная.

Тем не менее, отметим, что общество пользовалось сочувствием жителей губернии и, в первую очередь, духовенства. Даже начавшаяся война с Японией, потребовавшая больших затрат на нужды армии, не прервала деятельности данного Общества. Между тем были люди, которые постоянно жертвовали в пользу общества, среди них можно выделить почётного покровителя общества калужского архипастыря Вениамина (Муратовского), протоиерея Г.И. Титова, архимандритов Оптиной пустыни Ксенофонта, Тихоновой — Лаврентия, Боровского монастыря — Венедикта²³⁷.

Тяжёлым было положение и бедных воспитанников и Калужского духовного училища (КДУ). Общество помощи ученикам КДУ появится на три года позже Мещовского. Но правление КДУ и калужское духовенство задолго до учреждения Общества оказывали помощь бедным ученикам, прежде всего, освобождая многих из них от платы за обучение или принимая на казённый счёт. К примеру, съезд депутатов от духовенства Калужского училищного округа в январе 1872 года, рассмотрев прошение вдовы причетника М. Извековой, принял её сына Василия в приготовительный класс на епархиальное содержание²³⁸. Журналы съездов депутатов сохранили для нас и сведения о том, что помощь получали и воспитанники, обучавшиеся вне Калужской епархии, но бывшие её уроженцами. Например, с января 1887 года и до конца курса обучения правление КДУ отсылало в правление Белёвского духовного училища (Тульская епархия) 20 руб. за обучение бедных детей псаломщика села Хлыстово Лихвинского у. Лазаревых и детей диакона села Дубны Козельского у. Птушкиных, которые испытывали крайнюю нужду²³⁹.

Поддержка духовенством бедных воспитанников училища продолжалась и в голодные 1891-1892 годы. Например, только в январе

1892 года были освобождены от платы за обучение следующие ученики: Павел Дубов, Павел Поляков, Сергей Овчинников, Дмитрий Никитский, Константин Царёв²⁴⁰.

Среди освобождаемых от платы за обучение были дети не только духовных лиц. В январе 1895 г. под категорию бесплатно обучающихся попали сын потомственной почётной гражданки П. Воскресенской, Александр Воскресенский, сын почётного гражданина И. Пятницкого, Сергей Пятницкий, с формулировкой «ввиду крайней бедности родителей»²⁴¹. Конечно, помощь бедным воспитанникам осуществлялась не только в виде перевода на бесплатное обучение, но и выдачей денежных вспомоществований, обмундированием, обувью и т. п. Известно, что в 1892 году на пособия бедным ученикам было выделено 600 рублей²⁴².

Ещё одно направление помощи наиболее бедной части воспитанников училища — предоставление казённокоштных вакансий (бесплатных мест за счёт епархии). Известно, что в 1885 году число таких вакансий равнялось 30 (10 % от всех учеников), затем оно было увеличено до 45 мест²⁴³. Находившиеся на полном содержании воспитанники учились и питались бесплатно, также снабжались готовой одеждой, обувью и всеми письменными принадлежностями²⁴⁴. В начале XX века в общегитии КДУ помещалось до 190 человек, 75 из них находились на содержании духовенства²⁴⁵.

В центре внимания руководства находилась и больница при КДУ, в 70-80-е годы на её содержание тратилось от 600 до 1000 руб. ежегодно.

Обеспечение воспитанников полноценным питанием — важная проблема, от решения которой зависит их здоровье.

Известно, что в 1870-е годы на обеспечение учеников пищей тратилось в среднем 2,4 тыс. руб., а в рацион питания входило мясо (говядина, телятина, баранина), капуста, картофель, рыба, крупа (в основном гречневая), животное масло, лук репчатый и зелёный и т. д. В 1891 году было принято постановление съезда: «выдавать казённокоштным воспитанникам ежедневно в продолжение всего учебного времени на завтрак по два калача, не лишая желающих пользоваться хлебом в столовой пред утренними и вечерними занятиями»²⁴⁶.

Полностью решить все проблемы, связанные с обеспечением нуждающихся воспитанников, правление КДУ самостоятельно, естественно было не в состоянии. Средств не хватало: не все бедные воспитанники обеспечивались общегитием, снабжались приличной одеждой, обувью, бельём, книгами, учебными пособиями и т. п. Но только в 1904 году начало деятельность Попечительство св. Гурия о бедных учениках Калужского духовного училища. В целом, Устав данного Попечительства был схож с уставом Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Мещовского духовного училища, имевшего аналогичные цели.

Источники доходов Попечительства были традиционны. Начало образованию основного капитала Попечительства положил епископ Вени-

амин, пожертвовавший 100 рублей. Благодаря живому участию в судьбе попечительства смотрителя училища А.В. Вадковского был проведён сбор пожертвований, составивший более 900 рублей²⁴⁷.

Известно, что только за первый год своего существования Попечительство израсходовало 981 руб., из них более 280 руб. были истрачены на нужды бедных учеников училища, что составило 28,5 % всего расхода или почти 13 % всех имевшихся в распоряжении общества средств. На остальные наличные деньги были куплены государственные ренты и ценные бумаги, а также различные канцтовары. В 1904 году 14 воспитанников духовного училища получили пособие на поездку домой к родителям, среди них: В. Азбукин, С. Боголюбов и др. Размер пособия колебался в зависимости от дальности поездки от 0,4 до 2,3 рубля. Кроме того, одеждой были снабжены 12 учеников, а обувь получили 59 мальчиков²⁴⁸. В общей сложности помощь Попечительством была оказана более чем ста воспитанникам.

И в последующие годы Попечительство св. Гурия, выполняя своё предназначение, обеспечивало одеждой, обувью, выдавало денежные пособия, призревая, таким образом, в среднем 80–110 учеников КДУ в год.

Калужское духовенство, конечно же, не могло обойти вниманием незавидное положение воспитанников главного духовного заведения епархии — духовной семинарии. В некоторой степени это учебное заведение считалось привилегированным. В зависимости от материального состояния учащихся епархия выделяла средства для их содержания. Дети богатых родителей находились на своём содержании. Те же, кто не имел средств, получали казённое содержание. Так, из 133 семинаристов, окончивших курс обучения в 1862 году, 96 человек находились на собственном содержании, 18 (13,5 %) — на казённом, 15 — на полуказённом, 4 — на содержании Его Преосвященства (3 %)²⁴⁹. Эти данные свидетельствуют, что калужское духовенство в те годы не могло ещё взять на своё содержание даже четверть семинаристов.

Улучшение материального быта воспитанников КДС всегда было предметом особого попечения калужского епархиального духовенства и начальства духовной семинарии. Это выражалось в том, что с увеличением числа воспитанников, числа сирот и нуждающихся, калужские архипастыри рекомендовали увеличить число казённокоштных вакансий для бедных воспитанников семинарии и повысить суммы на их содержание; духовенство регулярно ассигновало в распоряжение правления семинарии суммы на пособие бедным семинаристам и на содержание 10 сирот. В 60–70-е годы XIX века монастыри Калужской епархии ежегодно отчисляли на бедных семинаристов 315 рублей. В 1872 году помощь в размере 150 руб. духовенство оказало некоторым своекоштным семинаристам, оставшимся без средств к существованию²⁵⁰.

В целом же, в исследуемый период на помощь бедным воспитанникам семинарии духовенство епархии выделяло по 350–450 руб. ежегодно²⁵¹.

В круг вопросов, которыми занималось Правление КДС, входила и забота о содержании и благоустройстве семинарской больницы. С января 1874 года своекоштным ученики семинарии могли бесплатно лечиться в больнице, а с 1885 года на эти цели духовенством ассигновалось 800 руб. ежегодно²⁵².

В 1902 году был сделан ещё один шаг в сторону улучшения положения некоторых беднейших воспитанников семинарии. По желанию выпускника КДС, ректора Санкт-Петербургской Духовной Академии протопресвитера И.Л. Янышева, была учреждена стипендия его имени в размере 100 рублей. Стипендию стали выдавать с 1902/1903 учебного года. Согласно распоряжению архиерея право на стипендию имели воспитанники семинарии из духовенства не ниже 4-го класса, имеющие склонность к продолжению духовного образования, отличающиеся при бедности благонравием и успехами²⁵³.

Но и при всех этих мерах оставалось ещё много воспитанников, которые для беспрепятственного продолжения своего образования, при бедности своих родителей, нуждались в посторонней помощи. В 1905–1907 годах, например, из 430 воспитанников семинарии насчитывалось 95 сирот духовного звания, ими и были замещены все полнокоштные бесплатные вакансии²⁵⁴.

Для решения социальных проблем семинаристов было учреждено Общества вспомоществования бедным воспитанникам Калужской духовной семинарии во имя преподобного Тихона Калужского, открытие которого состоялось 3 декабря 1906 года. На нужды общества протопресвитером И.Л. Янышевым было пожертвовано 500 руб., Преосвященным Вениамином (Муратовским) — 100 руб. и Преосвященным Александром, епископом Муромским, выпускником КДС — 200 рублей²⁵⁵.

Устав данного Общества был идентичен уставам благотворительных обществ при духовных училищах, соответственно и деятельность его была аналогичной той, которую вели эти благотворительные общества²⁵⁶.

Главное же внимание Общество во имя Тихона Калужского сосредоточило на обеспечении бедных воспитанников жильём. Нужда в семинарском общежитии (бурсе) была большой, а мест для бедных учащихся в конвикте не хватало. Но строительство общежития затянулось на долгие годы. Известно, что из 429 воспитанников КДС в 1906/1907 учебном году на сорока наёмных квартирах проживали 159 чел., наибольшее число живущих на квартире достигало 12 человек. Семинаристы платили ежегодно за квартиру, прислугу, воду, уголь, отопление по 39 руб. с ученика, а на питание, баню и освещение расходовалось от 5,5 до 7,5 руб. в месяц.

Хозяева квартир разрешали пользоваться кроватями, но постельные принадлежности ученики должны были приобретать сами, в этом им большую помощь оказывало благотворительное общество²⁵⁷.

Таким образом, благотворительное общество при духовной семинарии, учитывая сложившиеся к моменту его появления обстоятельства, в большей степени уделяло внимание разрешению квартирного вопроса семинаристов. Однако в силу своего достаточно позднего возникновения по сравнению с аналогичными благотворительными обществами, существовавшими при духовных училищах Калужской епархии, Общество во имя Тихона Калужского не смогло развернуть широкомасштабную благотворительную деятельность.

В епархии серьёзно обсуждался вопрос об организации общеeparхиальной кассы пособий учащимся детям духовенства. На суд епархиальному начальству был даже представлен проект такой кассы. Проектом предусматривалось, что данная особая касса учреждалась бы «для облегчения воспитания детей беднейшего и многосемейного духовенства и оказания пособия нуждающимся из них, на более равномерных и справедливых основаниях». Планировалось учреждение для сирот в духовно-учебных заведениях, кроме казённых, достаточное число епархиальных стипендий²⁵⁸. Но, как и многие благие намерения, проект так и остался невоплощённым в жизнь. Сначала он был «затаскан» по канцелярским столам, а позже его осуществлению помешали мировая война и разразившиеся в России революции.

Существенную помощь бедным воспитанникам духовного звания оказывали и светские благотворительные общества. Таким было Общество вспомоществования молодым людям, стремящимся к высшему образованию. Давая оценку деятельности общества в 1879 году, «Калужские епархиальные ведомости» писали, что она заслуживает полного сочувствия и содействия, в особенности со стороны калужского духовенства. Это утверждение основывалось на том, что «наиболее нуждаются в пособиях общества и наиболее пользуются ими студенты из семинаристов, дети и родственники духовенства, хотя члены общества и не принадлежат к духовному званию». Например, в 1875 году только четыре студента из бывших воспитанников калужской гимназии получили 275 руб., а 710 руб. были выданы 15 студентам из семинаристов²⁵⁹. За четыре года активной благотворительной деятельности (1875–1879) Общество оказало помощь 155 воспитанникам. Большинство из получивших пособие составляли выходцы из духовной семинарии (120 чел.). На долю бывших семинаристов пришлось более 4,7 тыс. руб., или 69,2 %, всех потраченных на благотворительность средств.

Таким образом, можно сделать вывод, что оказание социальной помощи беднейшей части духовенства, которой являлись учащиеся, было

важным направлением в благотворительной деятельности калужского духовенства. В определённые периоды, когда резко обострялось и без того не особо хорошее положение воспитанников, по епархии проводились различные сборы, которые могли иметь и постоянный характер, например, поступления от благочинных. Кроме того, назначались отчисления в размере 1–2 % с церковных и причтовых доходов. Специально для оказания помощи недостаточным воспитанникам духовно-учебных заведений в Калужской епархии были учреждены благотворительные общества. В их благотворительной деятельности было много общего. Эти общества платили за квартиры самых бедных учеников, приобретали для них одежду и обувь, выдавали им пособия для проезда к родным во время каникул. Данные благотворительные общества в принципе справлялись со своей основной задачей, приходя в трудную минуту на помощь учащимся, которые непосредственно нуждались в ней. Даже неполные данные о размерах оказанной помощи говорят о том, что благодаря целенаправленной благотворительной деятельности Обществ вспомоществования бедным учащимся духовно-учебных заведений многие воспитанники и воспитанницы получили возможность окончить образование и «встать на ноги». Правда, финансовые возможности таких обществ были весьма скромные, так как их средства слагались из добровольных пожертвований, поэтому размеры денежных пособий были, как правило, невелики. Но, наверное, сильнее материальной для воспитанников духовных училищ и семинаристов в какой-то степени была помощь моральная. Они чувствовали, что не одиноки, не брошены на произвол судьбы, и это придавало им уверенность в собственных силах и в завтрашнем дне.

Глава 4.

Церковно-приходские попечительства Калужской епархии и их роль в организации социальной помощи

В основе административно-территориального деления русской православной церкви находится приход. На рубеже XIX–XX веков приходом называлось «общество верующих, группирующихся около одного храма и руководимых на пути ко спасению одним пастырем»²⁶⁰. С самого начала православия на Руси внутри приходов развивались элементы социальной взаимопомощи. Активной была благотворительная деятельность приходов в XVI–XVII веках. Но по мере усиления центральной власти благотворительность в приходах слабела, а в конце XVIII века она была практически ликвидирована.

Возрождение и активизацию церковно-приходской благотворительности в исследуемый период современники связывали с «Положением о приходских попечительствах при православных церквях», утверждённым 2 августа 1864 года. Приходскими попечительствами должны были стать организации, учреждаемые при православных храмах из лиц благочестивых и преданных православной вере. «Положение о приходских попечительствах...» поставило перед новыми организациями следующие цели: попечение о благоустройстве и благосостоянии приходской церкви и причта в хозяйственном отношении, а также о начальном обучении детей и благотворительности в рамках прихода (п. 1). Их обязанности заключались в содержании духовенства и удовлетворении нужд приходской церкви (ремонт и строительство церковных зданий); учреждении школ, больниц, богаделен, приютов и других благотворительных учреждений; в помощи приходским беднякам; погребении неимущих умерших и поддержании в порядке кладбищ и т. д. (п. 5).

Источник дохода попечительств «Положение...» наметило один — добровольные пожертвования, однако признало обязательным сбор с тех прихожан, которые составили и приняли о нём приговор. Сбор пожертвований полагалось осуществлять отдельно в пользу церкви, отдельно в пользу причта и отдельно на школы и благотворительные учреждения (п. 6)²⁶¹. Всё же главной задачей попечительств определялась не благотворительность, а благоустройство и благосостояние церкви и причта.

Учреждаться попечительства должны были по усмотрению архиереев, по мере возможности, а местные начальства должны были оказывать в этом

деле содействие. Однако в практическом исполнении закона о попечительствах наблюдалось отсутствие единой тактики церковных властей. Если в одних епархиях их создание пытались форсировать, то в других отнеслись к открытию попечительств с равнодушием и даже прохладно.

Рассмотрим, как действовало «Положение...» в пределах Калужской епархии. После опубликования закона о попечительствах в епархии прошли съезды священников, на которых обсуждался вопрос о возможности открытия таких попечительств при церквях. Некоторые калужские клирики выразили готовность немедленно открыть их в своих владениях. Так, 10 июня 1864 года причт Людиновской Казанской церкви отправил прошение благочинному протоиерею Жиздринского Александро-Невского собора И. Орелову с просьбой разрешить открытие при церкви приходского попечительства, а 30 октября 1864 года священник Петропавловской церкви с. Беклемишево направляет в консисторию прошение об организации в его ведомстве при приходской церкви попечительства. Такая тенденция наблюдалась во многих благочиниях епархии²⁶². В марте 1865 года епархиальное начальство разрешило учредить 64 попечительства, среди них: при Георгиевской за лавками церкви Калуги, в сёлах Калужского уезда — Дугне, Ближней Борщевке, Грабцево и других²⁶³.

Открытие приходских попечительств, как правило, сопровождалось призывами пастырей. Сельский священник Николай Королёв в своём обращении к прихожанам зывал: «Православные!... Неприлично нам, христианам, доводить брата Христова и нашего, чтобы он полунагой, в стужу и непогоду под окном у нас, во имя Господа вымолял себе кусок хлеба насущного. Для нас гораздо спасительней упреждать нужды бедняков наших. Одному это трудно, а миром легко... Не лучше ль будет, православные, каждому от своих трудов праведных подавать на призрение бедных в попечительство. Оно найдет в приходе и поможет истинно бедным братьям...»²⁶⁴

Отметим, что эта идея находила понимание среди людей, и такие попечительства открывались. Например, 13 ноября 1864 года священники Козельского уезда постановили создать приходское попечительство при Фроло-Лаврской церкви в с. Горстово и 1 мая 1865 года оно было уже открыто²⁶⁵.

Однако создание многих приходских попечительств растягивалось на долгие годы. Так, попечительство при Людиновской Казанской церкви было организовано только 22 октября 1867 года, а попечительство при Овсороковской Петропавловской церкви — 27 февраля 1866 года²⁶⁶. В большинстве случаев устройство попечительств сталкивалось с большими трудностями. К примеру, благочинный Тарусского уезда 7 сентября 1865 года сообщил начальству о том, что создать попечительство при

Троицкой церкви с. Троицкого не удалось, так как прихожане заявили о своей бедности. А священники калужских городских церквей на совещании 8 ноября 1864 года были вынуждены признать, что их прихожане: «...мало высказали чувств к сему делу...» Священник калужской Георгиевской церкви докладывал, что среди его прихожан имелись желающие открыть попечительство, но когда они узнали, что другие церкви города отказались открыть в своих приходах попечительства, то тоже воздержались от своих намерений.

Немалую роль в нежелании крестьян быть членами попечительства играли материальные затруднения. Многие калужские крестьяне заявляли: «Повинности господские и другие разные поборы выплачиваем с такою нуждою, что случается для того, продаём скот и строения». Правда, кое-где «удалось склонить некоторых людей к сему делу», — говорится в рапорте одного из священников. Так, калужский доктор Ребрин взял на себя попечение о бедных больных, прочие пожертвовали на попечительство деньги²⁶⁷.

Таким образом, предложение правительства путём создания приходских попечительств решить проблему бедности прихожан, не встретило повсеместного сочувствия и понимания, в первую очередь в среде самих прихожан, особенно крестьян. Основной причиной слабого развития попечительств в Калужской епархии была чрезвычайная бедность большинства прихожан, которым не хватало средств для взносов в попечительство и добровольных пожертвований на нужды других. Кроме того, по закону значительная доля средств должна была расходоваться не на благотворительность, а на благоустройство храмов и церковных причтов, а это не могло не остаться незамеченным для прихожан, отсюда и инертность с учреждением попечительств.

В итоге к весне 1866 года в Калужской епархии насчитывалось только 13 приходских попечительств²⁶⁸, а в 1874 году — 20. Духовной консистории пришлось констатировать, что это «...очень немного по количеству церквей. Причиной является нерасположение прихожан к этому делу. И открытые попечительства свою деятельность ограничивают пока попечительством о благоустройстве приходских храмов и состоящих при них училищ»²⁶⁹. Интерпретировать многие цифровые показатели о количестве попечительств непросто. Подчеркнём, что данные о числе попечительств не вполне отражают уровень благотворительной деятельности, а значит, и объём оказываемой социальной помощи. Необходимо всегда учитывать корреляцию числа попечительств и используемых ими материальных ресурсов, а также видов деятельности. Так как приоритетным направлением в работе приходских попечительств было благоустройство церквей, то на это, в основном, и шли средства. По подсчётам исследовательницы Г.Н. Ульяновой, в провинциальных епархиях (Калужская не исключение)

на школы и благотворительные заведения расходовалось лишь 6–18 % получаемых доходов. Об этом свидетельствуют и цифры, так, в 1873 году на храмы калужскими попечительствами было потрачено 4177 руб., а на приходские училища — 395 рублей²⁷⁰.

Источниками пополнения средств попечительств, как правило, служили: кружечный сбор (13–20 %); сбор по подписным листам (10–20 %); сбор в церквях во время служб (8–10 %); добровольные пожертвования (35–50 %)²⁷¹.

Наша задача — выявить роль приходских попечительств в организации социальной помощи, поэтому мы и заострим внимание на деятельности тех попечительств, которые согласно уставам ориентировались в первую очередь на благотворительность.

Старейшим среди приходских попечительств Калужской епархии было попечительство, учреждённое 22 сентября 1865 года при Мосальском соборе. Оно оказывало вспомоществование всем бедным, беспомощным, вдовам, сиротам, престарелым, увечным, больным, многодетным и т. п., но при этом истинная бедность отделялась от «профессионального» нищенства, происходящего от привычки к праздности и бродячей жизни. Обычно попечительство (Мосальское не исключение) состояло из членов-благотворителей, лиц, ежегодно делавших денежные приношения в пользу бедных и членов-попечителей — лиц, собиравших сведения о бедных. Для удобства в работе попечителей весь Мосальск разделялся на 4 части: каждый священник с церковным старостой и выборными прихожанами заведовал своим приходом; кладбищенский священник со старостой заведовал солдатской слободой. По сути, это одно из немногих попечительств в епархии, члены которого так чётко разделяли участки своей благотворительной работы.

Порядок действий попечительства подразумевал представление каждым из попечителей своих кандидатов на пособия с точной справкой об их состоянии, возрасте, средствах к жизни и степени бедности. При назначении пособий главное внимание попечителей обращалось на то, чтобы пособия выдавались лицам, действительно бедным и не имевшим средств к пропитанию²⁷².

Средства попечительства составлялись: из ежемесячного 50-тирублёвого взноса члена-благотворителя И.Ф. Мамонтова; из кружечного сбора, для этой цели устраивались в церквях кружки с надписью: «в пользу бедных год Мосальска» (24 руб. в год); 3) из ежегодных взносов членов-благотворителей и единовременных добровольных пожертвований.

В 1860-е годы в состав Попечительства входили 48 попечителей, среди них протоиерей М. Чупров, 4 священника и 4 церковных старосты; а также по несколько уважаемых людей (в основном купцы) от жителей мосальских приходов — Соборного, Троицкого и Пятницкого.

В первые годы существования попечительство собрало приличную по тем временам сумму — около 1940 рублей.

Средства Попечительства расходовались исключительно на пособия бедным: на погребение, по случаю болезни и т. п. Кроме того, в небольших размерах раздавалась милостыня нищим в праздники Воскресения и Рождества. Размер ежемесячного пособия простирался от 30 коп. до 3 руб., единовременного — от 50 коп. до 5 рублей. Только за два года деятельности попечительство выдало 164 ежемесячных пособия, из них: по Соборному приходу — 100, по Троицкому — 25 и по приходу Пятницкой церкви — 38, и 26 человек получили единовременную помощь. Наибольшее число выданных пособий по Соборному приходу зависит от того, что к собору была приписана солдатская слобода, населённая беднейшими жителями. Всего за 1866–68 годы на пособия бедным Мосальское попечительство израсходовало более 1,7 тыс. рублей²⁷³.

Существенную помощь благотворительной деятельности попечительства постоянно оказывал Мосальский городской голова, купец А.А. Титов, который ежегодно жертвовал 300 руб. серебром на выдачу пособия двум бедным девушкам. Он же открыл в своём доме на собственные средства богадельню на 20 человек²⁷⁴.

Более эффективной деятельности попечительства препятствовали многочисленные нищие, приходившие из окрестных деревень, ибо при виде множества бедных, ходивших по домам, в жертвователях оскудевала охота делать приношение в попечительство. Оценивая результаты своей деятельности, члены попечительства признавали, что его стараниями лишь несколько облегчено положение городских бедных, «но сама бедность, в сущности, мало уменьшилась», так как «пособия, по необходимости скудные, при значительном числе нуждающихся, достаточны лишь для дневного пропитания, но не могут дать способа к улучшению быта». Надо отдать должное попечителям, они верно оценивали ситуацию, считая, что единственным источником для улучшения жизни может быть собственный труд нуждающихся²⁷⁵.

Довольно энергичную работу по оказанию социальной помощи прихожанам развернуло возникшее в 1891 году приходское попечительство при Казанской церкви города Жиздры. Материальной основой попечительства послужили проценты с капитала в 9 тыс. руб., оставленного статским советником В.П. Беляевым, который учредил 300-рублёвую стипендию для бедного студента-прихожанина Казанской церкви, а остальные деньги за вешал употреблять в равных долях в пользу причта и бедных прихожан.

В составе попечительства к концу XIX века было 10 постоянных членов. Значительные средства на пособие бедным прихожанам жертвовали — священник П.Г. Архангельский, жидринский купец Ф.П. Сметской

и др. Нужно учитывать, что Жиздра была одним из центров раскольниковства, поэтому попечительству приходилось работать в трудных условиях и завоевывать доверие прихожан не словом, а делом, от этого зависел и успех благотворительной деятельности. За полтора десятка лет деятельности (с 1891 по 1905 годы), благодаря неутомимой энергии своих членов попечительство собрало из разных источников около 5 тысяч рублей. За эти годы пожертвования прихожан, ежегодно составлявшие в среднем 20–25 руб., дали Попечительству 13,1 % всего дохода, а полученные проценты с беляевского капитала увеличили средства Попечительства почти на 1 тыс. рублей (20,5 %) (см. Приложение 30).

Используя накопленные средства, Казанское попечительство постоянно оказывало помощь бедным прихожанам (обычно 40 чел.), как правило, к Рождеству и Пасхе, расходуя на эти цели в среднем по 125 руб. в год. Отметим, что пособия от попечительства были порой единственным источником существования для десятков людей. Например, в 1904 году расход на пособия бедным прихожанам составил 111 руб., из них к Пасхе и Рождеству прихожане получили 98,2 руб.; около 13 руб. получила на ремонт погоревшего дома бедная мещанка Н. Лобанова²⁷⁶. Во время голода 1891–1892 годов попечительство перечислило на нужды пострадавших 18 руб. В совокупности, с 1891 по 1905 год попечительство израсходовало в пособие бедным прихожанам более 1,5 тыс. руб. или примерно 45 % от общих расходов попечительства²⁷⁷. А если учесть, что ежегодно помощь от попечительства получали не мене 40 человек, то за 15 лет деятельности попечительства 600 обездоленных или претерпевших несчастье людей получили необходимую помощь и поддержку. Наиболее полная картина благотворительной деятельности Казанского попечительства города Жиздры представлена в Приложении 20.

Кроме упомянутого попечительства в уездном центре, в целом в Жиздринском уезде на рубеже XIX–XX веков действовало полтора десятка приходских попечительств. Так, в рапорте священника церкви с. Овсорок Жиздринского уезда о. В. Щедродарова на имя епископа Макария отмечалось, что из открытых в 1899 году в его благочинии 13 приходских попечительств, некоторые из них, несмотря на своё кратковременное существование, успели принести общеприходскую пользу. Например, попечительство в с. Бояновичи собрало пожертвований 70 руб. и 25 пудов хлеба, израсходованных впоследствии на нужды бедных к праздникам Рождества и Воскресения; попечительство в с. Ловати, собранные семена ржаного хлеба (103 пуда), овса (21 пуд) использовало для посева на пользу неимущим; в с. Песочня попечительство с помощью общества трезвости проводило политику отвращения прихожан от пьянства, и не безуспешно. По свидетельству местных священников, многие прихожане вовсе переста-

ли употреблять спиртное²⁷⁸. Известно, что в 1900 году в первом благочинническом участке Жиздринского уезда насчитывалось 15 попечительств, которые тогда же потрагили в общей сложности 9580 руб., что составило 638 руб. в среднем на одно попечительство. Однако большая часть расходов пришлось лишь на несколько попечительств: в с. Овсорок – 7080 руб.; в с. Кудрявце – 1745 руб. и в с. Людиново – 408 рублей. Другие попечительства расходовали значительно меньше. Основная деятельность попечительств по оказанию социальной помощи прихожанам сводилась к покупке хлеба (в сёлах Кцынь, Подбужье, Кондрыкино, Улемль), раздаче пособий к Рождеству и Пасхе в сумме до 34 руб. (с. Любыши, Ловать, Бояновичи и Людиново), погребении бедных. Помощь местным церковным школам и библиотекам оказывали попечительства в с. Любыши, с. Берсне, с. Кондрыкино и др. В сёлах Зикеево, Пеневичи и Воткино попечительства вообще расходов не производили²⁷⁹.

Итак, приходские попечительства в Жиздринском уезде использовали в своей практике различные формы оказания социальной помощи (раздача продуктов, поддержка церковных школ), но основной формой помощи являлась выдача пособий к великим церковным праздникам.

Интересна история попечительства при Преображенской церкви с. Мосалово Боровского уезда, возникшего в 1892 году. Деятельность этого приходского попечительства развивалась в двух направлениях – просветительном и удовлетворяющем материальные нужды прихожан, что было в принципе характерно и для других учреждений подобного рода.

Так, дабы отвлечь прихожан в праздничное и свободное время от бесцельного и нередко грубого и неосмысленного времяпровождения, священником в течение многих лет служились торжественные вечерни и нередко после них молебны с акафистами. Для просвещения прихожан была учреждена при попечительстве общественная библиотека²⁸⁰.

Оказывая материальную помощь, Попечительство выдавало заимообразно небольшие суммы на дорогу, если прихожанин уходил на заработки в город, что очень ценилось прихожанами. Кроме этих чрезвычайных забот, попечительство регулярно к праздникам Рождества и Пасхи выдавало бедным пособие чаем, мясом, сахаром и другими необходимыми вещами, к примеру, в 1904 году было израсходовано на вспоможение бедным прихожанам 21 рубль 30 копеек²⁸¹. Попечительство, принимая участие в судьбе погорельцев с. Мосалово, устроило для них сбор. Так, в 1899/1900 году четырём семьям была выдана субсидия на приобретение леса для постройки изб, также попечительство уплатило за бедную вдову с малыми детьми казённые и мирские подати, а в 1900/1901 году наняло кормилицу годовалому сироте²⁸².

Подчеркнём, что для деятельности попечительства характерно и оказание медицинской помощи. Такая форма оказания социальной помощи

прихожанам использовалась попечительствами нечасто. Так, в 1900/1901 году местным священником и его сестрой несколько раз оказывалась предварительная медицинская помощь и безвозмездно давались простейшие средства: уксус, горчичники, слабительные²⁸³. Между тем, попечительство по рекомендации Боровского земского врача устроило небольшую домашнюю аптеку в доме священника, и он выдавал бедным прихожанам лекарства. За 3 месяца существования аптечки к священнику обратилось 26 человек, в основном с расстройством желудка, нарывами и зубной болью. В 1902-1904 годах бесплатной выдачей лекарств воспользовались 190 человек²⁸⁴.

Попечительство заботилось о школьниках, которые, находясь с 8 утра и до 4 часов вечера в школе, были лишены горячей пищи. Члены попечительства выдавали детям по кружке горячего чаю с сахаром, что благотворительно действовало на детей. Попечительство в 1901–1904 годах в общей сложности обеспечило завтраком 3 435 школьников²⁸⁵.

Кроме того, в начале русско-японской войны попечительство собрало 50 руб. на нужды больных и раненых воинов и на русский флот²⁸⁶ (см. Приложение 21).

Таким образом, благотворительная деятельность данного приходского попечительства была разнообразной. Кроме стандартных вспомоществований в виде пособий к праздникам, попечительство оказывало первичную медицинскую помощь, обеспечивала школьников завтраками, для грудных детей нанимало кормилиц, что тоже не всегда можно наблюдать в практике других попечительств.

Для попечительства, функционировавшего также в Боровском уезде в с. Рышково, было характерно выдавать беспроцентные ссуды по долговым квитанциям. Размер ссуды варьировался от 1 руб. до 20 рублей. Сумма свыше 3 руб. выдавалась при поручительстве состоятельных в приходе лиц. Так, в 1910/1911 году ссуду на 176 руб. 35 коп. получили 25 кредиторов. Как и Мосаловское, попечительство в с. Рышково открыло приходскую аптечку, лекарствами из которой в 1910-е годы пользовались ежегодно не менее 150 человек (в 1910/1911 году – 172 чел.). Заботилось попечительство и о детях. 1 января 1910 года в местной приходской школе для детей были устроены ёлка и литературно-вокальный вечер, а по окончании вечера детям были розданы гостинцы²⁸⁷.

Таким образом, для рассмотренных попечительств, функционировавших в Боровском уезде, в качестве отличительной черты их благотворительной деятельности можно назвать оказание первичной медицинской помощи. Кроме того, попечительство в с. Рышково широко использовало такую своеобразную форму оказания социальной помощи, как выдача беспроцентных ссуд под поручительство. В целом, благотворительную деятельность указанных попечительств можно охарактеризовать как успешную.

А вот из 28 церковно-приходских братств и попечительств благочиния священника Сухинического собора о. Н. Троицкого, существовавших на 1901 год в сёлах Козельского, Мещовского и Жиздринского уездов и имевших совокупный расход 1476 рублей, восемь попечительств не расходовали своих средств вообще. Активно занимались работой по оказанию помощи бедным прихожанам лишь шесть попечительств — в сёлах Хотень, Стрельна, Радождево Козельского уезда и Коробки, Глазово, Воронеты Мещовского уезда. Кроме того, три попечительства помогали при организации похорон. Попечительства, оказывавшие поддержку местным церковным школам (таких насчитывалось 7), не обладая обширными бюджетами, не могли расходовать на нужды школ: отопление, освещение, ремонт здания, письменные принадлежности, учебники и проч. более 10–30 руб. в год²⁸⁸. Из вышеизложенного следует, что основную нагрузку по оказанию социальной помощи бедным прихожанам среди почти тридцати попечительств благочиния Н. Троицкого несли несколько наиболее функциональных попечительств, остальные организации подобного рода либо обозначали благотворительность в своих действиях, уделяя основное внимание нуждам храма, либо вообще старались лишний раз не расходовать средства, собирая деньги, как говорится на, «чёрный день».

Среди других попечительств Калужской епархии, вносивших свой посильный вклад в ликвидацию негативных социальных последствий можно отметить Людиновское приходское попечительство, попечительство в с. Андроновское Калужского уезда и другие.

Церковно-приходское попечительство при Козельской Николаевской церкви было открыто 9 мая 1889 года, и уже в первый год своей деятельности принесло пользу бедным, которым выдавались ежемесячные пособия, деньги на муку и другие потребности, и, что очень важно, наблюдалось, что деньги действительно употреблялись на тот предмет, на который назначались. Одной бедной женщине на средства попечительства была сложена в доме печь. Нужно признать, что, не обладая солидным бюджетом, попечительство не могло в каждом конкретном случае выдавать значительные вспомоществования, но они, тем не менее, достигали цели, давая поддержку людям, которые не могли пропитаться своим трудом. В 1890/1891 году попечительство истратило на пособия бедным 108,7 руб., т. е. почти 65 % от имевшихся средств²⁸⁹.

Людиновское церковно-приходское Попечительство начало свою деятельность в 1898 году и основные свои заботы направляло к тому, чтобы оказывать помощь бедным людям Людиновского прихода с целью хотя бы несколько облегчать их бедственное материальное положение. Помощь бедным людям оказывалась в виде единовременных пособий в разных жизненных ситуациях, когда особенно сказывается нужда в деньгах, напри-

мер, при похоронах, свадьбах, стихийных бедствиях и пр. или в виде ежемесячных пособий, коими в 1902 году пользовались 10 человек. Это были многолетние вдовы и беспомощные болезненные старушки (Лазарева, Комагорова и др.). Но в особенности попечительство много благотворило пред великими праздниками Рождества и Пасхи, чтобы «дать возможность бедным людям встретить и провести эти праздники без нужды и печали». В 1902 году, например, перед Пасхой пособие получили 118, а перед Рождеством — 114 человек. Размер выдаваемого предпраздничного пособия был, правда, невелик: рубль, самое большее полтора, но для бедных людей и эти деньги много значили, так как с их помощью бедные приобретали некоторое облегчение в своих материальных лишениях. За указанный год попечительство смогло выдать ежемесячных и единовременных пособий почти на 235 рублей. Две девушки получили 10 руб. на приданое, а вдова Костикова 5 руб. на достройку избы. Попечительство, затратив 16 руб., помогло захоронить нескольких прихожан. Кроме выдачи пособий бедным людям попечительство в начале XX века взяло на своё содержание в Мокровской второклассной школе сироту И. Зайцева. На благотворительные цели только за один отчётный год братство потратило свыше 400 руб., что составило половину имевшихся в наличии средств²⁹⁰.

Основной задачей приходского попечительства о бедных при Медынском Константино-Еленском соборе было «вспомоществование беднейшим жителям год Медыни в их вещественных и духовных нуждах». Для этого попечительства наиболее характерна практика помощи нуждающимся прихожанам продовольствием. Так, за два года (1893–95) 20 местных бедняков получили: а) по сажени берёзовых дров; б) кадку капусты; в) мешок ржаной муки и г) одну меру круп. Конечно, попечительство выдавало и денежные пособия, приурочивая их к праздникам Рождества и Пасхи. За два года таковой помощью попечительства воспользовалось 280 человек Единовременными пособиями в чрезвычайных случаях (при погребении, замужестве) были обеспечены 75 человек. Кроме того, 45 бедняков получили деньги на хлеб, 25 чел. на лекарства, а 15 — на дрова²⁹¹. В 1893-1895 годы попечительство истратило на благотворительные цели не менее 400 руб. (около 38 %) имевшихся средств.

Андроновское церковно-приходское попечительство в Калужском уезде было открыто по инициативе местного священника о. И. Зюкова 27 января 1891 года. Свою основную благотворительную задачу попечительство видело в оказании содействия народному образованию. Например, средствами попечительства было отремонтировано здание церковной сторожки, где разместились приходская школа на 25 человек, а в январе 1893 года по ходатайству попечительства была открыта ещё и школа рукоделия для девушек, в которой обучали вязанию, кройке, шитью, вы-

шиванию по холсту и вышиванию по канве гладью. Благодаря активной позиции местного священника, убедившего местное население в необходимости школ для повышения грамотности, Андроновское приходское общество согласилось отоплять за свой счёт училища, а попечительство уплачивало жалованье училищным и церковным сторожам.

С 1891 по 1900 год попечительство израсходовало на школьные нужды более 750 рублей, пятую часть всех потраченных за это время средств.

Естественно, одним из направлений деятельности попечительства было оказание помощи бедным прихожанам денежными пособиями, а голодающим ещё и хлебом. Попечительство по мере возможности перед Рождеством и Пасхой выдавало бедным прихожанам 1–2 рубля, а в несчастных случаях, например: пожара, падежа скота выдавало от 3 до 6 руб. серебром. Поэтому и общие суммы выданных попечительством за 9 лет пособий не могут быть значительными — всего более 280 руб. (лишь 8 % расхода). Известно, что в голодный 1892 год попечительство собрало 35 руб. и до 120 пудов ржи, которые были отправлены в Воронежскую епархию в помощь голодающим²⁹². Церковно-приходские попечительства при Вознесенской церкви с. Каменки Калужского и при Покровской церкви с. Дегонки Мосальского уездов так же, как и упомянутое выше Андроновское попечительство основную заботу проявляли о местных приходских школах. Первое их них, в с. Каменки на свои средства отапливало и освещало местную школу, расходуя в среднем 3 руб. в год. Попечительство в с. Дегонки заботилось о местном земском училище, поддерживало материальными средствами приходское училище и открытую в 1900/1901 году в дер. Дегонские Выселки школу грамоты. Устраивая специальное помещение для школы, попечительство отпустило на этот предмет 5 тыс. кирпича²⁹³.

Были попечительства, которые в силу часто посещавших калужские сёла пожаров, периодически выдавали денежное пособие погоревшим семьям. Так, Вознесенское попечительство в с. Каменки выдавало такие пособия в 1896-1899 годах в среднем по 10 руб. ежегодно, а Митрофаньевское церковно-приходское попечительство в с. Пушкино Тарусского уезда в 1897 году пришло на помощь погорелым выделив им 202 рубля²⁹⁴.

В целом, активно проявляли себя на поприще благотворительности приходские попечительства, действовавшие в губернском центре. Из рапорта благочинного г. Калуги И. Протопопова узнаём, что к 1 января 1901 года приходские учреждения существовали при всех церквях благочиния (19), кроме двух: Казанской и Покровской на рву, «при коих дело об открытии попечительств находится в периоде устройства». Начав свою деятельность, многие из попечительств смогли на рубеже XIX–XX веков собрать значительный капитал, достигший к 1 января 1901 года

34 128 рублей. Деятельность попечительств направлялась в основном, на поддержку беднейших прихожанам в их материальных и духовных нуждах, а также на устройство домов для причта и ЦПШ. В последнем отношении заслуживает особенного внимания попечительство при Космодамианской церкви, которое израсходовало 4 208 руб. на устройство двухэтажного здания для школы. А один из членов Спасо-Слободского попечительства доктор Гейер безвозмездно в течение ряда лет пользовал бедных прихожан Спасского храма²⁹⁵.

Высшей оценкой деятельности градокалужских попечительств на ниве благотворительности можно считать резолюцию Калужского епископа Макария (Троицкого) следующего содержания: «По ясной отчетливости во всех отношениях, особенно относительно отрадной и плодоносной деятельности градокалужских приходских попечительств, нахожу этот рапорт о благочинного образцовым и достойным внимания всей епархии»²⁹⁶.

Справедливости ради отметим, что были и в Калуге попечительства, которые, выполняя благотворительные задачи, всё-таки большую часть своих средств расходовали на поддержание храмов. Например, церковно-приходское попечительство при Васильевской церкви, возникшее в 1876 году, до 1900 года ограничивало свою деятельность только денежной помощью бедным прихожанам. При этом члены попечительства делали тщательную проверку условий жизни бедных и их действительных нужд, чтобы исключить злоупотребления в пользовании пособиями. В начале XX века попечительство стало оказывать помощь бедным ученицам местной приходской школы и детям бедных прихожан, обучающихся в других учебных заведениях, в 1905/1906 году на эти цели было израсходовано 128 рублей. Всё же львиная доля попечительских средств уходила на благоустройство храма (в 1906 году — 1138 руб.), что составляло более 82 % наличных средств, тогда как на пособия бедным и их детям в 1906 году было потрачено 225,6 руб. (16,3 %).²⁹⁷

Важным направлением социального служения калужских попечительств было просвещение народа, как правило, религиозно-нравственное, для этого по возможности при церквях организовывались библиотеки. Лучшие из них имелись к началу XX века при церквях — Георгиевской за верхом и Казанской. Так же в Калуге функционировала общепархиальная библиотека в Предтеченском храме, отличавшаяся значительным собранием книг. На содержание библиотеки епархия ежегодно выделяла в среднем 166 рублей²⁹⁸.

С течением времени расходы попечительств росли, но перераспределение средств не всегда было в пользу благотворительности, причём Калужская епархия в этом отношении не выглядит совсем уж негативно. Например, в соседней Тульской епархии попечительства, которых насчи-

тывалось в 1871 году 28 (в Калужской епархии — 34), израсходовали на благотворительные нужды 8037 руб. (17,2 % собранных пожертвований)²⁹⁹. В России в 90-е годы XIX века непосредственно на призрение неимущих попечительства расходовали менее 10 % имевшихся у них средств (к 1901 году — 16,6 %) ³⁰⁰. Так, в 1894 году 78,5 % полученных пожертвований пошло на обустройство храмов, 5,4 % — на содержание причта и только 13,7 % — на школы и благотворительные учреждения. Остальное (2,1 %) отчислялось в епархиальное управление³⁰¹.

Особое значение для призрения неимущих имело развитие приходских попечительств в сельской местности, но в большинстве сельских приходов требовались значительные затраты на ремонт храмов и на улучшение условий жизни клириков. Именно на эти цели и расходовали свои средства приходские попечительства, делая это в ущерб благотворительности.

Вообще распределение попечительств по епархиям России было крайне неравномерным. Объём собираемых попечительствами пожертвований также различался.

Таблица 7

Пожертвования, собранные приходскими попечительствами России в 1902 году.

Епархии	Пожертв. на благ-ть	Епархии	Пожертв. на благ-ть
Воронежская	300 руб.	Орловская	2 325 руб. 26 коп.
Калужская	12 364 руб. 86 коп.	Петербургская	89 262 руб. 41 коп.
Курская	—	Смоленская	1 961 руб. 19 коп.
Московская	89 721 руб. 16 коп.	Тульская	34 856 руб. 89 коп.

Источник: Андерсон В. Несколько цифр из деятельности церковно-приходских попечительств // Антология социальной работы. М., 1994. Т. 1. С. 94.

Данные таблицы 7 показывают, что в 1902 году из трёх близлежащих епархий (Тульской, Калужской, Смоленской) первая значительно обогнала своих соседей по объёму собранных пожертвований. Такая разница в цифрах объясняется, скорее всего, разницей в материальном благополучии крестьянского населения, которое являлось основой приходской общины. Большой темп роста Тульских приходских попечительств, а, следовательно, рост объёма собранных ими пожертвований можно объяснить грамотной политикой тамошних архипастырей, наличием крепких крестьянских хозяйств. Население же Калужской епархии было в основной массе своей бедным, отсюда большой процент крестьян, уходивших на

заработки в город, следовательно, снижалось и количество собираемых сельскими приходами пожертвований.

Для более успешной работы приходских попечительств и для улучшения их материального положения выдвигались различные проекты. По мнению протоиерея Г.П. Смирнова-Платонова, целесообразно было бы учредить Епархиальные попечительства, которые координировали бы деятельность приходских попечительств, создавая их на основе Епархиальных училищных советов, принимая во внимание, что забота о школах и благотворительность в приходе — задача единая. По-видимому, одним из наиболее рациональных предложений было объединение усилий приходских попечительств в области благотворительности с земствами. Вполне возможно, что при надлежащем развитии приходских попечительств объединение усилий православной церкви и органов местного самоуправления принесло бы существенную пользу делу развития благотворительности в России. Но реорганизации попечительств так и не было проведено, и они функционировали вплоть до 1917 года, продолжалось обсуждение вопроса об их реформе.

Итак, можно сказать, что в исследуемый период церковно-приходские попечительства существовали во всех благочиниях Калужской епархии, но их деятельность на поприще благотворительности была в разной степени эффективна. Были попечительства, которые основное внимание уделяли лишь заботам по хозяйственной части (ремонт храмов, благоустройство церкви) или обеспечению достойной жизни штатов приходских церквей. Некоторые попечительства ограничивали свою деятельность поддержкой местных приходских школ, отчисляя на их нужды определённые средства, как правило, не очень значительные. Но были и попечительства, которые успешно решали благотворительные задачи, приходя на помощь в трудную минуту, аккумулируя для этого все имевшиеся в наличии средства. Всё же, несмотря на усилия попечительств Калужской епархии разнообразить и расширить свою благотворительную деятельность, суммы на её осуществление они могли выделять весьма скромные, что, конечно, отрицательно сказывалось на положении тех прихожан, которые не могли вовремя получить или вовсе не получали необходимую помощь в силу скудности источников финансирования попечительств. Отсюда следовало непосредственно снижение эффективности благотворительной деятельности попечительств. Таким образом, весьма разумное предложение российского правительства путём создания приходских попечительств решить или хотя бы значительно уменьшить проблему бедности прихожан не привело полностью к желаемому результату. Можно выделить объективные и субъективные причины слабого развития приходских попечительств. К объективному фактору, на наш взгляд, самому важному, следует отнести бедность прихожан, в первую очередь сельского населения, как основной

категории населения в дореволюционной России. Пожертвования прихожан служили практически единственным источником финансирования попечительств, но денег у крестьян было немного. Субъективным фактором являлись недостатки в принципе организации и функционирования попечительств. Приходские попечительства не получили возможности полновластно распоряжаться денежными средствами, использовать их на благотворительные цели. Согласно «Положению о приходских попечительствах» на них возлагались три задачи одновременно, а это было попечительствам не по силам. Однако нельзя не признать тот факт, что приходские попечительства Калужской епархии, находясь порой, что называется «на голодном пайке», испытывая постоянный недостаток средств, старались как могли и чем могли помогать, если уж не всем нуждающимся бедным, то хотя бы тем, кому помощь была крайне необходима — больным, увечным, вдовам, многодетным, сиротам, погорельцам. В этом смысле вклад калужских попечительств в развитие системы социальной помощи в Калужской епархии и реализацию на практике идеи христианского милосердия нельзя недооценивать.

Глава 5

Благотворительная деятельность православных братств Калужской епархии

В пределах Калужской епархии благотворительной деятельностью занимались и православные братства. После долгого обсуждения и доработки 8 мая 1864 года вышел в свет устав «О правилах учреждения православных братств». Согласно уставу, церковными братствами именовались общества, состоящие из православных лиц разного звания и состояния, для служения нуждам и пользам Православной церкви, для противодействия посягательствам на её права иноверцев и раскольников, для дел христианской благотворительности, для распространения и утверждения духовного просвещения³⁰².

Выделим два момента, которые определяли деятельность братств. Во-первых, они являлись всесловными учреждениями, т. е. доступными как для духовенства, так и для дворянства, купечества и даже крестьянства. Во-вторых, православные братства могли ставить перед собой разные задачи (религиозно-просветительские, миссионерские, благотворительные). Но никто не обязывал их преследовать несколько целей. Устав не сковывал инициативу братств, выбиравших для себя те задачи, которые считали наиболее актуальными для той или иной епархии.

После выхода устава «О правилах учреждения православных братств» число братств стало быстро расти. К 1 января 1893 года в пределах империи насчитывалось 159 братств, из них в европейской части России — 150. Однако братств, занимавшихся благотворительной деятельностью, насчитывалось 70, а братств с чисто благотворительными задачами было всего 23³⁰³.

В исследуемый период в Калужской епархии функционировало несколько десятков братств, занимавшихся благотворительной деятельностью.

Самым первым в епархии в 1879 году возникло братство Св. апостола Иоанна Богослова, благодаря стараниям ректора духовной семинарии архимандрита Мисаила. Изначально братство действовало только в пределах Калуги и Калужского уезда, затем распространив свою деятельность практически на всю епархию. Всё же главной целью братства Св. апостола Иоанна Богослова была духовно-просветительская деятельность, а к мерам благотворительного характера в его деятельности можно отнести учреждение и содержание различных учебных заведений. Так, братство содействовало открытию школы при Крестовском монастыре

в Калуге, в которой сначала обучалось 20 мальчиков, а затем более 50. Ученики за братский счёт обеспечивались завтраками (на сумму в среднем в год 13–20 руб.), обувью, учебными пособиями. Поощряя успехи в учёбе, братство награждало учеников похвальными листами, дарило им Евангелия, а успешно окончившие школу юноши получали свидетельство на льготу по отбыванию воинской повинности. Оказывалась поддержка и приходской школе в д. Камельгино, учителю которой братство платило жалованье 100 руб. в год. А в 1895/1896 году Братство выделило 50 руб. на постройку школы в с. Колодези Жиздринского у., населённом раскольниками. Не оставались в стороне от благотворительности и отделения братства, например, Перемышльское отделение выделяло 30 руб. ежегодно на приобретение и бесплатную раздачу учебников для учеников церковно-приходских школ.

Помимо учебных заведений, средства братства шли и на другие благотворительные цели. В 1885/1886 году денежную помощь получили два еврея, перешедшие в православие. Несмотря на то, что скудные средства братства не давали возможности оказывать пособия в широких размерах, в 1904 году было ассигновано 100 руб. на помощь семьям воинов, павшим в войне с Японией³⁰⁴.

Хотя братство Св. апостола Иоанна Богослова и видело свою главную задачу в религиозном просвещении народа и борьбе с расколом, можно сказать, что благотворительная деятельность данного братства помогала духовенству Калужской епархии в решении различных социальных проблем.

Благотворительная деятельность братства Преподобного Пафнутия, действовавшего в Боровском уезде, осуществлялась в нескольких направлениях. Одно из них — выдача пособий нуждавшимся, обратившимся из раскола, беднякам на венчание, обучение, погребение и т. д., на что ежегодно тратилось 500–800 рублей. Кроме того, регулярно выдавались деньги к Рождеству и Пасхе. Оказывалась помощь и погорельцам. Так в 1887 году пострадавшим от пожара в Боровске, среди которых был учитель К.Э. Циолковский, братство выделило 200 руб., будущий основатель космонавтики получил тогда 40 руб. серебром. Ещё одно направление в благотворительной деятельности Пафнутьевского братства — помощь местным школам, не только церковным и бедным ученикам их, причём необязательно из духовного звания. Известно, что в 1880-1890-е годы братство оплачивало учёбу 5–6 ученикам уездного училища (по 6–7 руб. на человека), тратило 400–500 руб. ежегодно на женскую приходскую школу в Боровске, где обучалось 35 девочек³⁰⁵.

Итак, для братства Преподобного Пафнутия Боровского было присуще оказание разных видов социальной помощи, как правило, нуждающимся жителям Боровского уезда и местным учебным заведениям, в этом отношении благотворительную деятельность братства можно считать успешной.

В принципе аналогичной была деятельность Жиздринского Александро-Невского братства, учреждённого для борьбы с расколом. Но поскольку в круг задач братства входило религиозно-нравственное просвещение народа, то оно по мере возможностей оказывало поддержку развитию школьного дела. Например, Людиновское отделение братства на протяжении ряда лет отчисляло 25 руб. на нужды церковно-приходской школы в с. Колчино. Братство учредило библиотеку, имевшую к началу XX века 135 названий книг и брошюр. В 1901 году книгами из библиотеки пользовались бесплатно 48 человек³⁰⁶.

Можно констатировать, что в благотворительной деятельности братств, которые при учреждении своей главной целью определяли всё-таки религиозное просвещение и борьбу с расколом, имелись схожие черты. Такие братства, как правило, уделяли пристальное внимание развитию образования в округе, оказывая материальную и, естественно, моральную поддержку учебным заведениям, в первую очередь, церковно-приходским школам. Тем самым они способствовали повышению уровня грамотности среди местного населения и достигали своей прямой цели, обращая раскольников в православие. Но братства могли и оказывали социальную помощь местным беднякам и, конечно, тем, кто принял православную веру. Стоит признать, что братства справлялись с теми благотворительными задачами, которые перед собой ставили.

Преемником братства Св. апостола Иоанна Богослова в Перемышльском у. являлось Александро-Невское братство при Перемышльском Успенском соборе, открытое 30 августа 1895 года вместо Перемышльского отделения братства Иоанна Богослова. Деятельность братства подразделялась на религиозно-просветительную и благотворительную. Средства для претворения в жизнь целей братства складывались из членских взносов, от благотворительных концертов, пожертвований и т. п.

Способствуя развитию просвещения, братство открыло собственную библиотеку, из неё книги и журналы выдавались бесплатно как горожанам, так и жителям окрестных селений. Практиковалась выдача книг приходскому попечительству при Перемышльской Николаевской церкви для раздачи крестьянам, а несколько десятков духовных книг были безвозмездно переданы в местную земскую больницу и арестный дом³⁰⁷. В одном из отчётов отмечалось, что сделанные братством затраты

на образование и поддержание библиотеки не были напрасными, «так как хорошие книги для человека есть его истинные друзья, готовые научить любви к Богу и ближним, зажечь надежду на лучшее будущее», поэтому помощь библиотеке для братства всегда была важной задачей»³⁰⁸.

Важнейшим направлением деятельности братства была благотворительность. В своей благотворительной практике Перемышльское Александро-Невское братство использовало стандартные методы оказания помощи нуждающимся. К ним можно отнести выдачу постоянных (ежемесячных) и единовременных пособий, а также заимообразных пособий (с условием возврата). Единовременные пособия обычно выдавались на похороны, на приданое, на «поправу» избы, на приобретение учебных пособий и т. п. Заимообразные пособия всегда выдавались за поручительством членов Совета или других благонадёжных лиц, известных Совету. Постоянной суммы выплат для всех видов пособий не существовало, видимо сумма корректировалась по необходимости, но ежемесячные выплаты год от года увеличивались, а единовременные, наоборот, уменьшались. Для получения достоверных сведений о материальном и семейном положении нуждающихся были избраны из числа братчиков особые попечители о бедных, поэтому можно говорить о том, что оказываемая братством социальная помощь была адресной. Принимая во внимание степень нужды просителей, Братство либо оказывало необходимую помощь, либо отказывало обращающимся к нему за помощью. Так, было отказано в постоянном пособии одинокой вдове, т. к. она «получает пособие от города и может, поступив в услужение, иметь заработок».

За первый год своего существования братство оказало помощь нескольким десяткам человек, ежемесячные пособия составили 10 руб, а единовременные пособия в размере 100 руб. получили погорельцы-крестьяне сёл Козлово и Желухово, более 140 руб. были выданы по разным случаям³⁰⁹. Стараясь обеспечить беднякам достойную встречу христианских праздников, Перемышльское братство особенно благотворило перед Пасхой и Рождеством, обычно в виде денежных пособий (в 1899/1900 году выдано 85 руб.), но иногда и продовольствием (мукой, крупой и т. п.). Люди ощущали поддержку братства в разных скорбных случаях, в частности в организации похорон.

Ежегодно братство оказывало помощь беднейшим ученикам Перемышльского городского училища, покупая на свои средства письменные принадлежности и учебники, к примеру, в 1898/1899 учебном году на эти цели было израсходовано 13 рублей³¹⁰. По необходимости братство экипировало учеников, закупаая для них одежду и обувь.

Таблица 8

Динамика расходов Перемышльского Александро-Невского братства в 1895–1904 годах, руб.

Год	На канц.	На пособия			На чтения	На биб-ку	На бил.	Др. расх.	Всего
		Ежемес.	Единовр.	Разн. п.					
1895/96	30,8	10	100	143,19	3,73	78,62	565	17,02	948,36
1898/99	нет свед.	106		13	–	–	–	–	159,35
1899/00	–	50	166,7	163	–	–	–	–	606,26
1902	18,45	66	86,2	235	69,02	42,6	–	156,38	673,66
1903	–	84	79,6	60	158,96	–	–	6,84	1047,15
1904	–	81,5	80,55	119	259,52	–	–	26,26	566,83
Итого	49,25	910,55	733,19	1643,74	612,45	1222,75	–	206,5	4001,61

Источник: КЕВ. 1897. оф. ч. № 1. С. 2–9; 1900. оф. ч. № 1. С. 5–7; 1901. оф. ч. № 9. С. 154–157; 1903. оф. ч. № 13. С. 243–249; 1904. оф. ч. № 17. С. 315–320; 1905. оф. ч. № 16. С. 349–353; 1905. оф. ч. № 17. С. 361–362.

Анализ данных таблицы 8 показывает, что основой благотворительности братства было обеспечение нуждающихся пособиями. Так, на единовременные и ежемесячные пособия уходило в среднем на рубеже XIX–XX веков — 24,4 % всех расходных сумм. На разнообразные пособия разным лицам братство отчисляло в среднем 19,6 % расхода. На библиотеку и организацию религиозно-нравственных чтений уходило 16,3 % всех средств. Справедливости ради отметим, что братство ежегодно расходовало только часть своего капитала, включая запасной фонд. Но, несмотря на это проводимая братством благотворительная деятельность способствовала тому, что многие жители Перемышля, найдя в лице братства поддержку, смогли уверенно преодолеть жизненные невзгоды.

Своей благотворительной деятельностью в Перемышльском у. известно и православное Братство святителя и чудотворца Николая, учреждённое при Успенской церкви с. Озёрское в 1893 году.

Источники пополнения средств Братства были традиционны, в начале XX века членские взносы составляли в среднем свыше 40 % собираемых братством за год сумм. Доля поступлений от чайной, организованной братством и Попечительства о народной трезвости в доходах братства в среднем равнялась 23 и 16 % в год соответственно.

Деятельность данного братства, как и братства Александро-Невского, разделялась на духовно-просветительную и благотворительную. Первая заключалась в содержании приходской библиотеки-читальни и содействии местному причту в ведении чтений и бесед с прихожанами. Библиотечный фонд постоянно пополнялся, и в 1904 году он состоял из 2397 книг, читальню посетили 8294 чел., в том числе 2467 детей³¹¹. Братство также поддерживало открытое при читальне отделение склада Калужского общества сельского хозяйства, открыло для всех желающих обучаться мастерскую самолётного ткачества³¹².

Духовно-просветительная деятельность Братства выражалась и в поддержке трёх школ Перемышльского у., которым выделялись средства на отопление, ремонт зданий, принадлежности для письма и рукоделия и учебные пособия. На нужды этих школ братство ежегодно расходовало 30–60 рублей. Предметом особой заботы братства была школа для девочек, в ней насчитывалось около 30 учениц. В 1904 году состоялся первый выпуск четырёх учениц, три из которых получили похвальные листы³¹³.

Благотворительная деятельность братства заключалась, согласно уставу, «в стремлении по мере сил и средств облегчить положение потерпевших от несчастий, оказать впавшим в оскудение, а равно беспомощным от старости и дряхлости». В первую очередь, вспомоществование оказывалось продуктами, так, в 1901/1902 году братство выдало бедным прихожанам,

в том числе и к Пасхе, 21 пуд муки, либо выделялись средства для закупки хлеба, приобретения одежды и обуви. В указанном году такую помощь получили около 10 человек. Кроме того, братство ежемесячно выдавало рублёвые пособия двум лицам и практиковало выдачу разнообразных пособий на покупку лошадей, ремонт жилья. На различные пособия братство ежегодно потратило от 100 до 330 рублей. (1904)³¹⁴.

Важное направление братской благотворительности — содержание дешёвой чайной, как средства для отвлечения народа от посещения кабаков. Регулярно братское помещение для чайной снабжалось газетами и журналами, и, как говорится в отчёте братства, «отвлекаясь от кабака, посетители в то же время невольно выносят что-нибудь доброе из читальни». На покупку чая и сахара братство затрачивало около 180 руб. ежегодно. Число посетителей чайной было довольно значительным и равнялось в 1901/1902 году 8805 человекам³¹⁵.

Ещё одно направление в благотворительной деятельности братства связано с открытием в 1901 году приюта для бездомных стариков, в который были приняты два старика из местных крестьян. Для приготовления им обеда и ухода за ними приглашалась крестьянка. Известно, что на нужды богадельни (отопление, освещение, мебель, бельё и отделку помещения) братство потратило в 1901/1902 году 250 руб., из них 33 руб. на содержание призреваемых, в 1904/1905 году расходы на престарелых составили около 75 руб. (расход пожертвованных продуктов в эту сумму не вошёл). Местные крестьяне сочувственно отнеслись к организации приюта, приняв участие в содержании стариков. Известно, что в 1904 году в приюте жило 7 человек — двое мужчин и пять женщин. В приюте насельники пользовались тёплым, хорошо устроенным помещением, бельём, пищей и уходом.

При скудости своих средств братство не оказалось равнодушным и к той великой нужде, которая была вызвана войной с Японией. Из тех средств, которые предназначались на удовлетворение неотложных братских нужд, братство выделило 50 руб. и переслало их больным и раненым воинам. За эту жертву Братство удостоилось Архипастырского благословения и благодарности³¹⁶. Только за начальные четыре года XX века, ведя активную благотворительную деятельность, братство истратило на читальню, чайную, школу, на нужды богадельни и благотворительность не менее 2,5 тыс. руб., оказав неоценимую социальную помощь и способствовав развитию народного здоровья и просвещения.

В Жиздринском у. Калужской епархии, кроме уже упомянутого Александро-Невского братства при Жиздринском соборе, энергичную деятельность по искоренению нищенства развернуло братство, учреждённое 25 декабря 1898 года при Свято-Троицкой церкви с. Запрудное³¹⁷.

Известно, что в Калужской епархии на рубеже XIX–XX веков были селения, большинство жителей которых занимались профессиональным нищенством. В рапорте местного священника о. Н. Беляева на имя архипастыря отмечалось, что большая часть жителей с. Запрудное и деревень Гусевка, Загоричи, Ослинка, часто направляясь в Орловскую, Смоленскую, Воронежскую, Курскую губернии, выдавая себя за погорельцев, голодающих, сборщиков средств на храмы и монастыри, собирают обильные пожертвования. Конечно, среди них были и истинно нуждающиеся, но были и те, кто обращал нищенство в промысел. Такой вид нищенства и сбора подаяния получил название «якутальство». Для борьбы с этим пагубным социальным явлением и было учреждено братство.

Лживые нищенствующие применяли разнообразные способы, которыми выманивали деньги и подаяние у доверчивых людей. Обычно собирающие на мнимое убожество нанимали убогого и выпрашивали милостыню на его имя, а когда убогих не хватало, то тогда сами притворялись калеками, либо сажали подростков в специально приспособленные тележки. Священник свидетельствовал, что такие «нищие» «притворяются немymi, погоревшими, объясняют, что во время пожара сгорела жена, обгорели дети, все имущество сгорело, или весь хлеб побило градом», причём к очередному обману «якуталы» тщательно готовились. Порядок их действий мог быть следующим. Одевшись в одежду вроде халата или просто в поддёвку чёрного сукна, приняв на себя смиренный вид, «якуталы» приходили в дом богатого человека. Принимались они всегда радушно, тут же следовали угощения и приношения деньгами, холстом и другими вещами. Священник Беляев пишет: «Приношения принимаются, однако от угощения, особенно скоромного, якуталы отказываются, вина не пьют, большую часть дни и ночи проводят в показной молитве... Видя такую набожность мнимых афонских монахов, доверчивые хозяева ещё больше жертвуют и просят убедительно заходить и в другой раз, что они, конечно, и делают и месяца чрез два снова заходят...»³¹⁸

Ввиду того что профессиональное нищенство пустило глубокие корни в пределах не только Жиздринского у., перед Троицким братством, взявшимся за ликвидацию этой социальной проблемы, стояла нелёгкая задача. Решить её без наличия твёрдой материальной базы было нельзя. Однако источники пополнения братских средств были стандартными, поэтому не были значительны. Крупные денежные пожертвования поступали от прихожан-работников фабрик и заводов, но они не были постоянными.

Для борьбы с нищенством братство, кроме проповедей, применяло выдачу пособий. На собраниях братства в 1900 году было принято реше-

ние выдавать деньги взаимобразно под ответственность священника, обносить кружку на бедных в воскресные и праздничные дни, раздавать беднякам пособия к Пасхе и Рождеству, выдать бедным девушкам пособие на приданое³¹⁹. По имеющимся данным в 1900–1904 годах братство выдало взаимобразных пособий и к религиозным праздникам около 280 рублей. Расходы на благотворительность составили почти 84 % истраченных средств в 1900/1901 году и 100 % (включая расходы на школу) в 1903/1904 году, но в эти годы Братство расходовало лишь 75–85 % своего бюджета, сохраняя неприкосновенный капитал.

Усилия братства по борьбе с нищенством всё же были бесплодны. Это видно из того, что многие нищенствующие бросали это занятие, считая его низшим и Богу противным. Например, в 1903 году только треть занималась нищенством, а якуталов осталось 8 человек (в 1900 году их было 12)³²⁰. Ушедшие на заработки прихожане стали присылать домой родителям деньги, и жизнь таких семей улучшилась. В отчёте братства отмечалось: «Невелики успехи братства, не уничтожило оно ни нищенства, ни якутальства, но братство указало и открыло глаза тем, которые не видели что нищенство и якутальство великий грех пред Богом, оно ... в корне подорвало то обаяние лёгкой наживы, которым славился и гордился этот постыдный порок...»³²¹

Деятельность братства состояла также в искоренении пьянства в приходе. Некоторые братчики дали обещание вовсе не пить спиртных напитков и почти все исполнили своё обещание. В отчётах братства отмечалось: «Пример их действует на других, и число трезвенников увеличивается; от развития трезвости улучшается зажиточность крестьян»³²².

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что активная и полезная деятельность Свято-Троицкого братства, изменившая отношение большинства прихожан к нищенству, способствовала улучшению социальной обстановки во многих селениях Калужской епархии.

Из других православных церковных братств, развернувших активную благотворительную деятельность в пределах Калужской епархии, можно выделить Благовещенское, Юлианское, Тарусское.

Лихвинское православное Благовещенское Братство, учреждённое в 1895 году при Лихвинском соборе, поставило своей целью «по мере своих средств оказывать материальную помощь всем истинно бедным жителям год Лихвина». Члены-попечители были обязаны, каждый по своему участку, доставлять Совету братства точные сведения о числе бедных, их семейном и имущественном положении, о степени нужды семьи или отдельного лица. Все члены братства служили бесплатно.

Пособием братства пользовались беспомощные сироты, больные, многодетные вдовы, болезненные, беспомощные старушки, душевнобольные и прочие, «требующие помощи христианского милосердия, братского участия в их нуждах, сострадательного отношения к постигшей их скорби». Главным образом братство благоволит перед Пасхой и Рождеством. Но оно приходило на помощь и в другое время, когда особенно чувствовалась нужда прихожан в деньгах. Используя «адресный» метод оказания социальной помощи, братство направляло пособие туда, где в нём была несомненная необходимость. В 1895/1896 году помощь бедным выразилась в следующих денежных выдачах: при болезни (1 лицо); при погребении умерших (5 чел.); перед праздниками пособие получили 100 бедняков. Денежные выдачи не были значительны (исключением служат 40 руб., выданные хроническому больному), они не превышали 5 руб. на одно лицо, но и не были менее рубля. Тем не менее, благодаря и такой помощи лихвинские бедняки имели возможность гораздо легче переносить нужду. Помимо денежных выдач, 20 октября, в годовщину кончины императора Александра III, все бедные получили по две буханки хлеба, и им была приготовлена кутья³²³.

Братство поддерживало беднейших учеников всех сословий местного городского училища, периодически выделяя на их нужды необходимые средства, так в 1896/1897 году 19 учеников были снабжены форменной одеждой (картузами, куртками, штанами, поясом). Кроме того, за счёт братства были закуплены учебные пособия. В отчёте братства говорится: «...облегчая положение бедняков при погребении их родственников, при встрече великих праздников, Совет Братства нашёл необходимым оказать своё материальное содействие и малолетним беднякам в их нужде при получении ими первоначального образования, столь необходимого для честного и производительного труда и для избежания нищеты в будущем³²⁴.

Основные направления благотворительной деятельности Лихвинского братства представлены в таблице 9. Проанализировав имеющиеся данные, можно увидеть, что свыше 77 % всех расходов братства составляли отчисления на пособия перед праздниками. Хотя были годы, когда пособия перед праздниками составляли более 90 % всех расходных сумм (в 1902–1904 годах), но в абсолютных деньгах суммы выданных пособий были меньше. На пособия по болезни и организацию похорон уходило в общей сложности в среднем чуть менее 9 % всего расхода.

Таблица 9

Благотворительная деятельность Лихвинского православного братства

Год	Всего		К Пасхе		К Рожд.		На похороны		При болезни		На Приданое	
	лиц	руб.	лиц	руб.	руб.	лиц	лиц	руб.	лиц	руб.	лиц	руб.
1895/96	106	321,35	46	258,35	54	5	23	1	40	---	---	---
1896/97	156	353,85	52	112	115	6	24	---	---	---	---	---
1897/98	137	279,65	60	127	117	6	20,15	3	15,5	---	---	---
1898/99	139	244,5	70	230	61	1	2	1	2,5	1	5	5
1899/00	145	259,5	68	121,5	104	4	14	4	12	2	8	8
1900/01	>80	286,75	?	126,5	131,25	73	20	3	9	---	---	---
1901/02	123	285	60	254,75	56	4	18	3	11,34	---	---	---
1902/03	?	174	?	91	75	?	8	---	---	---	---	---
1903/04	?	208	?	100	100	---	4	---	4	---	---	---
Итого	не<890	2411,69	не<356	ок. 2064	не<365	32	133,15	14	94,34	3	13	13

Источник: КЕВ. 1896. оф. ч. № 12. С. 203–206; 1897. оф. ч. № 19. С. 303–305; 1898. оф. ч. № 11. С. 163–167; 1899. оф. ч. № 20. С. 272–275; 1899. оф. ч. № 11. С. 135–139; 1901. оф. ч. № 19. С. 302–305; 1902. оф. ч. № 20. С. 367–370; 1903. оф. ч. № 18. С. 326–327; 1904. оф. ч. № 20. С. 368–372.

За девять лет (с 1895 по 1904 год) братство выдало единовременных пособий к праздникам на сумму более 2060 руб.; бедным ученикам городского училища — более 102 руб.; при погребении — 133 руб., израсходовав на эти и другие нужды в общей сложности свыше 2400 рублей³²⁵. «Приведённые цифры, — читаем в «Калужских епархиальных ведомостях», — с несомненностью свидетельствуют о том, что Братство... исполняет своё назначение, давая возможность лихвинским беднякам гораздо легче переносить нужду при болезни, или при погребении своих родственников, а также с облегчённым сердцем и большею радостью встречать великие праздники Пасхи и Рождества Христова». Благотворительность братства обратила на себя внимание архиепископа Макария (Троицкого) и Св. праведника Иоанна Кронштадтского. Первый, ознакомившись с деятельностью братства на пользу ближних, преподавал всем членам братства своё благословение, а Иоанн Кронштадтский прислал на нужды братства 100 рублей³²⁶.

Таким образом, деятельность Лихвинского православного братства внесла существенный вклад в развитие благотворительности в калужском крае.

Тарусское церковное братство во имя Пресвятой Богородицы «Взыскание Погибших» и святых апостолов Петра и Павла было учреждено в Тарусе в 1894 году. Братство наметило для своей деятельности борьбу с хлыстовщиной и «оказание посильной помощи беспомощной старости и безродному сиротству путём раздачи пособий и устройством приютов».

Источники пополнения братской кассы были стандартными. Отметим, что среди финансовых источников выделялись пособия от Синода, составлявшие ежегодно 1100 руб. (более 60 % всех поступивших средств); на кружечный сбор по церквям приходилось в среднем 20–25 % всего дохода. Членские взносы в первые годы деятельности братства были хорошим подспорьем, но к началу XX века они были ничтожны, зато росли по понятным причинам проценты с неприкосновенного капитала.

Противостоя распространению сектантства (хлыстовщине), братство последовательно проводило в жизнь политику просвещения народа; были открыты 4 школы в сёлах Безобразово, Вятское, Игнатовское, Бортники, братство субсидировало ремонт школьных зданий, приобрело школьные принадлежности и для некоторых других школ Тарусского уезда. Благодаря школам пропаганда хлыстовщины среди жителей стала значительно слабее. Аккумулируя для поддержки народного просвещения как собственные средства, так и синодальные, братство ежегодно расходовало

на каждую из школ в названных сёлах по 100 руб., на нужды некоторых других школ уезда отчислялось 30–50 руб. в год³²⁷.

Благотворительная деятельность братства заключалась также в устройстве приюта в Тарусе. Учитывая то, что хлыстовщина, как секта безбрачная, поддерживала своё существование не только совращением взрослых, но и тем, что брала малолетних дочерей бедных родителей и сирот на воспитание, и выросшие дети, став матерями, начинали распространять сектантство, братство, решив воспрепятствовать этому, открыло 5 марта 1896 года в Тарусе приют для сирот-девочек. Совет братства постановил: «на первых порах принять не более шести девочек, на содержание их, на наём надзирательницы, прислуги, отопление, освещение ассигновать 700 рублей». В приют принимались круглые сироты 3–14 лет, «безродные и вообще крайне нуждающиеся». В нём воспитанницы пользовались полным содержанием, обучались рукоделию, а достигшие школьного возраста определялись в церковно-приходскую школу. Судя по отчётам, пища выдавалась детям простая, здоровая и в достаточном количестве, а одежда соответствовала времени года. Председатель Совета братства опытный земский врач И. Добротворский бдительно следил за здоровьем детей, благодаря чему на протяжении десятилетия в приюте не было не только смертного случая, но и серьёзных заболеваний³²⁸.

Число воспитанниц с каждым годом росло, если в 1896/1897 году в приюте воспитывались шесть пансионеров, то в 1902/1903 году их было уже 17³²⁹. Своеобразное отличие деятельности братства по отношению сиротам в том, что члены братства, заботившиеся о приютских детях, не оставляли их без своего попечения и после вступления воспитанниц во взрослую жизнь. Братство практиковало и помощь в трудоустройстве воспитанниц, так в 1901 году две девочки были определены в Серпуховское училище для обучения портновскому и белошвейному ремёслам³³⁰. Способных к наукам девочек братство обязывалось определять в качестве братских пансионеров во второклассные ЦПШ или земские школы. Если среди местных девочек встречались неизлечимо больные или неспособные к труду, то братство ходатайствовало перед епархиальным начальством об определении их в богадельню или больницу³³¹.

Конечно, в благотворительной деятельности братство практиковало выдачу пособий. В 1896/1897 году на пособия было израсходовано 152 рубля³³². Выдавались и единовременные пособия в случае крайней нужды прихожан, например, в 1898 году пособие в 30 руб. получила почётная гражданка вдова Е. Соколова «ввиду её бедности и многочисленности семейства»³³³.

Ведомость о благотворительной деятельности Тарусского церковного братства, руб.

Год	На устройство приюта и служб	На содержание приюта	На благотворительность	На устройство и содерж. школ	Мелоч. расхода	Итого
1895/96	704,9	275,86	70	460	2,44	1513,2
1896/97	320,36	425,3*	152	300	50	1247,66
1897/98	—	—	50	—	—	1332,19
1898/99	—	807,87	32	310	4,95	1154,32
1901/02	256,58	732,22	114,5	213	50,25	1567,05
Итого	—	3523,09	416,5	№ < 1285	107,64	6814,42

* Кроме того, на содержание в Серпуховском приюте двух девочек — 200 руб. 50 коп.

Источник: КЕВ. 1897. оф. ч. № 2. С. 26–33; 1899. оф. ч. № 14. С. 194–198; 1898. оф. ч. № 7. С. 101–103; 1900. оф. ч. № 1. С. 2–4; 1903. оф. ч. № 2. С. 22–25.

Анализ данных таблицы 10 показывает, что с 1895 по 1902 год братство потратило на выдачу пособий не менее 416 руб., что составляло 5–7 % всех расходных средств. На содержание сирот в приюте и хозяйственную часть братство ежегодно отчисляло свыше 60 % всех расходных сумм или 24–40 % всего капитала. На поддержку приходских школ шло от 13,5 % до 30 % всех расходных сумм (5–19 % всего капитала). За указанный период Тарусское братство истратило на благотворительность и просвещение не менее 5225 руб., что составило свыше 76 % всех потраченных средств.

Подводя итог деятельности Тарусского церковного братства, отметим, что оно пользовалось симпатиями и доверием общества. Но члены братства в целом критично оценивали результаты своей деятельности. В опубликованных отчётах резюмировалось: «Братство с грустью может сказать, что деятельность относительно благотворительности по необходимости узка, так как оно распоряжается весьма незначительными средствами»³³⁴. Постоянная нехватка финансов не позволяла братству проявить благотворительность в более широких размерах, вынуждая Совет иногда отказываться в оказании помощи³³⁵.

Уже упомянутое Юлианское братство, имевшее полное название Братство в честь Святой Праведной Юлиании Лазаревской, Муромской было открыто в 1894 году при Покровской церкви в с. Сергиевское Калужского у., с целью оказания помощи бедным прихожанам.

Капитал Братства составлялся из традиционных источников. Братские взносы составляли более половины всего годового дохода братства, не считая неприкосновенных сумм, хранившихся на сберкнижке. Кроме того, братство принимало пожертвования вещами: одеждой, холстом, мукой, яйцами и книжками.

Способы оказания братством благотворительной помощи тоже были традиционными — выдача ежемесячных и единовременных пособий нуждавшимся на прокормление, по несчастным случаям или болезни, вдовам и сиротам перед праздниками Пасхи, Покрова, Рождества. Пособия получали бедные ученики школ на тёплые платье и приличную одежду, деньги выделялись на покупку скота, на ремонт строений, гробы на похороны выдавались бесплатно. С января по июль 1894 года пособиями от братства воспользовался 31 человек; из них 12 получили продуктами и вещами, а остальные деньгами или деньгами и продуктами. На погребения было выдано 3 пособия; на покупку семян для посева — два пособия, остальные же розданы самым бедным прихожанам; причём двое получили пособия с обязательством перестать нищенствовать. Размер единовременного пособия не превышал трёх рублей. При распределении пособий Совет братства должен был соразмеряться с наличными средствами, и потому выдаваемые пособия, может быть, и не могли покрыть убыток нуждающегося, но, тем не менее, служили ему большим подспорьем.

Благотворительная деятельность Юлианского братства, руб.

Год	Выдано пособий		На похороны (число пособий)	Сумма пособий	Экстр. пособия	Число нуждавшихся	Перестали нуждаться	Весь расход
1894	31 продуктами		3	50,05	—	35	—	261,14
1895	38 вещ.	109 ден.	1	233,55	15,4	55	10	634,12
1896	37 вещ.	161 ден.	2	264,35	10	54	28	653,29
1897	23 вещ.	168 ден.	6	нет св.	4	28	18	520,21
1898	198		3	нет св.	—	36	6	845,08
1899	160		2	177,85	—	32	7	447
Итого	925		17	не < 725,08	29,4	240	69	3360,84

Источник: КЕВ. 1894. № 19. оф. ч. С. 338–340; 1896. № 10. оф. ч. С. 158–163; 1897. № 18. оф. ч. С. 283–289; 1898. № 9. оф. ч. С. 136–141; 1899. № 10. оф. ч. С. 126–129; 1900. № 8. оф. ч. С. 104–108.

Никольское братство при церкви с. Лугани Мещовского уезда возникло в 1900 году. Деятельность братства в развитии народного образования была направлена на поддержку средствами школы грамоты в д. Коровино, учительнице которой вдобавок к казённому жалованью доплачивалось 20 руб. В этой школе на 1 января 1905 года обучались 12 мальчиков и 16 девочек. Кроме того, братство предоставляло за свой счёт завтраки ученикам Бедрицкой школы, на что расходовало 35 руб. ежегодно. В 1904 году всех завтракавших было 6200 человек³³⁸.

Конечно же, братство заботилось и о бедных. В течение 1904/1905 году ввиду тяжёлого материального положения прихожан разные лица получили беспроцентную ссуду на 197 рублей. Все дети из бедных семей на устроенной братством рождественской ёлке получили гостинцы и красивые игрушки.

Во время русско-японской войны братство отчислило из своих средств и собранных пожертвований на военные расходы 70 руб. и передало на

Из пожертвованных вещей непригодные в крестьянском быту продавались, а вырученные деньги зачислялись на приход, остальные же вещи раздавались нуждающимся, например, в 1897 году бедняки получили 100 аршин полотна и 31 комплект одежды (кофты, рубашки, панталоны, шерстяные чулки и проч.) Настоятель приходской церкви мог собственной властью раздавать неотложные пособия в экстренных случаях. В 1895 году таких пособий было выдано на 15,4 руб., в следующем году на 10 рублей.

Число прихожан постоянно нуждавшихся в помощи изменялось. В 1896 году 84 человека считались нуждающимися в постоянной опеке, но благодаря благотворительности братства 28 из них смогли значительно улучшить своё материальное положение. Это был большой успех братства.

Важное направление в благотворительной деятельности братства — помощь погорельцам. Пожары в те времена были частым явлением и приносили много горя. Это стихийное бедствие не обходило стороной и с. Сергиевское. К примеру, в течение 1895 года в приходе было 4 пожара, от которых пострадало 19 семей, получивших пособие в 155 руб., соразмерно понесённому убытку. На одном из заседаний Совета было принято решение: «...погорельцев, прибегающих к помощи Братства не исключать из списка нуждающихся в течение года после пожара, напротив, следить... за их материальным положением и в случае нужды оказывать им помощь, чтобы дать им возможность твердо стать на ноги»³³⁶. Это постановление Совета важно тем, что в 1896 году село снова трижды пострадало от огня. На этот раз крова лишились 13 семей, тогда Совет постановил выдавать двум вдовам ежемесячное пособие, 130 руб. были разделены между остальными семьями³³⁷. Всего в 1896–1899 годах, на которые приходится пик братской благотворительности, было выдано 747 денежных и вещевых пособий.

Данные таблицы 11 показывают, что число людей, постоянно нуждавшихся в помощи в приходе с. Сергиевское составляло в среднем 40 человек. Но вместе с увеличением количества нуждающихся росло и число выдаваемых братством пособий (с 31 пособия в 1894 году до 198 в 1898 году). Если на пособия бедным прихожанам в 1894 году Юлианское братство истратило 19 % всех расходных средств, то в 1899 году уже 40 %.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что развёрнутая Юлианским братством деятельность по оказанию помощи бедным прихожанам достигала своей цели и способствовала снижению количества нищих и нуждающихся в неотложной материальной помощи. Конечно же, братство не имело возможности оперировать крупными денежными суммами, но оно по мере своих сил и возможностей старалось безотлагательно помочь наибольшему количеству страждущих.

нужды раненых 618 аршин холста. Кроме того, члены братства составили проект об учреждении фонда на устройство приюта для детей убитых воинов, но реализован он не был.

Нельзя сказать, что Братство имело возможность использовать значительные средства. Однако известно, что за 1904/1905 год на благотворительные цели (поддержку школы, помощь раненым и армии, пособия бедным и т. п.) братство потратило более 50 % всех имевшихся в наличии средств, или более 13 % всего капитала, включая ценные бумаги³³⁹.

Во второй половине XIX – начале XX века и в самой Калуге существовали православные приходские братства, которые в своей деятельности преследовали благотворительные цели. Первым по времени основания и одним из самых старейших не только в Калужской епархии, но и в России по праву считается братство при церкви Св. великомученика Георгия за верхом, основанное в 1864 году. Главной целью братство «имело вспомоществование приходских бедных в их вещественных и духовных нуждах». Для достижения поставленной цели братство обязывалось оказывать помощь нуждающимся денежными и другими материальными пособиями и деятельным участием в их положении³⁴⁰. Среди попечителей, внёсших большой вклад в развитие благотворительной деятельности братства, можно отметить священников И. Извекова и И. Остроглозова.

Калужане не оставались безучастными к нуждам братства, сознавая необходимость и оправданность его существования. Пожертвования в пользу братства производились как деньгами, так и вещами. В «Калужских епархиальных ведомостях» отмечалось, что жертвовались целые куски ситца и холста, а также шинели, пальто, сюртуки, брюки, мужское и женское бельё, платья, юбки, кофты, халаты, платки, сапоги и т. д., большей частью годные для употребления «с незначительными поправками или вовсе без оных»³⁴¹. Например, Д.И. Сахаров ежегодно предоставлял в пользу бедных 55 аршин ситца. Жертвовали в пользу братства и продуктами: мукой, чаем, сахаром, солью. Эти данные представлены в Приложении 22.

Как отмечалось в отчётах попечителей, братство старалось, чтобы прихожане всегда имели у себя свободный кусок хлеба и могли с радостью и удовольствием встретить великие церковные праздники³⁴². Для выполнения поставленных задач братством предпринимались следующие меры благотворительного характера: 1) ежемесячно выдавались предметы первой необходимости (мука, крупа, соль) на содержание прихожан и их семей; 2) к церковным праздникам (Рождество, Пасха), бедные получали денежное пособие; 3) особенно нуждавшиеся снабжались одеждой и обувью; 4) бедные дети Георгиевского прихода получали учебные книги, и оплачивалось их обучение; 5) младенцев из неимущих семей крестили бесплатно; 6) выдавалось пособие при замужестве девушек и при по-

гребении бедных (так, в 1897/1898 году на приданое двум невестам и на похороны было потрачено 32 рубля³⁴³); 7) выплачивалось пособие не могущим платить за квартиру; 8) больные бедные пользовались удешевлёнными лекарствами, а в некоторых случаях к больным приглашались врачи или бесплатно, или за счёт братства. При Георгиевском братстве состояли «безмездными» врачами Д.И. Васильев, А.Э. Лучшев и другие³⁴⁴. В 60–90-е годы XIX века выдавались с половинной скидкой лекарства из аптеки М.Г. Лунца и Садовой аптеки г-на Поляка, из аптеки А.К. Затфлелена лекарства отпускались бесплатно³⁴⁵.

Братство содержало за свой счёт школу для девочек, число учениц в ней постоянно увеличивалось. Так, в 1866 году в школе обучалось 30 девочек, а в 1905 году уже 96³⁴⁶. С привлечением средств братства было построено новое каменное здание для школы, стоившее 7000 рублей³⁴⁷. Преподаватели из членов Георгиевского братства работали в школе бесплатно. Братство выплачивало из своих средств жалованье учительнице рукоделия, обеспечивало также обучение девочек в Калужской женской гимназии (в 1880 году пять девочек получили 40 руб.)³⁴⁸.

Заботясь о просвещении своих прихожан, братство открыло библиотеку, в которой в начале XX века насчитывалось более тысячи наименований книг религиозно-нравственного и исторического содержания. Как правило, книги выдавались по воскресеньям и праздничным дням всем желающим прихожанам и членам их семей.

Заканчивая обзор деятельности Георгиевского братства, отметим, что за свою почти полувековую историю оно помогло многим своим прихожанам. Наверное, сейчас никто не назовет точного количества людей, которым была оказана помощь. Однако известно, что за 46 лет деятельности братство потратило на бедных 42,6 тыс. рублей³⁴⁹. Этот факт указывает на то, что благотворительная деятельность приходского Георгия за верхом братства была достаточно эффективной (см. Приложение 23). Ведь потраченные суммы шли на помощь людям, которые на самом деле в ней нуждались. Ибо, согласно § 24 и 25 Устава, денежные пособия назначались со строгой разборчивостью и осмотрительностью, чтобы они не служили поводом к праздности и тунеядству. А бедные, имеющие силу и способность трудиться и отказывавшиеся от труда и занятий, лишались права на получение пособия³⁵⁰.

Было известно своей благотворительной деятельностью в Калуге и Богоявленское братство, открытое в 1873 году. Главной целью братства была помощь «истинно нуждающимся хлебом и деньгами»³⁵¹. На протяжении своей деятельности Богоявленским братством для оказания помощи прихожанам применялись следующие меры благотворительного характера: 1) ежемесячная выдача муки, в среднем от 30 ф. до 1,5 пуд. на

семью (в разное время призревало от 8 до 13 семей); 2) денежное пособие каждый месяц на наём квартир от 50 коп. до 1–2 руб. (на 4–6 семей); 3) денежная помощь бедным к праздникам Пасхи и Рождества, как правило, не свыше 1,5 руб. на семью и т. д. Известно, что в конце XIX века братством призревало 6 семейств и 5 одиноких престарелых бобылок³⁵². Основные формы благотворительной деятельности братства отражены в Приложении 24.

Среди калужских приходских православных братств, достаточно успешно занимавшихся благотворительностью, можно отметить и братство, учреждённое в 1903 году при церкви Покрова на рву. Свои задачи братство видело в «оказании помощи истинно нуждающимся бедным людям как Покровского прихода, так и вне его»³⁵³. Благотворительная деятельность на практике заключалась в оказании помощи бедным в виде единовременных пособий перед праздниками Покрова Богородицы, Рождества, Пасхи, Иоанна Воина или ежемесячных, размер таких пособий, как правило, соответствовал семейному положению нуждавшихся и средствам братства. Например, в 1905 году на пособие бедным по случаю праздников выдано было 76,5 руб., а в 1910 году — 83 руб. 75 коп.³⁵⁴ Братство уделяло достаточно внимания просвещению прихожан. При нём была устроена библиотека³⁵⁵.

Благотворительная деятельность Успенского братства Калуги выражалась в помощи бедным прихожанам Успенской церкви, в содержании богадельни на шесть старушек³⁵⁶.

Итак, в исследуемый период в Калужской епархии функционировали православные братства, которые наряду с духовно-просветительной деятельностью активно занимались благотворительностью. Отметим, что, несмотря на различные трудности, в первую очередь финансовые, братства практиковали различные виды оказания социальной помощи. Члены братств занимались выдачей различных пособий (единовременных и регулярных) наиболее бедным прихожанам или очень нуждавшимся в средствах людям, братства оказывали поддержку школам, домам призрения (приютам, богадельням), организовывали либо совсем бесплатное, либо по сниженной цене лечение больных, подыскивали дешёвые квартиры бедным и бездомным, чем, очевидно, снижали социальную напряжённость. Положение о православных братствах предоставляло большую свободу выбора. Деятельность братств определялась только их уставами, благодаря чему они могли ставить перед собой одну или несколько задач, как религиозно-просветительные, так и благотворительные, выбирать приоритетное для конкретного района направление и изыскивать средства для осуществления поставленных задач. Естественно, если братства ставили перед собой только благотворительные задачи, то это резко усиливало эффективность их действий в данном направлении.

Глава 6

Социальное служение монастырей Калужской епархии

Во второй половине XIX века церковь получила возможность развивать давнюю традицию монастырского призрения. В своём указе от 6 апреля 1856 года обер-прокурор Синода П.А. Толстой потребовал от учредителей монастырей обеспечить соединение «с удобствами монашеской жизни цель благотворительную или воспитательную». По данным на 1 декабря 1907 года из 907 мужских и женских монастырей, действовавших в России, более 200 обителей вели постоянную работу по социальному призрению инвалидов, престарелых, неимущих, сирот, т. е. почти четвертая часть монастырей занималась благотворительностью, что с полным основанием следует записать в актив православной церкви³⁵⁷. В 1914 году при монастырях состояло 234 больницы на 2698 мест и 169 богаделен на 2252 места. Лишь 6,9 % этих заведений находилось на частном иждивении (8,4 % мест). Остальные содержались за счёт самих монастырей или казны³⁵⁸ (см. Приложение 25).

Известно, что во второй половине XIX – начале XX века в пределах Калужской епархии насчитывалось 15 монастырей, скитов, монашеских общин³⁵⁹.

Благотворительная деятельность монастырей была разнообразна, причём каждый монастырь выбирал своё направление благотворительности. Однако, практически все монастыри имели в основе благотворительности «тарелочные» и «кружечные» сборы в ту или иную пользу. Некоторые сборы носили постоянный характер, другие проводились только по определённым дням, иногда один раз в год. Так, 9 мая каждого года осуществлялся кружечный сбор в пользу Общества спасения на водах, с 10 по 17 мая — сбор в пользу Попечительства о слепых, 24 мая — сбор в поддержку церковно-приходских школ. В монастырях собирали пожертвования на нужды Российского общества Красного Креста, Белого Креста, Общества защиты женщин, Общества по борьбе с проказой, Славянского благотворительного общества, Общества призрения детей лиц, погибших при исполнении служебных обязанностей, Императорского Человеколюбивого Общества, Попечительства о глухонемых, Комитета по снабжению нижних чинов бельём и одеждой, Общества помощи пострадавшим на войне с Японией и их семьям и других.

Как правило, сборы назначались в предпраздничные и праздничные дни, когда в несколько раз увеличивалось число молившихся и, соответственно, значительно возрастали пожертвования. Все монастыри регулярно проводили сборы в пользу Православного миссионерского общества (ПМО) или отчисляли средства на улучшение быта православных паломников в Палестине. Суммы кружечных и тарелочных сборов, правда, были незначительны. Например, в 1881 году Малоярославецкий Черноостровский монастырь перечислил в пользу ПМО пять рублей серебром³⁶⁰. Систематически проводились кружечные сборы на Попечительства императриц Марии Александровны о слепых, Марии Фёдоровны о глухонемых и т. д. Суммы сборов, в силу их многочисленности тоже были небольшими. Калужские монастыри за 1886/1887 год смогли собрать следующие суммы в пользу Мариинских попечительств: от игуменьи Казанского женского монастыря в Калуге — 15 руб., по 13 руб. — от настоятелей Оптиной и Тихоновой пустыней, от настоятеля Пафнутьевского монастыря — четыре рубля и т. д., всего — около 60 рублей³⁶¹. Однако, по свидетельству журнала «Детская помощь», «для всех благотворительных обществ самым желательным источником средств бывает церковный сбор, если он разрешается во всех церквах России: если каждая церковная кружка даёт и меньше одного рубля в год, и тогда является несколько десятков тысяч ежегодного дохода; Мариинскому попечительству о слепых церковный сбор даёт от 80 до 100 тыс. руб. в год»³⁶².

Одним из направлений в благотворительной деятельности монастырей было оказание помощи лицам духовного звания. Калужские монастыри отсылали средства в пользу епархиального попечительства, в пользу православных братств, на помощь бедным семинаристам и т. д. Так, Оптина пустынь в 1870-е годы перечисляла в пользу Попечительства о бедных духовного звания от 20 до 50 руб. в месяц. По 10–15 руб. в 60–80-х годах XIX века на нужды бедным клирикам и их семьям отчислял Малоярославецкий монастырь³⁶³.

Помощь духовным учебным заведениям была важной социальной функцией монастырей Калужской епархии. Например, Козельская Оптина пустынь ежегодно отчисляла по 50 руб. на нужды духовной семинарии.

Ещё одно направление благотворительной деятельности православных монастырей — социальная помощь бедным учащимся из среды духовенства. Во второй половине XIX века монастыри Калужской епархии ежегодно отчисляли в пособие бедным воспитанникам Духовной семинарии 315 рублей. Известно, что Боровский монастырь ежегодно вносил на бедных семинаристов 150 руб., Оптина пустынь — 50 руб., Тихоновая пустынь — 40 руб., Лихвинский Добрый монастырь — 15 рублей. Малоярославецкий и Мещовский монастыри обычно отчисляли на нужды «недостаточных»

воспитанников по 25 руб. каждый³⁶⁴. Кроме того, за счёт Малоярославецкого монастыря в 1888 году были закуплены учебники для церковных школ епархии на сумму 400 рублей³⁶⁵.

Пусть не крупные, но отчислялись суммы в пользу православных церковных братств, занимавшихся благотворительностью. Так в 1879 году Оптина пустынь пожертвовала 56 руб. на братство апостола Иоанна Богослова, а на Пафнутьевское братство в 1880–90-е годы 20–50 руб. жертвовал Малоярославецкий монастырь³⁶⁶. Именно эти два монастыря, да ещё Боровский Пафнутьевский монастырь во второй половине XIX века вели активную благотворительную деятельность, в которую только к началу XX века подключатся другие монастыри епархии.

Поддержка военнослужащих также являлась важной составляющей социального служения монастырей Калужской епархии, обычно в виде отчислений на их нужды части кружечного сбора. Например, Малоярославецкий Николаевский монастырь в начале 80-х годов XIX века регулярно переводил 8–10 руб. в пользу Общества попечения о раненых и больных воинах³⁶⁷.

Как уже отмечалось, по указу обер-прокурора Синода при монастырях должны были создаваться больницы или богадельни. Известно, что в 90-х годах XIX века при калужских монастырях практически не было ни богаделен, ни приютов. Однако в Оптиной пустыни были: гостиница для богомольцев и больница для братчиков, которая содержалась за счёт монастырских доходов³⁶⁸. Недалеко от Оптиной пустыни, в основанной старцем Амвросием в 1884 году Казанской Шамординской женской пустыни существовали: приют для девочек-сирот, приют для калек и убогих, женская богадельня, больница³⁶⁹. В 1827 году при Крестовской церкви в Калуге, сооружённой по обету полковника П. С. Чебышева, епископом Николаем (Соколовым) была учреждена богадельня для престарелых священнослужителей, а в 1890 году богадельня с церковью обращена в монастырь³⁷⁰. Приют для девочек, богадельня и больница для инокинь, церковно-приходская школа находились в ведении, основанного в 1892 году по благословению преподобного Амвросия и Иоанна Кронштадтского А. З. Знаменской Свято-Троицкого общежительного женского монастыря. Глухонемые дети призревались в приюте при Медынской Скорбященской общине, основанной в 1902 году крестьянкой Кудряшовой³⁷¹. В возникшем лишь в 1907 году под покровительством Калужского отдела Императорского Палестинского общества Сергиевском ските был устроен инвалидный дом, рассчитанный на 10 человек, в который принимались воины, пострадавшие в годы русско-японской войны, одинокие, не имевшие средств к жизни и нуждавшиеся в призрении. Первым призреваемым оказался отставной рядовой П. Волков, вовсе лишившийся зрения в ходе боевых действий.

Во многом благодаря подвижничеству настоятеля скита иеромонаха Герасима в обители был построен деревянный двухэтажный дом, способный принять несколько десятков инвалидов, при нём также была открыта больница для амбулаторных больных. Пациентами были, как правило, бездомные и больные совершенно неспособные к труду, делившиеся на две группы. К первой относились те, кто не мог передвигаться совсем, а ко второй – с трудом передвигавшиеся и способные выполнять несложные работы. Публицист В.П. Быков, побывавший в ските, вспоминал о поразивших его трудах, своеобразном социальном подвиге настоятеля: «Не знаю, что трогательнее в этом великом служении отца Герасима в лице своего ближнего Господу Богу. Эти ли беспомощные, неподвижные, полуживые, полумёртвые существа, не сходящие с коек, утратившие способность видеть, слышать, а, быть может, и понимать окружающую их жизнь. Или те, поражённые каким-либо нервным недугом или слепотою и несущие тот или другой труд во время Богослужения или при выполнении каких-нибудь других обязанностей при монастыре. Как те, так и другие, помимо скорбного чувства сострадания, вызывают в человеческой душе чувство какого-то безмолвного преклонения перед ними, как перед носителями постигнутого ими, по воле Творца, того или другого несчастья»³⁷². А вот задуманный палестинским обществом большой каменный инвалидный дом на 70–80 человек, так и не был достроен из-за нехватки средств³⁷³.

Однако практически при всех монастырях епархии были странноприимные дома, дававшие приют странникам, принимавшие на ночлег неимущих. Так, в 1874 году Малоярославецкий монастырь принял 1397 странников, а за 1881 год в отчёте монастыря сохранилась запись: «принято было странников разного звания: мужского пола 812 человек, женского — 640 человек. Итого 1452 души. Но так как некоторые пребывали по несколько дней, а потому число порций на них вышло 1997, процентных денег на принятие и продовольствование их пищей получено 400 руб., да от 1880 года остаток 1 руб. 85 коп.; из оной суммы на 1997 порций (на каждого 20 коп. серебром израсходовали 399 руб. 40 коп.). В числе означенных странников призрено больных обоёго пола 13 человек, которые были пользованы домашними средствами». Занимался монастырь и призрением людей по старости и болезням. В 1907 году в монастыре призревало семь больных и престарелых³⁷⁴.

В Сергиевском ските, по воспоминаниям современников, странноприимный дом был даже лучше чем при соседней, старейшей Тихоновой пустыни. Стоимость вполне приличного номера была всего 15 коп. в сутки, а общие номера сдавались бесплатно³⁷⁵.

Монастыри использовали такую форму благотворительной деятельности, как денежная или продуктовая помощь нищим, бедным, престаре-

лым, убогим. Показательна в этом отношении деятельность Малоярославецкого монастыря. Пособия монастырём выдавались обычно к Пасхе или Рождеству, но могли быть выданы и по случаю других религиозных праздников. Так, в 1888 году к Пасхе просящим было выдано 15 рублей. Такая же сумма выдавалась и к празднику Успения святой Богородицы. По желанию пособие можно было получить и натурой, например, в 1881 году к Рождеству монастырь выдал бедным по 25 фунта ржаной муки. Помощь получило 53 человека³⁷⁶.

Приведённые данные говорят о том, что монастыри помимо своей прямой функции – служения Богу – много благотворили, давая приют – странникам, больным – лечение, просящим, обездоленным – пособия деньгами или натурой, спасая их от неминуемой голодной смерти, тратя на эти цели, исходя из имеющихся средств, достаточно большие суммы.

Характер благотворительной деятельности монастырей мог варьироваться. Так, перед Первой мировой войной благотворительность калужских монастырей выражалась преимущественно в кормлении пришедших в монастырь паломников, оказании медицинской помощи или поддержке церковных школ.

На территории обителей или рядом с ними часто располагались церковно-приходские школы и больницы. Количество учащихся было не очень большим. В отдельных школах обучалось 190 мальчиков и 49 девочек, в совместных – 17 детей, в общей сложности – 356 человек. Школы располагались в Пафнутьев-Боровском монастыре (105 мальчиков), Малоярославецком (85 мальчиков), Казанской Амвросиевой пустыни (33 девочки), Свято-Троицкой общине (16 девочек). Школы с совместным обучением находились в Добро-Покровском монастыре (30 чел.), женских общинах «Отрада и утешение» (57 чел.) и «Скорбященской» (30 чел.)³⁷⁷. Эти данные свидетельствуют о том, что монастыри епархии не оставляли без своего внимания, опеки школы, выделяя средства на их содержание, и своими действиями способствовали развитию как просвещения, так и церковной благотворительности.

Практиковалось монастырями и оказание медицинской помощи. Например, в течение 1913 года монастыри Калужской епархии оказали медицинскую помощь 14 428 нуждающимся, из них только 306 человек было монашествующими. В основном, медицинскую помощь оказывали в двух монастырях – Оптиной пустыни (3900 чел.) и женской Казанской Амвросиевой пустыни (10 194 чел.). При женских богадельнях в это время находилось 105 человек, а в приютах проживало 113 человек³⁷⁸.

Глава 7

Организация начальных школ — важное направление социального служения православной церкви

Говоря о благотворительной (попечительской) деятельности русской православной церкви необходимо выделить ещё одно своеобразное направление деятельности церкви в Калужской епархии — развитие сети церковно-приходских школ, составлявших основное звено в структуре российского образования на протяжении веков.

Значимым для развития народного просвещения событием была передача земствам такого элемента социальной сферы, как образование. Калужскими земскими деятелями отмечалось, что «никакой успех, никакое развитие общественного благосостояния немислимо без народного образования, в особенности, если народ получил на свою долю часть самоуправления собственными своими делами»³⁷⁹.

Однако признавая значение деятельности земств в развитии образования, нельзя забывать о той широкой помощи, которую оказало православное духовенство в организации просвещения народа, во многом по собственной инициативе и на собственные же средства.

14 июля 1864 года Государственным советом было утверждено «Положение о народных училищах», согласно которому значительная роль в организации начального школьного обучения отводилась церкви. Вскоре после своего организационного оформления с 1864 год многие Советы при православных приходских церквях стали открывать школы (см. Приложение) 26.

Отметим, что церковно-приходские школы (ЦПШ) появились и стали распространяться в Калужской губернии ещё в первой половине XIX века. Наставниками в этих училищах, за немногим исключением, состояли священники, диаконы, причетники или выбывшие из семинарии и духовных училищ ученики. Сами школы, как правило, помещались в церквях, сторожках и домах священников³⁸⁰. Имелись они и при монастырях. Так, в школе при архиерейском доме (Лаврентиев монастырь) обучались 11 мальчиков, а в школе при женской Боголюбивой общине обучение проходили 12 девочек, находившихся на обеспечении общины. В приходском училище при Пафнутаевском монастыре обучалось 30 мальчиков, из коих 10 состояли на полном монастырском содержании, а 10 — на половинном³⁸¹.

Всего в 1860 году в губернии работали 24 приходские школы³⁸², а к январю 1864 года училищ при церквях Калужской епархии на 924 888 чел.

(441 301 муж. и 483 587 жен.) православного населения состояло 317, в них обучалось 4529 человек. Значительное большинство учащихся, что вполне естественно, составляли крестьянские дети — 3477 мальчиков и 175 девочек³⁸³ (см. Приложение 27).

Согласно епархиальным отчётам, до конца 60-х годов большинство приходских училищ помещались в домах клириков (272) и церковных сторожках (19), а остальные — в собственных домах, при волостных управлениях, домах помещиков³⁸⁴.

С конца 60-х годов, в связи с активной деятельностью земств в области народного образования, число приходских училищ сократилось почти вдвое. В конце 1867 года в епархии было 167 училищ с чуть более чем 3,6 тыс. учащимися. По-прежнему среди обучающихся преобладали крестьянские дети. Из этих школ на протяжении ряда лет самыми многочисленными были школы в Жиздринском уезде: в с. Песоченском заводе, в которой обучалось от 80 до 150 мальчиков ежегодно, в с. Людиново учились в среднем 155 чел. обоего пола и в Сукремльском заводе учились 60 мальчиков и 12 девочек³⁸⁵.

Между тем, в 1866 году число школьников в губернии относилось к общему числу жителей как 1:100, причём по духовному ведомству это соотношение было 1:9, а у временнообязанных крестьян 1:240³⁸⁶. В начале 70-х годов происходит не очень значительный рост числа приходских училищ, которых числилось в 1871 году 204 с 7927 учившихся в них (6841 мальчиков и 1086 девочек)³⁸⁷.

Отметим, что калужские крестьяне желали учиться. Опрос, проведённый земствами, показал, что «стремление народа к образованию, объясняемое близостью населения к столице, в которой по большей части проживают крестьяне для заработков тем лучше, чем более грамотны — очень заметно»³⁸⁸. А поскольку недостаток начальных школ в епархии был весьма ощутимым, число учеников, посещавших церковные школы, было велико, но поощряемые на словах, но не поддерживаемые материально правительством на деле, они часто влачили жалкое существование. «В неприглядных тесных комнатках, без каких-либо школьных удобств, буквально толкуются сотни мальчиков и девочек: зимой от тёплых одежд теснота ещё более увеличивается; вентиляции никакой..., отопление скудное...», — такой увидел церковную школу представитель Калужского уездного училищного совета Н.А. Гильтебрант³⁸⁹.

Известно, что к началу 80-х годов XIX века в Калужской губернии работало свыше 180 церковно-приходских школ, в которых обучалось 8658 чел., это больше чем в Орловской епархии, где было 147 школ и 4900 учеников³⁹⁰. Однако, в связи с развитием сети земских школ к 1883 году в Калужской епархии осталось только 19 ЦПШ³⁹¹.

Положением Комитета Министров от 12 июля 1879 года было признано, что «духовно-нравственное развитие народа не может быть достигнуто без предоставления духовенству преобладающего участия в заведывании начальными школами». К.П. Победоносцев небезосновательно утверждал, что в течение 20 лет (1864–1884), пока дело народного образования находилось исключительно в ведении Министерства народного просвещения (МНП), оно развивалось весьма медленно. По данным Центрального статистического комитета (ЦСК) МВД в 1880 году детей учебного возраста (от 7 до 14 лет) числилось 12 837 850, однако лишь 1/10 часть потенциальных школьников посещала тогда начальную школу, т. е. из 100 мальчиков в школу ходили 13, из 100 девочек — 3³⁹². Если к этому добавить почти полное отсутствие в сёлах и деревнях школьных библиотек и читален и являвшийся вследствие этого рецидив безграмотности среди крестьян, то, по мнению Победоносцева, получалась картина полного народного невежества, пагубно отзывавшаяся на всех сторонах общественной жизни.

Пытаясь выправить неблагоприятную ситуацию, сложившуюся в начальном образовании, правительство 13 июня 1884 года утвердило «Правила о церковно-приходских школах». Правила разрешали в случае необходимости открывать при ЦПШ рукодельные классы, воскресные школы и т. п. По мнению одного из калужских клириков, «...начальное обучение, азбука, так сказать, просвещения, должно состоять не в чтении и письме только, а в известной сумме приобретаемых чрез научение представлений и понятий, из которых впоследствии составляется склад духовной жизни человека, характер его деятельности»³⁹³.

Церковные школы не получили сразу мощную финансовую поддержку со стороны государства. Из казначейства на нужды школ всей империи в 1886-1893 годах выделялось по 175,5 тыс. рублей. Поэтому деятельность духовенства главным образом выражалась в изыскании средств для нужд церковных школ. В 1892/93 учебном году общая смета содержания церковных школ достигла 3 507 406 руб. Больше всего сумм поступило от волостных и сельских обществ, десятую часть средств пожертвовали церкви и монастыри (337 тыс. руб.). Однако средства эти, несмотря на кажущуюся их значительность, сравнительно с потребностями грамотности, проявлявшимися среди населения, были явно недостаточны. Тем не менее, после выхода в свет «Правил...» православная церковь за 10 лет построила 9,2 тыс. школьных домов, которые с инвентарём и земельными участками, оценивались в 7 млн рублей. Увеличилась в шесть раз сеть церковных школ. К 1892/93 учебному году открылись почти 30 тыс. школ, из них 200 двухклассных и около 12 тыс. одноклассных, остальные — школы грамоты. В школах обучалось свыше 900 тысяч детей.

Кроме того, духовное ведомство, не обладая значительными средствами на приобретение дорогостоящих учебников, начало издавать за свой счёт

необходимые учебные пособия и руководства. В начале 90-х годов Училищным советом при Синоде было издано и разослано в школы по низкой цене, а частью и безвозмездно, свыше 7 млн экземпляров книг и учебных пособий³⁹⁴.

Дальнейшим и более широким развитием Правил о церковных школах служили утверждённые 4 Мая 1891 года «Правила о школах грамоты». В отчёте обер-прокурора за 1884/85 год было обращено внимание на важное значение школ грамоты для повсеместного и всенародного распространения грамотности³⁹⁵. Теперь школы грамоты получили правительственное признание. Они вошли в общую систему народного образования как «надёжная первая ступень» для повсеместного распространения грамотности в народе.

Благодаря энергичной деятельности православного духовенства в 1905 году в России насчитывалось уже 42 885 школ с более чем двумя млн учащихся.

Образовательная политика православной церкви в Калужской губернии приобретает системность после открытия 14 ноября 1884 года Епархиального училищного совета (ЕУС) под председательством ректора духовной семинарии, протоиерея о. Д.Г. Лужецкого. Первоначально Совет принял в своё заведование 128 школ, число учащихся в которых не превышало тысячу человек. Церковные школы практически не имели материальных средств к существованию. Совет предложил открыть следующие источники содержания приходских школ: 1) сбор пожертвований во всех приходах при требах (крещение, бракосочетание и т. п.); 2) сбор в кружки, обносимые в храмовые и двенадцатые праздники, а в другое время на усмотрение настоятелей церквей; 3) приглашение монастырей епархии к пожертвованиям на школы.

Епископ Владимир с полным сочувствием отнёсся к нуждам ЕУС, расположив монастыри к содействию школам и пожертвовав из своих средств 325 рублей. Он же передал совету 300 руб., оставшихся от сооружения хоругви в память 900-летия крещения Руси. Всего в совет было доставлено более 3,3 тыс. руб., собранных Владимиром пожертвований. В том числе от монастырей епархии — 2795 рублей³⁹⁶. Покровительствовал делу народного просвещения и архиепископ Анастасий, пожертвовавший в 1888 году 300 руб. на жалование нескольким беднейшим учителям³⁹⁷. Кроме того, по распоряжению Анастасия все существовавшие тогда монастыри Калужской епархии привлекались к ежегодному взносу на церковные школы в общей сложности в размере 1,5 тыс. рублей.

Съезд депутатов Калужской епархии в 1902 году назначил сбор на школы с церквей в сёлах по 2 коп. с души, а с городских церквей всего по 10 рублей³⁹⁸.

Естественно, церковные школы епархии получали и помощь от Синода, который в 1886 году выделил в единовременное пособие школам 2,5 тыс. руб., а в 1887 году — наличными 1,5 тыс. руб. и на 500 руб. учебных руководств и пособий для школ. Дополнительные денежные субсидии эти школы получали и позже. В 1889 году церковные школы Калужской епархии получили от Синода не менее 3000 рублей. Кроме того, ежегодно 450 руб. ассигновались из сумм Синода на содержание ЦПШ при Крестовском монастыре в Калуге³⁹⁹.

Всё же главными источниками средств для содержания церковных школ оставались обязательный трёхрублевый взнос с церковью и сборы с прихожан, производившиеся местным духовенством. В конце 80-х годов местные епархиальные расходы на 242 школы составляли свыше 6000 рублей⁴⁰⁰.

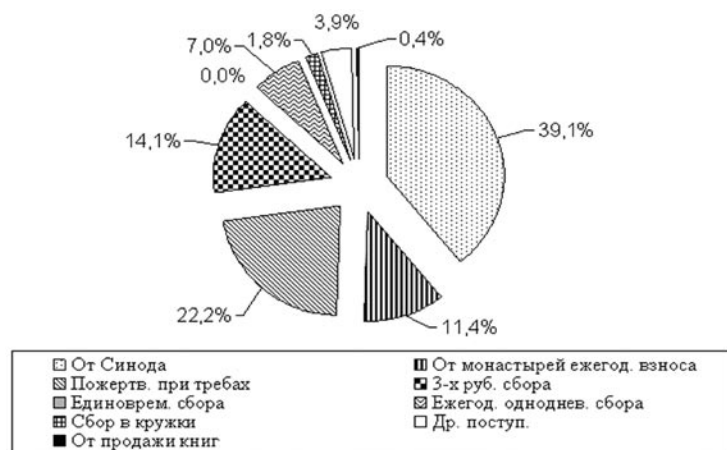


Рис. 1. Структура прихода средств Калужского епархиального училищного совета в 1889/1890 году.

На рисунке 1 видно, что в конце 80-х годов XIX века церковные школы епархии, испытывая острый недостаток средств, вынуждены были обращаться за помощью к центральному духовному ведомству и получали такую помощь. Однако более половины всех средств (55 %) школы духовного ведомства получали из внутренних источников (монастырских взносов, пожертвований при требах, единовременных, ежегодных однодневных, кружечных сборов по епархии и т. п.).

Существенную поддержку духовенству в его образовательной деятельности оказывали православные братства. Не упуская из внимания

выполнение благотворительных задач, они направляли свои силы и на распространение грамотности. С этой целью братствами открывались новые и поддерживались существующие ЦПШ, учреждались библиотеки и склады книг, брошюр и т. п. для раздачи неимущим.

Финансирование ЦПШ могли брать на себя приходские попечительства, обладавшие необходимыми средствами. Например, в 1893/94 году в с. Вешки Медынском уезде на средства попечительства была выстроена школа стоимостью в 1278 руб., а в Тарусском уезде местное попечительство с помощью прихожан и членов Тарусского братства отстроило новое школьное здание стоимостью в 1800 рублей⁴⁰¹.

Но одно духовное ведомство не могло упредить существование церковных школ, имевших в числе своих друзей и покровителей представителей из всех сословий, помогавших духовенству открывать и благоустраивать школы и способствующих их успехам. К примеру, в 1885 году товарищ прокурора Калужского окружного суда А.Н. Обнинский долгое время содержал на полном своём иждивении школу в с. Белкино Боровского уезда, снабжая её учебными и методическими пособиями, письменными принадлежностями и книгами для внеклассного чтения. Он же платил ежегодное жалованье учителю, помощнику и законоучителю. Белкинская школа была в своё время одной из лучших в епархии⁴⁰². Сельские общества тоже вносили весомый вклад в дело помощи школам. Так, в рапорте наблюдателя школ священника Н. Беляева отмечалось, что крестьяне д. Красный Холм выстроили на собственные средства очень хороший дом, стоящий до 500 руб., уступив его под школу для 70 учеников, за что получили благодарность училищного совета⁴⁰³.

Из калужских уездных земств наибольшее сочувствие развитию ЦПШ выражали Мосальское и Жиздринское. Первое отпускало на содержание школ в уезде 1200 руб. ежегодно, второе — 1800 руб., остальные земства отчисляли намного меньше. Совершенно безучастными к нуждам церковных школ оставались Медынское и Боровское земства. Из городских управлений только Калужское оказывало пособие школам (в 90-е годы — 500 руб.) и Жиздринское, отпускавшее на ЦПШ 225 руб. ежегодно⁴⁰⁴.

На заседании Епархиального училищного совета 30 января 1885 года были подведены краткие итоги деятельности ЦПШ в Калужской епархии за первый год их существования. Итоги эти, сверх всякого ожидания, по мнению представителей духовенства, оказались весьма удовлетворительными. Число всех церковных школ в епархии на 30 января составляло 181, из которых 47 — школы грамоты. Тогда 54 помещались в собственных зданиях, 65 — в домах клириков, 28 в церковных сторожках. Во всех школах обучалось 4328 мальчиков и 691 девочка, из них детей духовного звания было 83, а крестьянских — 4633⁴⁰⁵.

Но всё равно школ явно не хватало. В конце 80-х годов один учащийся церковных школ в губернии приходился в среднем на 29 человек, а одна школа на 1537 жителей обоего пола.

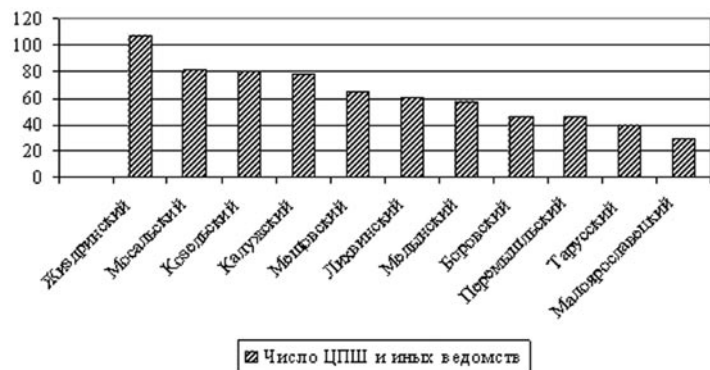


Рис. 2. Распространение начального народного образования в уездах Калужской губернии в 1888/89 году.

В 80–90-е годы количество приходов в Калужской епархии в среднем равнялось 586. На рисунке 2 видно, что в это время наибольшее количество всех школ приходилось на Жиздринский и Мосальский уезды (вместе с земскими школами и школами МНП 108 и 81), а наименьше на Малоярославский, Тарусский и Боровский уезды. Приходы могли иметь по несколько церковных школ, чаще это относилось к школам грамоты. Например, 4 школы существовали в Алферьевском приходе Мосальского у., а в приходе Георгиевском на Поляне Калужского у. было 3 школы⁴⁰⁶. Если в 1888/89 году в епархии вовсе не имели никаких школ 48 приходов (больше всего в Мещовском у. — 13), то в 1894/95 году таких приходов осталось 15⁴⁰⁷. Тем не менее, к началу 1890-х годов в губернии было лишь 16,6 % грамотных, что чуть больше чем в среднем по России⁴⁰⁸.

Двухклассных школ в губернии изначально было две в Жиздринском уезде — Плохинская и Песоченско-Заводская, бесплатно помещавшаяся в доме попечителя священника И. Песоченского. В 1891/92 году обучалось в Плохинской школе 156 мальчиков и 50 девочек, в Песоченской — 130 и 102 соответственно⁴⁰⁹. Лихвинское Отделение сетовало на отсутствие приютов (оборудованных помещений для ночлега), из-за этого ученики дальних деревень в распутицу и зимнюю стужу часто и долго не посещали школ.⁴¹⁰

В течение 10 лет, прошедших со времени выхода в свет в 1884 году «Правил...», церковные школы Калужской губернии прошли трудный, тернистый путь в своём развитии. В представленном председателем ЕУС обозрении раз-

вития церковных школ за 10-летний период сообщалось, что духовенство заявило в этом деле достаточно знания, опытности и пастырской ревности⁴¹¹.

Количество школ возрастало, росло и число учащихся в них.



Рис. 3. Рост количества учащихся церковных школ в Калужской губернии.

На рисунке 3 видно, что в пределах Калужской губернии число учащихся церковных школ, начиная с 1886 года неуклонно увеличивалось, приблизительно на 1–3 тыс. человек в год, что говорит о востребованности данных школ среди жителей края. Заметим, что цифровые показатели могут быть со временем уточнены, так как подсчёт учащихся местными священниками вёлся не всегда регулярно, хотя к этому принуждали епархиальные власти, а значит, не всегда был верным.

Развитие церковного образования в Калужской губернии представлено в Приложении 28.



Рис. 4. Динамика развития ЦПШ и школ грамоты в Калужской губернии.

На рисунке 4 видно, что церковно-приходские приходские школы развивались в калужском крае поступательно, и их количество во второй четверти XIX века всё время росло. Известно, что колебание в росте числа ЦППШ было только в 1887/88 учебном году, когда количество их понизилось с 182 в 1886/87 году до 132. Колебания эти вызваны были тем, что училищным советом было постановлено: ЦППШ признавать только: а) те, где есть собственное или наёмное, но удобное для школы здание, б) где есть правоспособные учителя и в) где действуют нормальные программы обучения; школы, неудовлетворяющие этим требованиям, считать школами грамоты; вследствие этого многие из ЦППШ были перечислены в школы грамоты.

В отношении изменения численности школ грамоты можно наблюдать совсем иную картину. С 1887 по 1890 год заметна тенденция к их уменьшению, а потом в течение двух лет резкий скачок в увеличении численности, вызванный, в основном, переводом многих ЦППШ в школы грамоты.

К 1895 году в епархии насчитывалось 3 двухклассных и 218 одноклассных ЦППШ с 10 673 учащихся и 215 школ грамоты с 5060 учащихся. Большинство школ были смешанными (в 1895/96 году — 408)⁴¹². Процентное отношение числа учащихся в церковных школах к числу детей школьного возраста к концу 1893/94 учебного года, возросло до 10,2⁴¹³. С постепенным увеличением числа церковных школ и учащихся в них, улучшением их внешней и внутренней обстановки, увеличивалось и количество выпускников. С 1885 по 1895 год из выпускников церковных школ 6562 мальчика получили льготные свидетельства и 388 чел. окончили школу без права на льготу, свидетельства об окончании курса получили 715 девочек. Однако в последнем десятилетии XIX века ещё много детей школьного возраста оставалось вне школы. Так, в 1892/93 году не посещало школы 68 тыс. девочек из 77,7 тыс., что составляло 87 % потенциальных школьниц, в предыдущие годы процент учениц был ещё ниже, оставалось за бортом школы и 50 % мальчиков.

Тем не менее, поступления в бюджет церковных школ росли с каждым годом: с 7623 руб. в 1884/85 году они выросли в 1893/94 году до солидной цифры 47 357 рублей. За 10 лет на содержание церковных школ Советом и его отделениями с помощью Синода и разных общественных учреждений было изыскано 245 тыс. руб., а с включением стоимости собственных школьных зданий (средняя цифра стоимости здания с инвентарём равнялась 700 рублей), находившихся в ведении Совета сумма эта доходит до 375,2 тыс. руб. Цифры, таким образом, читаем в епархиальных отчётах, «служили показателями достоинства начальной церковной школы...»⁴¹⁴

В 1906/07 году насчитывалось 402 ЦППШ, из них 392 одноклассных и 10 двухклассных. Почти все школы помещались в отдельных зданиях,

лишь несколько десятков школ ютились в наёмных помещениях. При всех школах имелись квартиры для учителей, это были крохотные каморки непременно с каким-нибудь большим недостатком.

Учителями в школах были священники, диаконы, псаломщики, а также окончившие курс в духовной академии, духовной и учительской семинариях, в женских — епархиальном училище, гимназии, прогимназии, институте и т. п. Причём представители духовенства учительствовали не только в церковных школах. В 70-е годы XIX века в семи из одиннадцати уездов Калужской губернии большинство сельских учителей были выходцами из духовенства и имели духовное образование. Так, в Козельском у. из 39 учителей 35 были духовного сословия и 17 получили образование в духовной семинарии⁴¹⁵. По сведениям, собранным в 90-е годы земской статистикой, наибольшее число учителей с законченным образованием, правда, не высшим, давали епархиальные училища и женские прогимназии, а также специальные учительские и духовные семинарии. Учителей с образованием не ниже среднего или педагогического насчитывалось 41,7 %, с образованием прогимназии 14,3 %, с образованием ниже среднего или специально-педагогического — 44 %⁴¹⁶.

Священники, свободные от частых требоисправлений, бесплатно помогали другим учащим в преподавании предметов необязательных для них, например, обучали детей церковному пению или славянскому языку. Во многих случаях деятельность священников была достойна похвалы и одобрения, в том числе и как заведующих школами.

Значительную роль в развитии и воспитании детей играли учителя, в основном низшие члены причта — диаконы и псаломщики, а также посторонние учителя и учительницы. Определённое жалование за обучение получали немногие учителя либо от земства, от попечителей, из церковных средств и от приходских обществ, либо месячную, не везде одинаковую плату с родителей обучавшихся. Многие, преимущественно члены причта, занимались обучением бесплатно.

Большинство учащихся по отзыву отделений умело и усердно занимались своим делом. «Особенно, — значит в отчётах, — владеют педагогическим тактом и любовью к делу девицы из КЕЖУ и воспитанники семинарии...» Вследствие скудости и ежегодно повторяющейся задержки в выдаче жалования учебный персонал церковных школ менялся постоянно, учителя из окончивших курс семинарии обыкновенно служили год или два, предпочитая места псаломщиков. Более продолжительна была служба лиц с низким образованием. Если считать службу учителей в земских школах, выслуга некоторых из них была весьма значительной: так, учитель Мышерско-Заводской школы Тарусского у. А. Дружинин преподавал 40 лет⁴¹⁷.

Весь учебный персонал ЦПШ и школ грамоты состоял в 1887/88 году из 468 лиц. В том числе 198 законоучителей, окончивших курс в семинарии, 163 учителя и 69 учительниц⁴¹⁸.

В 1893/94 году всех учащихся в двухклассных и одноклассных ЦПШ Калужской епархии было 230; в том числе 138 учителей и 92 учительницы, не считая 15 помощников. В числе первых было 9 священников, 63 диакона, 12 псаломщиков (диаконы и псаломщики, окончившие курс в ДС или правоспособные к учительству). Из 54 светских учителей окончили курс ДС — 24, имели звание учителя начальной народной школы — 30; из учительниц — 64 окончили курс КЕЖУ, 4 — курс в институтах, 5 — в гимназии, 9 — в прогимназии, 10 имели свидетельство на учительское звание. Таким образом, лиц, преподававших в церковных школах, со средним образованием было 133 и имеющих учительское звание — 97. Тогда же в школах грамоты преподавали 208 учителей, в том числе 15 священников, 43 диакона, 22 псаломщика⁴¹⁹. (см. Приложение 29).

В 1905/06 году в одноклассных школах учителями состояли преимущественно женщины (2/3). Из 28 лиц, учивших в двухклассных школах, пятеро тоже были женщины. По образованию среди учительниц 1/3 окончили курс епархиального училища. Состав учителей более разнообразен и по образовательному цензу ниже женского персонала. Большинство учителей состояло из лиц, вышедших из разных учебных заведений и приобретших права учителя по экзамену⁴²⁰. Состав учительства церковных школ, по оценке епархиального начальства, вполне соответствовал своей высокой цели.

Учебный год начался в церковных школах неодновременно. В городских школах учёба начиналась с сентября, а в сельских — с первой и даже второй половины октября, так как городские дети после летних каникул могли без всякой задержки посещать школы, между тем дети, живущие в сёлах и деревнях, отвлекались от школьных занятий домашними и хозяйственными полевыми работами. По той же причине учёба заканчивалась также неодновременно: в школах сельских и деревенских к 15–30 апреля, а в городских — к 1–15 мая.

Ежедневные классные занятия в школах начинались в 8:30 часов утра и заканчивались, с перерывами для отдыха, в 15 час; в некоторых школах после 12 часов полагался часовой обеденный перерыв, а между уроками были перемены в 15 минут для отдыха; в хорошую погоду ученики выводились на прогулку, а аудитории проветривались⁴²¹.

По отчётам отделений Училищного совета учебная постановка и успехи обучения в ЦПШ были в принципе удовлетворительны. Например, из школ грамоты в течение ряда лет лучшими в учебно-воспитательном отношении признавались Благовещенская и Алексеевская, учреждённые при

церквях Калуги. Учителя этих и других церковных школ следовали программам, утверждённым Синодом. С неменьшим усердием преподаватели приучали детей к школьным порядкам, к чистоте, опрятности в одежде, а также к бережливому отношению к своей и чужой собственности. Такое зоркое со стороны учащихся наблюдение за учениками действовало на них благотворно: ученики вели себя в школах очень хорошо. В крайнем только случае ленивые ученики и неоднократно замеченные в недопустимых поступках, производивших соблазн и вредное влияние на их товарищей, были удаляемы из школы навсегда⁴²².

Важно заметить, что положительное влияние на совершенствование методики преподавания общеобразовательных предметов и на воспитательный процесс в ЦПШ оказывало их постоянное соперничество с земскими школами, бывшими главным проводником светского образования в губернии.

Успехи обучения в школах, как правило, зависели от многих условий и были выше там, где заведующие и учащие «прилежали» школьному делу. Учитель Ремизов, отмечалось в «Калужских епархиальных ведомостях», «благодаря педагогической опытности, приобретённой продолжительной службой (10 лет) поставил свою школу на подходящую высоту, чем расположил к школе местное население и заслужил внимание попечителя школы князя Голицына, который жертвует значительные суммы на школу» (500 руб. ежегодно)⁴²³.

Очень часто отцы заведующие жертвовали на школьные нужды собственные средства. Случаи же, когда священники на свои средства покупали ученикам письменные принадлежности, безвозмездно раздавали им книги для внеклассного чтения, исправляли на свой счёт классную мебель, были часты в епархии. Некоторые священники отдавали под школы свои собственные помещения. Так, в с. Рьльском священником о. В. Смирновым на собственные средства (750,5 руб.) было устроено удобное здание для школы⁴²⁴. Кроме того, он приобрёл для школы на собственные средства 15 грифельных досок и классные счёты за 5,5 руб., учебные книги на 40 руб. и шесть лет принимал на себя отопление и освещение школы, наём сторожа⁴²⁵.

Местные приходские священники не только вкладывали свои средства в школьное дело, но и располагали к нему прихожан. Например, здание для Слободской школы в Жиздринском у. было построено по инициативе местного священника П. Покровского, пожертвовавшего 500 руб. и расположившего местных крестьян к пожертвованию 740 рублей⁴²⁶.

В Епархиальный училищный совет поступало много прошений от священников с просьбами об оказании помощи как деньгами, так и учебными материалами. Священник с. Стрельна Мосальского у. о. А. Вознесенский

сообщал, что на протяжении 18 лет он содержал школу в собственном доме и только на его скудные средства. Принимая во внимание нелёгкий труд священника в деле народного образования, его расходы по содержанию школы из скудных собственных средств, умение вести учебное дело с пользой для учеников, училищный совет постановил выдать ему единовременное пособие 50 рублей⁴²⁷.

Духовное руководство старалось поощрить тех священников, которые отличились в деле развития школ, причём не только материально. Так, согласно представлениям архипастырей в 1884 году были награждены Библией, выдаваемой Синодом «за особое усердие и ревность в деле благоустройства местных церковных школ» по Калужской епархии: священники — с. Лазинки Мосальского уезда о. П. Соколов, с. Князь-Михайлово Лихвинского уезда о. Н. Крылов и др.⁴²⁸

Примечательно, что ЦППШ могли выполнять функции интерната. Так, все дети, принятые в мужскую Рождественскую второклассную школу в Боровском у. бесплатно помещались в приспособленном доме, и каждому из них выдавались койка и матрац. А детям, представившим от местных клириков свидетельство об их бедности, предоставлялось бесплатное содержание. Особенно успевающим и благонравным ученикам школы оказывалась помощь в белье, одежде и обуви⁴²⁹.

Одновременно с увеличением количества приходских школ росла сеть библиотек. Они создавались для «упрочнения успехов и для большего влияния школы на население». Всех библиотек было в 1906 году 30 тысяч. Как правило, епархиальные власти устраивали библиотеки трёх видов: народные — для учителей и всего взрослого населения, ученические — для внеклассного чтения, учебные, фонды которых состояли из учебников. Известно, что за 1909–14 годы Училищный совет при Синоде направил в школы учебников и книг для чтения на 3,5 млн руб. и на 1,3 млн руб. частных изданий⁴³⁰.

В Калужской епархии библиотеки существовали почти при всех церковных школах, но состояли они, по большей части, из одних учебных книг. Да и в них в школах ощущался заметный недостаток, особенно по арифметике и русскому чтению: редко где находилась одна книга на каждого учащегося, а обыкновенно одна книга выдавалась на 2–3 учеников⁴³¹. Отделения приобретали книги и на свой счёт. Но ни Совет, ни Отделения не могли по недостатку средств снабдить все школы учебными пособиями в достаточном количестве. Поэтому библиотеки пополнялись часто за счёт местных церквей. Жертвовали книги и попечители, выписывая их лично или давая на этот предмет средства. Покупка книг производилась и учителями или заведующими школами⁴³². Учебных руководств и наглядных пособий в школах было мало, в основном в более богатых школах

и в бывших прежде земскими, как, например, Крестовская, Жиздринская и т. п. Книг для внеклассного чтения в школах тоже не хватало. Школьные библиотеки получали их из местных источников и от частных лиц, а потому снабжались ими неравномерно от 50 до 500 экземпляров на каждую⁴³³. В большинстве случаев книги для внеклассного чтения жертвовались или попечителями, или благотворителями, а также выписывались на церковные средства заведующих и даже учителей⁴³⁴. Спрос на книги для чтения был высок и со стороны взрослых. Книги для внеклассного чтения охотно брались раскольниками на дом и часто прочитывались вслух⁴³⁵.

Из вышесказанного видно, что православная церковь радела о нуждах народного просвещения и тратила довольно значительные суммы на приобретение литературы, канцелярских принадлежностей для церковных школ, открывала на свои средства библиотеки, что можно определять не только как обязанность духовно ведомства, но и как совершение благотворительных действий.

Развитию народного образования за всё время существования церковных школ препятствовали: 1) недостаток в школьных помещениях, теснота и непригодность многих существующих помещений; 2) необеспеченность учебного персонала и недостаток в учебниках и учебных пособиях; 3) недостаток книг для внеклассного чтения; 4) неаккуратное посещение детьми школы, ну и, конечно же, 5) недостаток финансирования.

Духовенство пыталось найти разумные выходы из такого положения. Например, калужское отделение предлагало путём определённого отчисления их церковных сумм образовать строительный капитал для ЦППШ. Боровское отделение постановило отчислять ежегодно по 2 копейки с причтовой десятины и по 3 % с годового свечного взноса.

Отделения просили епархиальное начальство о передаче книг из церковных библиотек в школьные, о дозволении брать из церковных сумм по 5–10 руб. ежегодно на покупку книг для внеклассного чтения. Ведя борьбу за посещаемость, перемышльское отделение постановило: старших учеников, пропустивших по небрежности 20 уроков, не допускать к экзаменам⁴³⁶.

Все отчёты отделений единогласно жаловались на недостаточность средств содержания церковных школ, не хватало средств даже на вознаграждение учащихся, так что выдача им жалования, которое само по себе составляло (8–12,5 руб. в месяц), задерживалось по три и более месяцев. Дальнейшим следствием чего являлось то, что лучшие учителя оставляли свои должности, предпочитая учительство другим занятиям, более обеспечивающим, а значит, тормозились успехи церковной школы. Отделения просили увеличить жалованье учителям в ЦППШ до 180, а в школах грамоты до 120 руб. в год. Пытаясь помочь учителям, епархиальное начальство

в 1893 году установило постоянный определённый взнос с церквей: по 2 коп. с приходской души и по 1 коп. с церковной земли, предложило и монастырям увеличить взнос на содержание школ⁴³⁷. Однако в целом ситуацию с бедностью церковных школ нормализовать так и не удалось.

Тем не менее, к чести калужского духовенства нужно сказать, что оно с полной готовностью взялось за благое дело просвещения народа, для чего не щадило ни времени, ни сил, ни материальных средств. «Калужские епархиальные ведомости» писали: «Внесло и наше духовенство лепту своего самоотверженного труда в это высокое и святое дело: безмездно и, как видится, не без успеха оно учило в церковных школах, также заведовало и руководило ими, ревностно изыскивало материальные средства к поддержанию существующих школ и дальнейшему распространению их... Мы не хотим сказать, что калужское духовенство сделало всё, что оно должно было сделать и могло сделать; мы говорим только, что оно заявило всё своё сочувствие делу церковных школ и сделало для них так много, как этого никто не мог ни потребовать от него, ни ожидать»⁴³⁸.

Всё же, деятельность калужского духовенства на ниве народного образования приносила свои плоды. Школы грамоты и церковно-приходские школы давали необходимый начальный уровень знаний населению, предоставляя возможность способным к учению детям в дальнейшем продолжить своё образование в реальных училищах, гимназиях и т. п.

Но нужно признать, что, не обладая достаточными материальными ресурсами, ни местное православное духовенство, ни земства были не в состоянии сделать грамотность населения всеобщей, хотя и направляли к этому свои усилия в разработке школьной сети в 1910-е годы.

Глава 8

Церковная благотворительность в годы народных бедствий

Исследуя организацию социальной помощи как направление социального служения русской православной церкви, целесообразно рассмотреть методы и формы церковной благотворительности в условиях народных бедствий, приводящих к резкому обострению социальной ситуации в стране, усиливающих напряжённость в обществе и требующих проведения обширных мероприятий в области призрения неимущих и широкомасштабных благотворительных инициатив.

Традиционно выделяются два вида народных бедствий: войну и голод, нередко сопутствующих друг другу, и представляющих серьёзную угрозу естественному развитию, а иногда и существованию нации и государства.

Голод был частым бедствием для России, приблизительно раз в 3–5 лет на какую-либо губернию, несколько губерний, а то и целый регион обрушивался неурожай, вызванный засухой, или, напротив, проливными дождями. Поэтому по всей стране довольно регулярно проводились сборы на нужды голодающих, и одна из главных ролей в организации таких благотворительных акций принадлежала церкви, в том числе и в провинции. Например, в феврале 1868 года на нужды местных голодающих в Калужскую духовную консисторию поступило пожертвований от протоиереев М. Потёмкина, И. Волкова и др. на общую сумму более 2900 руб., из них 20 руб. пожертвовал калужский архипастырь Григорий (Митькевич)⁴³⁹. Через шесть лет возник голод в Самарской губернии, эта беда нашла живой отклик среди калужских клириков. Информация о том, сколько же всего было собрано пожертвований, слишком разрознена, но известно, что священникам с. Алферьевское Мосальского уезда В. Фелицыну, И. Крылову и с. Колодязцы Жиздринского уезда П. Беляеву удалось собрать и отправить «в пользу голодающих Самарцев» (так в документе), а также на раненых воинов в общей сложности 65 рублей⁴⁴⁰.

Крупнейшим бедствием, постигшим русский народ, стал голод 1891–1892 годов, явившийся следствием неурожая, охватившего 13 губерний и ещё 23 уезда в 8 губерниях, включая Черноземье, Нечерноземье, Урал — практически всю среднюю полосу России. Тысячи крестьян к осени 1891 года были вынуждены есть хлеб пополам с лебедой. Перспектива голодной смерти стала ужасающей реальностью во многих регионах империи. Правительство и благотворительные организации России быстро осознали

необходимость оказания широкомасштабной помощи пострадавшим. Не могла остаться в стороне и церковь. Уже в августе, когда стали очевидны масштабы бедствия, Синод распорядился установить при богослужениях в храмах особый сбор в пользу пострадавших от неурожая и оказать помощь из средств наиболее обеспеченных монастырей и церквей. Синод призвал весь русский народ оказать посильную помощь пострадавшим. В трудном положении оказалось духовенство пострадавших епархий, в большинстве своём существовавшее за счёт прихожан, а так как их положение было бедственным, то и местному духовенству грозил неминуемый голод. В связи с этим Синод циркулярным указом от 23 августа 1891 года распорядился выдать в помощь клирикам 25 тыс. руб., разрешив в случае особой надобности выдавать ссуды. Данный указ касался и учащихся церковно-приходских школ в неурожайных районах.

Организация социальной помощи, предпринятая духовным ведомством, сразу же превзошла другие мероприятия по обширности, активности и эффективности. В тысячах церквей перед сбором денег произносились проповеди, на дверях храмов вывешивались призывы помочь голодающим.

С сентября 1891 года по империи стали в спешном порядке создаваться епархиальные комитеты для сбора пожертвований на нужды голодающих, заработавшие в течение месяца в десяти епархиях⁴⁴¹. Не осталось безучастным к постигшей людей трагедии и духовенство Калужской епархии.

В калужском крае Епархиальный комитет помощи голодающим был образован уже 15 сентября 1891 года под председательством архиепископа Виталия. В этот день его членами-учредителями с помощью добровольцев по подписным листам было собрано наличных пожертвований более 670 руб., сам архиепископ пожертвовал в пользу голодающих 100 рублей. На первом же заседании Епархиальный комитет постановил: 1) учредить во всех калужских приходских и монастырских церквях кружки для сбора добровольных подаяний голодающим от неурожая, кои обносить при всех богослужениях когда бывает церковный сбор; 2) просить учебное начальство и попечителей богоугодных заведений Калуги подобные кружки для таких же целей завести в церквях учебных и богоугодных заведений, а где нет церквей, поставить их на открытых местах в зданиях для сбора пожертвований от учащихся и призреваемых; 3) учредить подобные кружки в кредитных учреждениях Калуги: государственных и городских банках, в обществах взаимного кредита и ссудо-сберегательных кассах и т. п., а также в местах учреждений куда собирается большое количество публики; в губернском казначействе, в окружном суде, железнодорожном вокзале, на базарных площадях и т. п.;...5) для приёма вещественных пожертвований (зернового хлеба, муки, сухарей, холста, платья, золотых и серебряных вещей) назна-

чить все приходские церкви, заготовить приличные вместилища для таких приношений; ...9) Деньги рассылаются в места пострадавшие от неурожая: две части в Нижегородскую, Самарскую, Оренбургскую, Саратовскую, Тамбовскую, Пензенскую, Казанскую и Симбирскую губернии, а одну часть — в Тульскую, Рязанскую, Воронежскую, Вятскую и Уфимскую; вещественные же приношения направляются преимущественно в первые 8 губерний⁴⁴².

Священно- и церковнослужители Медынского уезда обязались уделять в пользу голодающих 1 % с каждого доходного причтового рубля.

Училищный совет при Синоде, проводивший сбор пожертвований в пользу голодающих учителей и учащихся церковных школ, в 1891 году отправил епархиальным советам 18,5 тыс. рублей⁴⁴³. Калужскому епархиальному комитету за сентябрь удалось собрать на эти цели 1514 руб. пожертвований. Комитет определил: 1000 руб. отослать в 8 наиболее пострадавших губерний (по 125 руб. в каждую), а 500 руб. в другие губернии, в том числе Тульскую, по 100 руб. в каждую⁴⁴⁴.

За три осенних месяца 1891 года Комитеты РПЦ, действовавшие в 28 епархиях, израсходовали на оказание социальной помощи свыше 300 тыс. руб. (68,5 % всех собранных средств) и тысячи пудов продуктов⁴⁴⁵. Пожертвования со всей России поступали в местные епархиальные комитеты, перенаправляясь в наиболее пострадавшие районы и приходы.

В целом, осень 1891 года стала своеобразным определяющим этапом организации системы благотворительной помощи пострадавшим от неурожая регионам, в чём активную роль сыграла православная церковь. В этот период по всей стране был налажен достаточно плодотворный сбор пожертвований на нужды голодающих, в частности в Калужской епархии. Именно благодаря оперативно предпринятым в первые месяцы благотворительным мерам, в чём большая заслуга православной церкви, были сохранены тысячи людских жизней, и ситуация постепенно начала стабилизироваться. Правда, налаживаемая быстрыми темпами система оказания социальной помощи могла давать сбои, выдачи пособий нередко производились с запозданием, бывали случаи, когда помощь попадала не к тому, кому предназначалась. Но эти минусы несколько не умаляют тех положительных результатов, которые были достигнуты. Отметим, что пособия нуждающимся выдавались без различия вероисповедания, преимущественно продовольствием: мукой, рожью, сухарями. Синод предписывал денежные выдачи производить лишь в исключительных случаях, дабы избежать злоупотреблений.

Привлекались к оказанию благотворительной помощи голодающим и монастыри. Не обладая значительными состояниями, православные обители Калужской епархии отправляли на нужды бедствующих небольшие суммы денег. Так, Малоярославецкий монастырь в январе 1892 года перечислил на помощь голодающим 6 рублей⁴⁴⁶.

С течением времени масштабы трагедии были смягчены, Синод в мае 1892 года распорядился прекратить с 1 июня сбор пожертвований по духовному ведомству, закрыв все епархиальные комитеты и уездные отделения. Неизрасходованные средства поступили на помощь жителям регионов, поражённых холерой, а также на нужды церковно-приходских школ⁴⁴⁷.

Известно, что за 1891/92 год духовенство Калужской епархии перечислило на нужды голодающих учителей и учеников церковных школ более 1,6 тыс. руб. (см. табл. 12). Кроме того, со второй половины октября 1891 по 29 октября 1892 года в Самарский епархиальный комитет поступило в пользу нуждающихся 1015 руб. пожертвований от Калужского комитета и через Калужский училищный Совет на нужды учащихся церковных школ — 353 рубля. Всем, принимавшим участие в помощи голодающим, было объявлено Архипастырское благословение⁴⁴⁸. Таким образом, в общей сложности калужский клир собрал и перечислил в пострадавшие от неурожая районы не менее 2,6 тыс. руб., в те годы это были весомые суммы, особенно учитывая доходы провинциальных епархий.

Таблица 12

Количество средств, собранных по Калужской епархии в пользу учителей и учащихся церковных школ, пострадавших от голода в 1891–1892 годах

Период	Поступило в данный период	Нарастающий итог
1891 год		
15 сент. 1891 год	779,7 руб. по подпис. листам; из них наличными — 671,95 руб.	—
15 сент. - 1 окт.	1514,37 руб.	—
20 окт. - 1 янв.	249,41 руб.	—
1892 год		
1 янв. - 29 февр.	437,05 руб.	686,46 руб.
29 февр. - 1 мая	370,05 руб.	1056,47 руб.
1 мая - 15 июля	254,65 руб.	1311,12 руб.
15 июля - 1 сент.	273,45 руб.	1584,57 руб.
1 сент. - 1 ноября	24,84 руб.	1610,03 руб.

Данные таблицы 12 свидетельствуют о значительных пожертвованиях, собранных калужским духовенством сразу после разыгравшей стихии, т. е.

осенью 1891 года и в начале 1892 года, а потом, с постепенной ликвидацией проблемы голодающих (конец зимы 1892 года), стала заметна тенденция к снижению объёма собираемых на эти нужды средств.

Приведённые факты говорят о довольно значительном вкладе калужского духовенства в организацию социальной помощи голодающим.

В 1898/99 году голод снова напомнил о себе, затронул практически всё Поволжье, охватив 8 губерний. В это время только в Симбирской, Самарской, Казанской губерниях число больных цингой людей приближалось к 90 тысячам⁴⁴⁹. Очевидец тех событий так описывал увиденное им: «Подчас даже те краски, которыми я рисовал себе голод, не видя его, бледнели. Картина была ужасная»⁴⁵⁰. Но несмотря на это, правительство, неверно оценив сложившуюся ситуацию, официально объявило, что особого бедствия нет. Однако жизненные реалии заставляли принимать определённые меры. Так, Николай II пожертвовал около 3 млн руб. своих средств на организацию помощи пострадавшим, а правительство выделило субсидии на покупку семенного зерна. Тем не менее, средств не хватало, в деревнях умирали старики и дети, но оценке современников, не было заметно того общественного подъёма, как в 1891 году. Правительство организовало общественные работы, но в них смогла принять участие лишь сотая часть крестьянского населения. Духовное ведомство, дезориентированное заявлением правительства, также не сразу приняло необходимые благотворительные меры. И когда осенью 1898 года появились воззвания отдельных епископов о помощи и сборе пожертвований, Синод выделил 5 тыс. руб. для раздачи голодающим и разрешил бедствующим клирикам получать из неприкосновенных капиталов краткосрочные ссуды⁴⁵¹.

Провинциальное духовенство, осознав истинные масштабы трагедии, активизировало благотворительную деятельность. В Калужской епархии, к примеру, в первый день Пасхи от священнослужителей разного ранга поступило более 50 руб., которые были высланы в Лаишевский уезд Казанской губернии⁴⁵². В дальнейшем сборы продолжались, но число жертвователей было меньше, чем семь лет назад. Широкомасштабная помощь бедствующему населению не оказывалась. Например, не проводился всеобщий сбор средств по церквам России, в том числе и по Калужской епархии, не были созданы специальные комитеты православного духовенства. Стоит, наверно, согласиться с оценкой организации социальной помощи пострадавшему во время голода 1898–1899 годов населению со стороны РПЦ как неудовлетворительной.

Всё же к чести духовенства скажем, что инициативные архиереи, особенно пострадавших районов довольно оперативно реагировали на неблагоприятно складывавшуюся обстановку и призывали как местное население, так и высшие церковные инстанции активизировать оказание

социальной помощи. Конечно, бюрократизация большинства сторон общественной жизни сковывала многие благотворительные инициативы, но, если епархиальные власти проявляли организованность и согласованность в действиях, оказанная помощь приносила свои плоды, обеспечивая жизнеспособность тысяч людей.

Можно выделить следующие особенности такого народного бедствия, как голод, а соответственно, и меры борьбы с этим явлением. Итак, голод, являвшийся следствием сильнейших неурожаев, обычно в большей степени охватывал районы Поволжья, быстро распространялся, так как погибали не только крестьянские запасы, но и семенное зерно, принимая масштабы всероссийского бедствия. Поэтому главная задача центральных и местных властей состояла в том, чтобы, правильно оценив масштабы бедствия, оперативно принять необходимые меры, объединив усилия всех благотворительных организаций. Во время голода начала 1890-х годов это сделать удалось, а во втором случае нет. Но в обоих случаях Синод выделял из своих специальных средств деньги на помощь нуждающимся, правда, они были различными (в 1891 году — 100 тыс. руб., а в 1898 — 5 тыс.), что ещё раз говорит о неверной оценке, данной бедствию 1898–1899 годов. Главное было накормить людей, поэтому если объявлялся всероссийский сбор пожертвований, как это было в 1891 году, то таковые принимались большей частью продуктами, хотя и денежные суммы жертвовались немалые. Церковь создавала специальные благотворительные комитеты во главе с местными архипастырями, которые и заведовали сбором пожертвований, призывала с помощью приходских священников оказать посильную поддержку пострадавшим. Во время голода 1891–1892 годов был создан даже Особый комитет, задача которого была координировать действия гражданских и церковных организаций по оказанию социальной помощи. Ко всему прочему, доставка продовольствия по железным дорогам в пострадавшие районы была бесплатной, чего мы не можем наблюдать во время других народных бедствий. К оказанию благотворительной помощи голодавшим учителям и учащимся церковных школ активно подключался Училищный совет при Синоде и провинциальные Училищные советы, в частности Калужский. Но как уже отмечалось, масштабы оказываемой в начале и конце 90-х годов XIX века благотворительной помощи, а значит и её эффективность, различались.

Необходимо отметить, что русская православная церковь всегда приходила на помощь братским славянским народам, и не только им, в тяжёлые годы народных бедствий. Не понаслышке знавшие, что такое голод, жители калужского края, в том числе и православный клир с сочувствием относились к сообщениям об этом стихийном бедствии в других странах. Например, зимой 1889/90 года в пользу голодающих жителей

Черногории было собрано настоятелями монастырей и благочинными Калужской епархии пожертвований на сумму более 3340 рублей. А за 1893, 1898–1899 годы калужское духовенство собрало в пользу Славянского благотворительного общества более 1 тыс. рублей⁴⁵³.

Православная церковь вносила свой вклад и в борьбу с эпидемиями, из которых особенно частыми в России были холера, тиф, оспа, дифтерит и т. п. Например, эпидемии холеры посещали Калужский край в 1870–73, 1890–95 годы. Естественно, что основную нагрузку по предупреждению и ликвидации негативных социальных воздействий, возникавших в ходе распространения болезней, несли медицинские работники, которых, например, в Калужской губернии всегда катастрофически не хватало. В таких обстоятельствах местное духовенство, исходя из своих возможностей, всегда приходило на помощь пострадавшим. Так, во время эпидемии холеры 1870–73 годы, многие калужские священники отчисляли часть своих доходов на нужды открытой Обществом калужских врачей лечебницы для неимущих, принимая на себя и труд узнавать и доставлять сведения врачам о заболевших в приходах, вполне рискуя заразиться самим. Простейшей и вместе с тем основной формой борьбы с любой эпидемией является вовремя введённый карантин. В этой связи целесообразно привести документ, свидетельствующий о мерах, принятых в Калужском духовенством, дабы избежать распространения холеры, поразившей страну и частично Калужскую губернию летом 1892 года. Калужская духовная консистория постановила: «...2) вразумлять народ, что предписанные начальством предосторожности должны употребляться последовательно и верно; 3) больных не утаивать, а говорить властям, чтобы не заразить других; ...5) если дом, где умер или болен холерой, возьмут под стражу, значит так надо. Начальство поступает человеколюбиво и берегает целую местность; 6) если погребение холерных требует особых мер, то этому нужно подчиняться безропотно»⁴⁵⁴. Предписывалось знакомить народ с правительственными распоряжениями в отношении холеры в любом удобном месте (доме священника, школе и т. п.), и напоминать, что болезнь послал Господь за грехи и беззакония людей и нужно сносить её с терпением и молитвой. Благодаря и этим мерам калужанам в целом удалось избежать значительных жертв как тяжёлого последствия широкого распространения холеры. Все выявившиеся очаги её, в том числе среди учащихся духовно-учебных заведений епархии своевременно ликвидировались.

Зимой 1879/1880 года в России по отдельным районам прокатилась волна дифтерита. Синод по просьбе председателя Российского общества Красного Креста разрешил добровольную подписку и приём пожертвований на снаряжение врачебно-санитарных отрядов, созданных для борьбы с эпидемической дифтерией. В отдельных благочиниях Калужской епар-

хии был проведён сбор пожертвований, составивший несколько сотен рублей, кроме того, некоторые представители духовного сословия стали участниками санитарных отрядов⁴⁵⁵.

Таким образом, и калужский клир не оставался в стороне в периоды эпидемических заболеваний, внося свою лепту в борьбу с ними, помогая в аналогичных ситуациях пострадавшим за рубежом. Когда в 1896 году жителей Индии постигли голод и эпидемия чумы, епископ Макарий (Троицкий) призвал калужское духовенство не оставить без помощи и сострадания индийцев и подал пример благого дела, пожертвовав 50 рублей⁴⁵⁶.

Особенно частым стихийным бедствием, доставлявшим немало горя, хлопот и ущерба были пожары. Конечно же, местные власти старались как могли бороться с этим стихийным явлением, но без поддержки всех слоёв общества, в том числе и духовного сословия, обойтись было нельзя. Традиционной формой оказания социальной помощи погорельцам со стороны православной церкви был сбор пожертвований, но в отличие от аналогичных сборов во время других стихийных бедствий, например, голода, в данном случае обильно собирались вещевые пожертвования (одежда, обувь), либо строительным материалом (в основном кубометры леса). Конечно же, предоставлялась и денежная помощь, опять же шедшая на закупку стройматериалов, новой одежды, реже продуктов. Подобные сборы проводились в калужском крае, по сути, каждые пять–семь лет, а то и чаще. Так, в 1860–70-е годы клирики приходили на помощь пострадавшим от пожаров жителям Козельского, Тарусского, Перемышльского, Калужского уездов. Существовавшие в этих и других уездах церковно-приходские попечительства практиковали выдачу погорельцам единовременных пособий на «поправку» зданий или же строительство новых домов. С помощью проповедей жителей соседних с пострадавшими селениями сёл и деревень призывались оказать посильную помощь сбором пожертвований на нужды погорелых, принять участие в строительстве и т. п. Не один раз духовенство Калужской епархии оказывало поддержку сильно выгоравшим в конце XIX – начале XX веков городу Сухиничам. Так, 2 июня 1892 года сильный пожар уничтожил 128 домов и 107 лавок, оставил без крова 70 семей (344 человека). Духовенство епархии не оставило пострадавших один на один с бедой, пожертвовав не только деньги, но и вещи, хлеб и другие продукты питания, призвав прихожан, сельские общества оказать содействие строительным материалом. В июле 1903 года Сухиничи в очередной раз сгорели. Светские власти организовали в пользу погорельцев благотворительные концерты и ярмарки, а приходское духовенство устроило сбор пожертвований в специально установленные для этих целей в церквях кружки⁴⁵⁷.

Значительно активизировалась благотворительная деятельность церкви во время войн, самые крупные из которых приходятся на исследуемый период.

С апреля 1877 года, когда Россия объявила войну Турции, масштабы церковной благотворительной деятельности увеличились. Синод выделил Российскому обществу Красного Креста (РОКК) 100 тыс. руб., призвав всё местное духовенство и прихожан к пожертвованиям в пользу общества. Кроме того, архиереи Синода обязались до конца войны отдавать свое жалование на санитарные нужды действующей армии⁴⁵⁸.

В годы русско-турецкой войны 1877–1878 годов количество убитых и раненых превысило 200 тыс. человек⁴⁵⁹. По этому встал вопрос о развёртывании целенаправленной помощи пострадавшим воинам (больным, раненым, увечным). В конце весны 1877 года наряду с уже существовавшими отрядами сердобольных сестёр, формировавшихся из насельниц монастырей, в епархиях стали создаваться отряды сердобольных братьев для выполнения обязанностей по призрению больных и раненых в лазаретах Красного Креста. Добровольцы проходили ускоренные курсы обучения санитарному делу, для чего направлялись в военные госпитали. Такие отряды милосердия создавались и из монашествующей братии Калужской епархии.

9 июля 1877 года были утверждены «Временные правила об учреждении Попечительств для пособия нуждающимся семействам воинов». Согласно закону могли учреждаться губернские, городские, уездные, волостные попечительства. Губернское попечительство для помощи нуждающимся семьям воинов было создано и в калужском крае, кроме него функционировало местное попечительство в Мосальском уезде, которое, как отмечалось в отчёте, пользовалось «всеобщим сочувствием к благим целям его». Калужские епархиальные власти позволили губернскому попечительству производить сбор пожертвований в пользу немущих семей воинов по всем церквам епархии, для чего были намечены 163 приходские церкви. Среди них, в Калуге – 7 церквей (Казанская, Мироносицкая, Георгия за верхом, и др.); по Калужскому у. – 10; по Боровскому у. сбор осуществлялся в 8 церквях и т. д.⁴⁶⁰

Кроме того, в епархии был проведён сбор средств в пользу русских добровольцев, их сирот и славян, пострадавших от «турецкого насилия»⁴⁶¹.

12 июня 1877 года в Калуге был открыт лазарет для раненых воинов, устроенный в доме А.М. Фролова, который уступил его безвозмездно на всё время войны. Просторный дом с подсобными помещениями, отделанный за счёт городского бюджета с привлечением средств духовенства Калуги, позволил устроить 85 коек для нижних чинов, а для офицеров были оборудованы 15 кроватей в особом флигеле⁴⁶².

В калужское управление РОКК и управление Общества попечения о раненых и больных воинах постоянно поступали пожертвования, в том числе и от духовных лиц. Например, в августе 1877 года консисторией было перечислено на призрение раненых и больных воинов 405 руб., за что калужское духовенство получило благодарность от императрицы⁴⁶³. В 1878 году калужское духовенство собрало на нужды раненых воинов и на устройство русского флота в общей сложности более 3,6 тыс. рублей. Значительная часть средств поступила непосредственно от духовенства — более 1,3 тыс. руб., что составило 38,3 % всех собранных средств, также внушительную сумму принёс кружечный сбор, организованный благодаря стараниям благочинных епархии — 1783 руб. (49,1 %) всего сбора⁴⁶⁴.

Православные обители традиционно привлекались к заботе о раненых: 85 российских монастырей предоставили помещения для лазаретов, 910 монашествующих ухаживали за ранеными. Большую роль в организации помощи больным и раненым воинам сыграла Оптиная пустынь. В годы войны на территории монастыря располагался лазарет на 20 коек (в Тихоновой пустыни — на 8). Кроме того, лица из «монашествующих братьев» назначались в местные госпитали Красного Креста. За благотворительную деятельность в 1877–1878 годах настоятель Оптиной пустыни архимандрит Исаакий, смотритель больницы монах Филарет, послушник С. Аголин, выполнявший фельдшерские функции, и другие насельники местным управлением Общества попечения о раненых и больных воинах были награждены специальным знаком Красного Креста⁴⁶⁵.

В целом, можно констатировать, что русская церковь, и в частности духовенство Калужской епархии, внесли свой вклад в ослабление социальных последствий русско-турецкой войны.

Пожертвования на удовлетворение нужд пострадавших в ходе русско-турецкой войны воинов продолжали поступать и в мирное время. Так, в июне 1880 года на эти благотворительные цели благочинным, протоиереем о. И. Соколовым было передано 65 руб., а проведённый в Калужской епархии в феврале 1883 года кружечный сбор в пользу воинов-инвалидов составил 408 руб., в связи с чем была снова выражена благодарность императрицы⁴⁶⁶.

Другой войной, проигрыш которой способствовал обострению внутренней социальной ситуации вплоть до начала революции, была война с Японией.

Потери русской армии составили не менее 270 тыс. человек, из них 50 тыс. убитыми⁴⁶⁷. Российское общество вновь стало перед проблемой организации масштабной благотворительной помощи, в первую очередь, раненым и изувеченным воинам.

Вместе с тем РПЦ могла использовать опыт социальной помощи, накопленный в предшествующий период. Некоторые мероприятия, осуществ-

лявшиеся духовным ведомством в 1904 году, аналогичны инициативам 1877 года. Сразу после начала войны Синод выделил РОКК 100 тыс. руб. на санитарные нужды действующей армии, разрешив обществу каждое воскресенье осуществлять сбор пожертвований по всем церквям в помощь больным и раненым воинам. Синодальные архиереи по традиции перечисляли своё жалованье на потребности войны и призывали к пожертвованиям всё духовенство страны. Чиновники центральных учреждений Синода обязались отдавать ежемесячно процент от своего заработка.

За первый год войны учтённые пожертвования от русской православной церкви составили около 2,3 млн руб., на нужды раненых и больных воинов в 1905 году было собрано 96,8 тыс. рублей. Церковь продолжала помогать пострадавшим на войне и в 1906–1907 годах, пожертвовав свыше 50 тыс. рублей⁴⁶⁸.

Для сбора средств оказания социальной помощи в епархиях России снова стали создаваться специальные временные комитеты и их отделения. В пользу пострадавших воинов устраивались концерты духовной музыки, читались лекции преподавателями духовных учебных заведений. Жёны священников изготавливали перевязочные материалы, шили бельё для солдат.

Значительные потери на фронте увеличивали число осиротевших детей, поэтому для них, если была возможность, при наиболее обеспеченных церквях и в монастырях открывались приюты. На попечение епископов возлагалась забота о принятии сирот в конvikты духовно-учебных заведений, подходящих по возрасту. Если в годы русско-турецкой войны 85 монастырей активно участвовали в благотворительной деятельности, то теперь уже 209 монастырей в 27 епархиях России были готовы принять на воспитание до 1300 сирот, 116 монастырей согласились оплачивать учёбу и проживание сирот⁴⁶⁹.

Своеобразной духовной благотворительной помощью в годы русско-японской войны являлась бесплатная отправка религиозных книг, в первую очередь, Библии, на фронт или военнопленным русским солдатам. С этой целью Общество для распространения Священного Писания в России, отделение которого действовало и в Калужской епархии, закупило в 1904 году на собранные пожертвования свыше 2100 экземпляров книг религиозно-нравственного содержания. Эта литература на сумму более 710 руб. была разослана в 28 московских лазаретов, где излечивались как нижние чины, так и офицеры, в расквартированные в Иркутске войска и действующую в Маньчжурии армию. Бойцам русской армии, находившиеся в плену в японской столице, через Центральное справочное бюро о военнопленных было направлено 114 экземпляров священных книг. Обычно высылались Новые Заветы, а также Псалтири и Евангелия⁴⁷⁰.

Благотворительные действия РПЦ в пределах Калужской епархии сводились к следующему: а) отчислению средств в пользу Общества

попечения о раненых и больных воинах, местного отделения РОКК, на санитарные нужды армии; б) оказанию материальной помощи семьям погибших воинов.

Пострадавшим от боевых действий помогало всё калужское духовенство, вместе со своими прихожанами. Так, в осень 1904 года в Калужскую консисторию поступило более 4100 руб. пожертвований на военно-санитарные нужды⁴⁷¹. В сборе средств на нужды войны и помощь раненым, в пользу сирот офицеров и солдат принимали участие школы. Например, учителя Мокровской церковной школы Жиздринского у. во главе с заведующим приняли решение отчислять 2 % из своего жалования на военные надобности, к этой сумме присоединялись и ежемесячные добровольные пожертвования учащихся (в общей сложности 15–20 руб. в месяц). Кроме того, членами Совета школы на воскресных и праздничных чтениях регулярно сообщались сведения о ходе военных действий. Первое сообщение было сделано 1 февраля, а под 2 февраля в дневнике школьника значится следующее: «ввиду начавшейся русско-японской войны, о. заведующим с учащими и учащимися было устроено в школе чтение, имеющее целью возбуждение и поднятие патриотических чувств». Программа чтений была обширной — всего 20 пунктов. В её основе были отрывки из патриотических произведений русской литературы («Плач Ярославны», «Полтавский бой», «Бородино»); местный церковный хор исполнил «Славься», ну и, конечно же, гимн «Боже, Царя храни».

Известно, что в июне 1904 года от персонала и учащихся Мокровской и Милотичской второклассных школ Мосальского у. поступили на нужды раненых воинов 35,5 рублей. Советами церковных школ Медынского у. было собрано на различные военно-благотворительные цели 1155 рублей. Прихожане с. Никольское Лихвинского у. под руководством местного благочинного собрали на военные нужды 130,5 руб., а на средства священника с. Дойца В. Изумрудского была приобретена двуколка для вывоза раненых русских воинов с поля боя. Он же призвал отчислять по полпроцента с казённого жалования на двуколки и столько же на пасхальные свечи русским пленным в Японии⁴⁷².

Действовавшие в Калужском крае православные братства тоже активно включились в сбор пожертвований. Так, Советом Братства Св. Николая при Успенской церкви с. Озерское с самого начала войны был открыт комитет по сбору пожертвований и заготовлению вещей, необходимых для действующей армии. За довольно короткий срок (10 марта–6 мая 1905 года) Комитет собрал 155 руб. пожертвований. Кроме того, поступило 1102 аршина материи, 24 полотенца, 16 платков, 18 книг, 1000 штук папирос и др. необходимые вещи⁴⁷³.

Не бездействовало и епархиальное начальство. Калужский архипастырь удостоился благодарности покровительницы Общества Красного

Креста императрицы Марии Фёдоровны за обеспечение двух коек в открытом при общине сестёр милосердия госпитале для больных и раненых воинов. Депутаты епархиального съезда духовенства в марте 1905 года постановили ассигновать на нужды армии и флота 500 руб. из средств епархиального свечного завода. Месяцем ранее съезд принял решение открыть при духовном училище в Калуге пять полных пансионерских вакансий для детей офицеров, раненных на войне с Японией, и отпустить одновременно на эти цели около 1 тыс. рублей⁴⁷⁴.

В калужской епархиальной печати обсуждался вопрос о расширении благотворительной помощи детям павших воинов. Так, один приходской священник, призывая церковно-приходские попечительства и братства к участию в обеспечении сирот, указывал, что духовенство год Калуги сумело приютить в городских «Яслях» только 15 человек. Естественно, этого было недостаточно для губернского города. По мнению клирика, и православные пастыри обязаны возглавить приходскую благотворительность, но для этого им необходимо было сплотиться воедино. К 1904 году в Калужской епархии насчитывалось более 600 приходов и 300 попечительств и братств. По расчетам священника с. Грабцево П. Никольского, духовенство и монастыри епархии вполне могли собрать на организацию социальной помощи сиротам в общей сложности 20 тыс. рублей⁴⁷⁵. Для размещения организованных на эти полученные средства приютов предполагалось использовать здание бывшего духовного училища при Мещовском Георгиевском, или же большие, но слабо используемые дома (гостиницы при Боровском Пафнутьевском, Троицком Лютиковом, Лихвинском Добром монастырях). А обучаться дети вполне могли в церковных школах при тех же монастырях.

Вот такие предложения высказывали простые приходские священники, действительно болевшие душой за детей, оставшихся без родительской опеки. Но эти и другие высказанные предположения, в силу разного рода причин, видимо, так и не были воплощены в жизнь.

Тем не менее, сами учащиеся духовно-учебных заведений епархии не сидели, сложа руки. Воспитанницы Калужского епархиального женского училища, читаем в местной прессе, «движимые чувством патриотизма и любви к проливающим на Дальнем Востоке за веру, Царя и отечество кровь воинам», по собственной инициативе, собрали до 200 руб. и, «желая послужить... святому делу личным трудом, на собранные деньги приобрели потребное количество материалов, из которых начали изготавливать для воинов бельё». Такое, совершенно добровольное проявление патриотических чувств со стороны учениц удостоилось одобрения епископа Вениамина. В течение войны воспитанницы училища сшили много разной одежды из материала, присылаемого Городской думой, а в основном из купленного ими на свои сбережения. В 1905 году они на свои личные средства, с при-

влечением средств городских клириков, изготовили три тюка тёплых вещей для военно-полевого госпиталя⁴⁷⁶.

Монастыри Калужской епархии также не могли остаться в стороне от всенародной трагедии. В сентябре 1904 года калужские монастыри и общины отправили на нужды раненых и больных воинов 84 руб. кружечного сбора. В конце того же года Малоярославецкий монастырь пожертвовал на санитарные нужды армии 425 руб., а Оптина пустынь — 155 рублей⁴⁷⁷. Оказывали монастыри и вещевую помощь. Так, Каменский Успенский монастырь Черниговской епархии, кроме 210 руб. наличными, передал на нужды армии 60 мужских рубах, 25 простынь, 11 пар тёплых чулок и носков, 40 полотенец и т. п.⁴⁷⁸

Суммы собранных на потребности войны пожертвований представлены в Приложении 31.

По неполным данным, в силу их противоречивости, ошибок в подсчётах со стороны благочинных или чиновников канцелярии, калужское духовенство собрало на различные военные нужды и социальную помощь раненым, больным воинам, а также их семьям около 36 тыс. рублей. Основная масса пожертвований шла на санитарные нужды армии (более 31,1 тыс. руб. — свыше 86,5 % всех собранных на благотворительные нужды средств). Суммы в поддержку семей убитых и раненых воинов, напротив, не были значительны, составляя 1,75 % всех собранных пожертвований. Остальные средства отчислялись на усиление русского флота и в Красный Крест (по 4,7 %).

Деятельность калужского духовенства в организации социальной помощи раненым воинам, их семьям была высоко оценена представителями императорской фамилии. Так, искреннюю благодарность местному управлению Красного Креста и руководству епархии и признательность всем содействовавшим пожертвованиями и трудом по уходу за ранеными в калужском лазарете выразила великая княгиня Елизавета Фёдоровна⁴⁷⁹.

Таким образом, можно сделать вывод, что представители калужское духовное сословие не бездействовали, а пытались чем могли помочь нуждавшимся. Развернувшаяся энергичная кампания по сбору пожертвований, приносила несомненную пользу, особенно много средств, как уже отмечалось, шло на санитарное обеспечение армии и оказание помощи увечным и больным воинам. Не оставались без заботы и внимания и семьи погибших защитников Отечества. Но если быть до конца объективным, то, наверно, следует признать, что размеры жертвуемых духовенством денежных субсидий тонули в безбрежном океане необходимых средств, которые нужны были на ведение войны и ликвидацию её социальных последствий.

Страшным бедствием, которое претерпело не только население России, но и всё человечество, стала Первая мировая война. По данным академика

Е.В. Тарле, Россия потеряла убитыми и пропавшими без вести 1,7 млн чел., в боях на Восточном фронте было ранено и контужено 2,8 млн чел., а 755 тыс. человек стали инвалидами с полной потерей трудоспособности⁴⁸⁰. За время войны резко снизился уровень жизни большинства населения Российской империи.

Хотя к 1914 году русская церковь имела уже большой опыт оказания социальной помощи и организации благотворительной деятельности в условиях народных бедствий, однако в новых условиях требовались меры, во много раз превосходящие прежние и по масштабам, и по эффективности.

После объявления войны Синод призвал церкви, монастыри, православное население к пожертвованиям на лечение больных и раненых воинов, семьям фронтовиков, предписав установить во всех церквях особые кружки для сбора средств в пользу Красного Креста, обнося их среди верующих при каждом богослужении. Учреждения духовного ведомства должны были приготовить имеющиеся свободные помещения под госпитали и начать подготовку добровольцев из духовных лиц к уходу за ранеными, население страны призывалось к заботе об облегчении участи жён и детей воинов. Из специальных средств Училищного совета с 1 сентября 1914 года выделялось ежемесячно по 1 тыс. руб. на устройство синодального лазарета, а служащие Совета обязались ежемесячно отчислять по 2 % от жалованья. Синодальные архиереи всё своё жалованье до конца войны жертвовали на санитарные нужды армии⁴⁸¹.

На призыв синодального начальства откликнулось и провинциальное духовенство. 12 августа 1914 года собрание Калужской духовной консистории постановило учредить Временный епархиальный комитет для помощи больным и раненым воинам и семействам лиц, призванных на войну задачами которого являлись: а) открытие и содержание лазаретов для больных и раненых воинов; б) оказание помощи приходским попечительным советам в призрении семей лиц, призванных на действительную военную службу; в) приём пожертвований. Председателем Комитета стал протоиерей И. Сперанский.

Калужское духовенство на благотворительные цели одновременно отчисляло 50 руб. от каждой церкви; в пользу фронтовиков и их семей перечисляло 1–2 % от валовой доходности церквей; 1 % жертвовался от доходов причтов и жалований клирикам⁴⁸².

В августе 1914 года было проведено епархиальное собрание, постановившее: а) организовать епархиальный лазарет на 20 коек в здании больницы при Калужском духовном училище, в который врач и фельдшер нанимались на средства епархии, а медсёстрами командировались монахини; б) оказать помощь семьям фронтовиков; в) женские монастыри

обязывались доставить бельё для лазарета. Кроме того, объявлялся общепархиальный сбор пожертвований⁴⁸³.

Епархиальный лазарет, открытый 1 сентября 1914 года сначала на 20 коек, в декабре бы увеличен до 25 коек. Он размещался в больничном здании КДУ и состоял из двух палат, перевязочной, подсобных и хозяйственных помещений. Медперсонал состоял из врача-ординатора губернской земской больницы А.Н. Булгакова и двух медсестёр, им в помощь выделили двух монахинь. На Рождественские праздники протоиереем о. И. Сперанским для пациентов ежегодно устраивались кинематографические, вокально-литературные вечера с участием детей Одигитриевской церковно-приходской школы. Духовенство епархии три раза в неделю (воскресенье, среда и пятница) вело в лазарете религиозно-нравственные, исторические, бытовые и географические чтения. Среди организаторов и ведущих вечеров были священники о. И. Сперанский, о. С. Щеглов, о. М. Извеков и др. Существовало и отделение данного лазарета, рассчитанное на 8 коек (с 20 июня 1916 года — 12 коек), находившееся при Одигитриевской богадельне Калуги. Врачебную помощь здесь безвозмездно оказывал помощник губернского врачебного инспектора Д.И. Васильев, ему помогали две монахини.

Кроме общепархиального лазарета, было открыто 11 приходских, на 148 кроватей. Госпитали с наибольшим числом коек были организованы братством св. Юлиании при церкви с. Сергиевское Калужского у. (на 40 мест), приходскими попечительствами: при церкви с. Брынь Жиздринского у. (15 мест) и при церкви с. Озерское Перемышльского у. на 12 мест, затем расширенный до 30 кроватей. В течение войны недолго существовали ещё три приходских лазарета, закрытые по малой вместительности, или из-за отсутствия средств⁴⁸⁴.

В течение трёх военных лет в калужских лазаретах, состоявших под опекой местного духовенства (сентябрь 1914 года — сентябрь 1917 года) прошли курс лечения около 1900 чел., а общая сумма расходов, затраченных на содержание госпиталей и пациентов в них составила 67,7 тыс. руб.-лей⁴⁸⁵.

Внесли свой вклад в развитие православной благотворительности и монастыри. К концу 1914 года лазареты для раненых были открыты в 207 монастырях империи, в 139 госпиталях воины содержались за счёт обителей⁴⁸⁶.

Монастыри Калужской епархии сочли своим долгом отчислять на содержание епархиального лазарета и помощь солдатским семьям 1–3 % валовых доходов. Правда, в абсолютных цифрах сборы на пострадавших воинов покажутся мизерными, но в жизни «каждая копейка дорога», а в военное время справедливость этого афоризма только усиливается. Например, за август, октябрь, ноябрь 1914 года Перемышльский Троиц-

кий Лютиков монастырь внёс на нужды раненых фронтовиков — 7,2 руб., в среднем же ежемесячные отчисления данного монастыря на эти социальные нужды составляли 2,5–3 рубля⁴⁸⁷.

Всё же монастыри приняли активное участие в организации госпиталей, открыв 5 лазаретов на 112 мест и затратив на это довольно значительные средства из собственных доходов. В Тихоновой пустыни был устроен лазарет на 50 кроватей, в Оптиной пустыни на 25, Боровский и Малоярославский монастыри предоставили помещение для оборудования в каждом по 10–12 больничных коек, Мещовский Георгиевский — для 7⁴⁸⁸.

Всего за годы мировой войны в госпиталях, размещавшихся на территории Калужской губернии и находившихся в ведении различных благотворительных организаций, как светских, так и церковных, получили медицинскую помощь около 100 тыс. больных и раненых воинов⁴⁸⁹.

Активно привлекались к оказанию социальной помощи и церковные школы. Определением Синода от 6 октября 1914 года было рекомендовано епархиальным училищным советам, заведующим ЦПШ организовывать изготовление белья и вязание тёплых вещей для солдат, собирать пожертвования. При наличии средств училищные советы могли открывать свои лазареты. Согласно отчётам обер-прокурора Синода, учителя и учащиеся церковных школ за годы войны оказали социальную помощь в размере 450 тыс. руб., не считая пожертвованных вещей и продуктов; организовали более 150 концертов в пользу раненых, а госпитали были размещены в 624 школьных зданиях⁴⁹⁰.

Кроме традиционной заботы о пострадавших в ходе боевых действий воинах, благотворительная деятельность православной церкви заключалась и в попечении о семьях фронтовиков. Но во время войн России с Турцией это направление благотворительности РПЦ имело ограниченный характер, достигнув широкого размаха лишь в годы мировой войны.

Так, шесть женских и один мужской монастыри Калужской епархии, принимавшие активное участие в призрении солдатских детей и сирот открыли 7 приютов и школ, взяв на попечение 54 ребенка⁴⁹¹.

Но низовым и вместе с тем основным звеном системы оказания социальной помощи солдатским семьям стал приход. Во многих российских епархиях с этой целью стали создаваться особые Попечительные советы, задачи которых заключались в выяснении материального положения семей фронтовиков и активной помощи им. В Калужской епархии к 1 ноября 1914 года Попечительные советы открылись при 366 приходах, а с января 1915 года — при 601, охватив большую часть православных храмов⁴⁹².

Только за первый год войны Попечительные советы по России выдали пособий более чем 2,2 млн семей на сумму свыше 6 млн руб., собрали для отправки на фронт 900 тыс. предметов вещевых пожертвований⁴⁹³.

Деятельность Попечительных советов Калужской епархии в годы войны выражалась в: 1) сборе средств (кружечный сбор, отчисления из церковных сумм, 1%-й налог на доходы причтов, пожертвования); 2) денежной помощи семьям фронтовиков (выдача пособий), оказании им помощи в сельхозработках; 3) ходатайствовании о назначении казённого пособия семьям призванных; 4) наведении справок о пропавших воинах в Главном штабе, в Центральном бюро о военнопленных, в полках; 5) оказании медицинской помощи населению.

Благотворительная деятельность Попечительных советов представлена в годовых отчётах благочинных округов Калужской губернии. Так, по сведениям благочинного Г. Виноградова, находившиеся в его ведении Попечительные советы в сёлах Мещовского у. выдали пособий на сумму более 1,2 тыс. руб. (67,3 % собранных средств). Благочинный в своём отчёте отметил деятельность совета в с. Наумово, которым было возбуждено 49 ходатайств о выдаче казённого пособия и 19 ходатайств о предоставлении льгот по семейному положению, наведено 130 справок о без вести пропавших. Членами этого Попечительного совета было написано 180 писем в армию и плен и отправлено около 30 посылок. Членами Попечительных советов в других сёлах могла оказываться первичная медицинская помощь. Например, жена председателя Новосильского совета А.И. Яхонтова в течение трёх летних месяцев 1915 года оказывала медпомощь заболевшим членам семей фронтовиков, часто при зубной боли, золотухе, дизентерии, экземе и т. д.

А в с. Никольском под влиянием приходского священника помещик Ярмонкин согласился в течение года кормить за свой счёт полным обедом жён и детей фронтовиков, а зимой снабжать детей тёплой одеждой и обувью.

Часто более существенными были не денежные, а вещевые пожертвования. Известно, что прихожане с. Лугань собрали и отправили на фронт много золотых украшений, тёплых вещей, белья, кисетов с табаком.

Наряду с денежной и вещевой поддержкой Попечительные советы использовали такие формы помощи, как бесплатная выдача семенного зерна, вспашка полей, уборка урожая, заготовка семьям военнослужащих дров на зимний период и т. п. Например, силами Малининского приходского попечительства проводилась бесплатная уборка сенакоса и ярового хлеба. Священник Спасо-Преображенской церкви с. Брынь свидетельствовал, что «... весной обществом сельца Куклино 2 семьям призванных были обработаны наделы под яровой хлеб и 4 семьям..., как не имеющих своих кощов, была обществом скошена прирастающая на участке трава»⁴⁹⁴.

Благочинный Г. Виноградов докладывал начальству: «по заявлению большинства Попечительных советов семейства призванных вполне обе-

спечены пособием и нуждаются менее, чем те семейства, в которых нет призванных». Данное свидетельство можно расценивать как показатель эффективности работы Попечительных советов, в частности в Мещовском уезде⁴⁹⁵.

Довольно активно действовали Попечительные советы и в других уездах Калужской губернии. К примеру, советы в сёлах Зенилово и Ильинское Калужского уезда в 1914–1915 годах раздали находившимся в крайней нужде семьям фронтовиков около 110 рублей. Помощь получили более 20 семей, некоторые по 2–3 раза в пределах от 0,5 до 8 рублей.

Благочинный первого округа Козельского уезда протоиерей С. Протопопов доносил, что энергичная работа по оказанию социальной помощи велась в 19 приходах его благочиния. Все приходы, за исключением одного, взяли за основу благотворительной деятельности сбор и раздачу пожертвований. Общая сумма собранных средств на бедствующие семьи воинов составила более 1614 рублей. «Львиная» доля средств более 1,4 тыс. руб. (88 %) была целенаправленно роздана семьям фронтовиков, помощь получили 1523 человека. Кроме того, Попечительные советы участвовали в найме квартир бездомным семьям (Хозецкий, Вознесенский приходы), помогали в организации уборки полей (Губинский, Ивановский приходы), брали на себя постройку жилья или заготовку стройматериалов; не менее важна была для семей бедствующих и психологически «выбитых из колеи» войной моральная поддержка, которая осуществлялась Свято-Духовским и Соборным приходами. Попечительные Советы, резюмирует благочинный, «очевидно, держаться и преуспевают лишь стараниями отцов настоятелей приходов...»⁴⁹⁶ (см. Приложение 32).

Подводя итоги благотворительной деятельности церкви за первый год войны, можно отметить, что она носила широкомасштабный характер. В целом, по стране на полном содержании РПЦ находились 374 лазарета (более 8 тыс. мест) при различных учреждениях духовного ведомства, кроме того, духовенство содержало на свои средства ещё почти 11,5 тыс. коек в госпиталях других ведомств, открыло приюты для сирот. Денежные сборы церкви в пользу фронтовиков составили более 3,7 млн руб., без вещевых пожертвований⁴⁹⁷.

На второй год войны к задачам, стоящим перед церковью в области социального служения добавилась ещё одна. Отступление русских войск после поражения в Галиции в 1915 году привело к появлению значительного числа беженцев, нуждавшихся в пище и крове. Руководство церкви на эти обстоятельства среагировало довольно быстро. Уже в августе Синод предписал всем архиереям срочно донести о числе свободных монастырских помещений, которые можно приспособить для размещения эвакуируемых монахов. Также Синод призвал местных архиереев учре-

дить Епархиальные комитеты по устройству быта беженцев. На комитеты возлагались задачи поиска помещений для беженцев, размещение их по духовным учреждениям, оказание им первоначальной помощи и т. п.⁴⁹⁸

В калужском крае Епархиальный комитет по устройству быта беженцев был открыт уже 23 августа 1915 года под председательством Преосвященного Георгия (Ярошевского). Задачами комитета были: оказание помощи эвакуированным из района военных действий лицам и учреждениям православного ведомства путём приискания им свободных и удобных помещений под квартиры, обеспечение их продовольствием, трудоустройство беженцев и выдача им в случае необходимости денежного пособия⁴⁹⁹.

В Калужскую губернию были эвакуированы жители и духовно-учебные заведения, гимназии из Минской, Холмской и Волынской губерний. Наибольшее количество беженцев было размещено в зданиях КДУ — 254 чел., по 200 чел. приняли Тихонова и Оптиная пустыни и т. д. Всего же в калужских духовно-учебных заведениях и монастырях нашли приют более 900 беженцев⁵⁰⁰. В Калуге были размещены эвакуированные насельницы Радочницкого и Турковицкого женских монастырей Холмской епархии, Минская духовная консистория со своим архивом, а также переведён Минский свечной завод, временно располагавшийся на территории калужского «собрата»⁵⁰¹.

Беженцы прибывали в Калужскую епархию и в 1916 году, находя приют в местных православных обителях. Например, женская община «Всех скорбящих радости» готова была принять 10 девочек-сирот⁵⁰². Основную массу (304 чел.) принятых в сентябре 1916 года монастырями на попечение беженцев составляли миряне (мещане, крестьяне). Главная нагрузка по размещению беженцев легла на мужские монастыри, так как они были богаче и обеспеченнее женских. На долю Оптиной, Тихоновой, а также Амвросиевской женской пустыней пришлось попечение о 63 % (315 чел.) от общего числа всех принятых ими монастырями Калужской епархии (на сентябрь 1916 года — 496 человек). Всех зарегистрированных беженцев в Калужской губернии на 1 апреля 1916 года значилось 65,9 тыс. человек обоёго пола⁵⁰³. Если учесть, что к осени поток беженцев постепенно иссяк и число их в пределах губернии выросло незначительно, то можно сказать, что монастыри Калужской епархии в сентябре взяли на своё полное обеспечение 0,8 % всех беженцев.

Судя по отчётам настоятеля Оптиной пустыни игумена Исаакия, в 1916–1917 годах на обеспечении монастыря ежемесячно находилось от 80 до 95 беженцев, на их полное обеспечение всем необходимым монастырь расходовал 1,2–1,4 тыс. руб., в среднем в месяц по 15 руб. на человека⁵⁰⁴. В Тихоновой пустыни в сентябре–декабре 1916 года на полном монастырском обеспечении находилось в среднем 120 чел., в том числе примерно

30 крестьян, остальные — лица духовного звания и члены их семей. В общей сложности на удовлетворение их нужд обитель израсходовала за 4 месяца 7,2 тыс. рублей. Беженцы, находившиеся на своём содержании (в основном крестьяне), питались за свой счёт, получая бесплатно от монастыря отопление, освещение и помещение (см. Приложение 34).

Таким образом, монастыри епархии внесли весомый вклад в облегчение участи беженцев на территории калужского края.

В сентябре 1915 года правительство выделило на нужды беженцев 25 млн руб., передав все дела, связанные с призрением и организацией помощи беженцам православным братствам. В обязанность же Епархиальных комитетов по призрению беженцев вменялось должное попечение о беженцах духовного сословия. Кроме того, представители духовенства в качестве членов вошли во многие светские благотворительные комитеты и общества, находившиеся, в том числе под высочайшим патронажем. К примеру, членом Калужского губернского отделения Комитета её императорского величества Елизаветы Федоровны по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну, стал протоиерей И. Сперанский, а в состав Калужского отдела Всероссийского общества попечения о беженцах (ВОПоБ), созданного 6 октября 1915 года, вошёл калужский архипастырь Георгий (Ярошевский) и протоиерей о. А. Преображенский⁵⁰⁵.

Выполняя свою высокую социальную миссию, калужское духовенство принимало участие в удовлетворении, в первую очередь, материальных нужд беженцев. Например, при Спасо-Заверхской церковной школе была открыта столовая на 50 человек. Сохранилось свидетельство, что «обеда были вкусны и сытны, несмотря на соблюдаемые в пище посты». Беженцы обеспечивались и необходимыми вещами. Так, за 6 месяцев 1916 года, через приходы церквей г. Калуги духовенство, взаимодействуя с местным отделом ВОПоБ, роздало вещей на сумму 3753 рубля. Только по приходам трёх городских церквей помощь получили более 50 чел., на общую сумму свыше 1,8 тыс. рублей⁵⁰⁶.

Забываясь не только о физических потребностях беженцев, но и духовных, калужское духовенство в сотрудничестве со светскими благотворительными обществами организовывало публичные чтения как для взрослых, так и для детей, в частности, активно в этом направлении действовали семинаристы наравне с учащимися реального училища, мужской и женской гимназий⁵⁰⁷.

В Епархиальный комитет о беженцах постоянно поступали прошения с просьбой оказать содействие для преодоления бедственного положения семей эвакуированных представителей духовенства. Эти прошения поступали как от местных благочинных, так и от самих беженцев. Такого рода прошения были типичными для военного времени. Представляется

целесообразным привести пример подобного прошения полностью, без комментариев, для более «живого» представления того положения, в котором оказались многие духовные лица, вынужденные покинуть родные места. Псаломщик Дивнесской Свято-Успенской церкви Кобринского уезда Гродненской епархии К. Кречетович, эвакуированный с семьёй в Сухиничи писал в декабре 1916 года: «Покорнейше прошу, простите за беспокойство. Крайняя нужда побудила меня обратиться в ваш комитет со слёзной просьбой. Протяните руку помощи и не дайте погибнуть с голода бедной семье, состоящей из 8 душ. Окажите какую-нибудь поддержку в критическую минуту. Я пятый месяц не получаю беженского пайка. С квартиры гонят, хлеба нет, не знаю, как дальше жить. Уповаю на милосердие Епархиального Комитета, слёзно прошу отнестись сочувственно к моему положению и оказать мне и моему семейству милостивую поддержку назначением денежного пособия»⁵⁰⁸.

Местным приходским духовенством выдавались специальные «удостоверения» тем беженцам, положение которых было крайне тяжёлым. Удостоверения настоятели церквей скрепляли подписями и церковной печатью, в них обговаривалось семейное и материальное положение беженца или беженки, а также причины, по которым этим лицам необходимо было назначить пособие или оказать какое-либо содействие.

Итак, из вышеизложенного видно, что духовенство Калужской епархии по мере возможностей старалось оказывать всяческую помощь в удовлетворении не только материальных, но и духовных нужд беженцев разных сословий, выдавая им денежные и вещевые пожертвования, устраивая, лекции, концерты, вечера, не редко помогая в трудоустройстве.

Военные действия приводили к появлению значительного количества инвалидов, которые нуждались в социальной поддержке. Временным положением об эвакуации раненых и больных от 18 августа 1914 года общее руководство и наблюдение за призреванием увечных воинов было возложено на военное министерство, которое, в свою очередь, привлекало к этому делу другие учреждения, включая церковные. Синод предписал произвести во всех храмах сбор пожертвований на устройство курсов обучения для инвалидов войны различным нетрудным профессиям, что позволило бы этим людям в дальнейшем вести полноценный образ жизни, сопровождая его разъяснениями глубокого смысла и значения такой формы помощи. Приходские попечительства приглашались принять участие в учёте нуждающихся в трудоустройстве инвалидов и в выяснении, какие именно курсы и мастерские следует организовать в той или иной местности, архиереи обязывались оказывать содействие гражданским властям в организации курсов. Всем учреждениям духовного ведомства предписывалось при замещении низших служительских должностей

принимать на работу в первую очередь инвалидов войны. На территории Калужской губернии были созданы ремесленные курсы при промышленных училищах, находившихся в ведении Министерства народного просвещения, которые калужское духовенство поддерживало средствами. Такие курсы, например, были открыты при Жиздринском училище, где обучалось в общей сложности 62 человек по специальностям — огородничество и семеноводство, садоводство, корзиноплетение, столярное ремесло; при Мещовской ремесленной школе (40 учащихся-инвалидов) обучались сапожному, столярному, щёточному делам, плетению верёвок; на курсах при Калужской ремесленной школе (до 50 чел.) — сапожному и портновскому делам⁵⁰⁹.

Даже в военное время православная церковь не прекращала своей обычной деятельности по оказанию социальной помощи нуждающимся. Например, в конце 1914 года при церквях империи существовало 57 больниц и 944 богадельни, а при монастырях 234 больницы и 169 богаделен, это не считая лазаретов для раненых. Пожертвования приходских попечительств на школы и благотворительность составили в 1914–1915 годах соответственно 975 и 933 тыс. руб., а монастыри на нужды народного образования перечислили в 1914 году более полумиллиона рублей⁵¹⁰.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что русское духовенство, в том числе и Калужской епархии в годы народных бедствий не сидело «сложив руки», а исходя из имеющихся в наличии сил и средств, пыталось решить достаточно сложные социальные проблемы, касающиеся различных категорий населения.

Отметим, что кроме войн и неурожаев, в России периодически вспыхивали эпидемии, их тоже можно причислить к народным бедствиям. Но в исследуемый период очаги заболеваний носили ограниченный характер, распространяясь лишь в пределах одного региона, не затрагивая основную часть населения страны. В таких условиях от православной церкви не требовалось столь обширных мероприятий, как, например, во время войны. Однако и в период эпидемий РПЦ выполняла свою роль по оказанию социальной помощи.

Анализ благотворительной деятельности Русской Православной церкви в годы народных бедствий показывает, что она осуществлялась, в основном, по стандартной схеме. Во-первых, Синод выделял из своих средств определённую сумму, как правило, 100 тыс. руб. на нужды социальной помощи. Во-вторых, высшие церковные иерархи призывали церкви, монастыри, другие заведения духовного ведомства, представителей белого и чёрного духовенства, всё православное население страны к посильным пожертвованиям на благотворительные цели. Пример подавали архиереи, единовременно отчислявшие значительные суммы или обязывавшиеся

выплачивать определенный процент от своего жалования (члены Синода отдавали своё жалование полностью). Далее устанавливался сбор по церквям в специальные кружки, сопровождавшийся проповедью священников. Церкви и монастыри осуществляли отчисления из своих сумм, а также принимали участие в устройстве и содержании лазаретов, больниц, приютов, других заведений призрения. Организация сбора средств, распределение пособий среди нуждающихся, проведение других конкретных благотворительных мероприятий возлагались на специально создаваемые епархиальные комитеты, а в приходах — на приходские советы.

Подводя итог рассмотрению деятельности русской церкви в периоды народных бедствий, необходимо отметить, что в условиях обострения социальной ситуации в России благотворительная активность духовного ведомства значительно усиливалась. Православная церковь выступала в двух качествах: как организатор социальной помощи и как непосредственный благотворитель. Духовное ведомство являлось создателем и руководителем разнообразных комитетов, советов, учреждений и заведений, преследовавших благотворительные цели. При этом материальную основу проводимых мероприятий составляли собираемые по приходам пожертвования населения. Огромное количество приходов, охватывавших всю территорию страны, способствовало поступлению значительных сумм, но число нуждавшихся было ещё больше, и потому далеко не все они получали необходимую и своевременную помощь.

Всё же благотворительная деятельность православной церкви в Калужской епархии в периоды войн и неурожаев помогала населению с меньшими потерями переживать трудные времена.

Заключение

Реформы 60–70-х годов XIX века способствовали повышению общественной активности, в том числе и в области социального призрения. В Российской империи стали образовываться многочисленные благотворительные общества, открывавшие различные заведения призрения. Содержались они, как правило, на частные пожертвования или общественные средства. В такой ситуации русская православная церковь старалась не отставать от общего благотворительного движения и, во многих случаях, вставала во главе его. Благотворительная деятельность церкви во второй половине XIX – начале XX веков осуществлялась в рамках трёх уровней: общецерковного, епархиального и местного. Святейший Правительствующий Синод изданием руководств, указов, высказыванием рекомендаций координировал почти все благотворительные инициативы, претворявшиеся в жизнь православной церковью. Центральное духовное ведомство постоянно оказывало поддержку значительному числу (если не большинству) светских благотворительных обществ и учреждений, в первую очередь тем, что разрешало этим организациям осуществлять сбор пожертвований, приносивших солидный доход, по всем церквям империи. Бывали случаи (в годы народных бедствий, например) когда синодальные чиновники подавали личный пример оказания социальной помощи, передавая всё своё жалование в пользу пострадавших или нуждающихся.

Однако занимая официально привилегированное положение в государстве, православная церковь порой сама могла испытывать серьёзные трудности, в первую очередь с источниками пополнения своей материальной базы, без которой любая благотворительная деятельность была бы невозможна, что особенно было важно для провинциальных епархий, к которым относилась и Калужская. В них, по вполне понятным причинам, местное духовенство не обладало большими средствами, что, естественно, не могло не отражаться на масштабах проводимой здесь православной церковью благотворительных мероприятий.

К тому же у государства, всё время выступавшего с лозунгами о церковно-государственном союзе не хватало средств для обеспечения достойной жизни будущих пастырей Церкви. Поэтому первоочередной социальной задачей РПЦ была организация взаимопомощи среди духовного сословия. Материальное, да и пожалуй социальное положение, большинства православных провинциальных клириков, в том числе и в Калужской епархии оставляло желать лучшего, и нет ничего удивительного в том, что в среде духовенства зародились, а в XIX–XX веках значительно развивались элементы социальной взаимопомощи. Как известно, в исследуемый

период система социального обеспечения духовенства на общероссийском уровне только начинала зарождаться в виде выплат установленных казённых пенсий и пособий. Но эти выплаты не решали проблему социального обеспечения наиболее незащищённых категорий духовенства, к которым относились отставные (заштатные) священно- и церковнослужители и члены их семей, вдовы, сироты, инвалиды и т. д. Не следует при этом забывать, что существовавший порядок назначения казённых пенсий лишал права на её получение не только членов семей клириков, но и их самих, например, диаконов.

В этих обстоятельствах основная ответственность по призрению и обеспечению всем необходимым указанных категорий духовенства ложилась на местные епархиальные власти. Наибольшую нагрузку по организации социальной помощи калужскому духовенству нес такой постоянно действовавший (с 1823 года) орган сословной благотворительности, как Епархиальное попечительство о бедных духовного звания, в обязанности которого входило оказание помощи вдовам, сиротам, больным, престарелым, тем группам духовенства, которые были наименее защищенным в социальном отношении. В качестве основных видов и форм оказания социальной помощи попечительства использовали выдачи различных пособий, обеспечивали нуждающихся бесплатными лекарствами, а в случае необходимости оплачивали лечение в земских больницах. Но и оказание социальной помощи духовенству страдало большими погрешностями. Сделанный анализ даёт основания утверждать, что в целом калужскому духовенству не удалось создать стройной системы социальной взаимопомощи. Тем не менее, в условиях бурного развития рыночных отношений, чем характеризуется рассматриваемый период, даже небольшие средства, выделяемые на социальные нужды, были необходимым подспорьем для большей части провинциального духовенства, давая надежду на благополучное разрешение жизненной ситуации в будущем. Кроме того, многие представители калужского клира предлагали в реальные проекты ликвидации бедности духовенства, но их предложения в силу ряда причин, в первую очередь из-за вечной нехватки средств, остались нереализованными.

Важным направлением в развитии сословной благотворительности в Калужской епархии являлось оказание социальной помощи бедным учащимся духовно-учебных заведений, для чего специально были учреждены соответствующие благотворительные общества. Общества вспомоществования бедным учащимся духовно-учебных заведений (КЕЖУ, МДУ и др.), имея в своём составе активных, преданных делу христианского милосердия членов, платили за квартиры самых бедных учеников, приобретали для них одежду и обувь, выдавали им пособия для проезда к родным во время

каникул. В целом, эти общества справлялись со своей основной задачей, приходя в трудную минуту на помощь учащимся, которые непосредственно нуждались в ней.

На епархиальном уровне активную деятельность, в том числе благотворительную, развернули православные братства. В рассматриваемый период церковные братства в Калужской епархии практиковали различные виды оказания социальной помощи: выдачу единовременных и регулярных пособий наиболее бедным прихожанам, поддержку школ, домов призрения, организацию бесплатного лечения больных. Деятельность православных братств на поприще благотворительности имела во многом определяющее значение для полного или частичного искоренения нищенства в калужском крае, обращения сектантов в лоно православия и тем самым объективно способствовала снижению потенциальной социальной напряжённости. Значительные успехи православных братств в организации социальной помощи обуславливались тем, что действовавший закон не принуждал их заниматься решением нескольких задач, как это, например, было с приходскими попечительствами. Конечно же, если братства ставили перед собой только благотворительные задачи, то это довольно резко усиливало эффективность их действий в данном направлении.

Существенная роль в оказании необходимой помощи нуждающимся на местном уровне отводилась церковно-приходским попечительствам, учреждавшимся при православных храмах. В исследуемый период церковно-приходские попечительства существовали во всех благочиниях Калужской епархии, но их деятельность на поприще благотворительности была в разной степени эффективна. Были попечительства, которые основное внимание уделяли лишь заботам о благосостоянии храмов или ограничивали свою благотворительную деятельность поддержкой местных приходских школ. Но функционировали и попечительства, которые успешно решали благотворительные задачи, приходя на помощь в трудную минуту, аккумулируя для этого все имевшиеся в наличии средства. Всё же, несмотря на усилия попечительств Калужской епархии разнообразить и расширить свою благотворительную деятельность, суммы на её осуществление они могли выделять весьма скромные, что, конечно, непосредственно снижало их благотворительный потенциал. К тому же приходские попечительства не получили возможности полновластно распоряжаться денежными средствами, использовать их только на благотворительные цели. Согласно «Положению о приходских попечительствах» на них возлагались три задачи одновременно, а это было попечительствам не по силам. Тем не менее, действовавшие в Калужской епархии приходские попечительства в условиях нехватки материальных ресурсов старались помогать, если уж не всем нуждающимся бедным, то хотя бы тем, кому помощь была

крайне необходима — больным, увечным, вдовам, многодетным, сиротам, погорельцам. В этом смысле вклад калужских попечительств в развитие системы социальной помощи в епархии и реализацию на практике идеи христианского милосердия нельзя недооценивать.

Что касается калужских православных монастырей, то их насельники, выполняя функцию постоянного служения Богу, вели и деятельность по оказанию разнообразной социальной помощи нуждающемуся населению. Монастыри регулярно практиковали выдачу пособий (как натурой, так и деньгами); устраивали на своей территории приюты, богадельни, предоставляли возможность для размещения в монастырских зданиях школ, отчисляли средства на их нужды, активизировали, в силу объективных причин свою благотворительную деятельность в годы войн, стихийных бедствий.

Благотворителями в полном смысле этого слова были знаменитые старцы Оптиной пустыни, которые всегда приходили на помощь страждущим и словом и делом.

Особенно большое значение имели благотворительные инициативы духовного ведомства в годы народных бедствий: войн, неурожая, эпидемий. В условиях обострения социальной ситуации в России как следствия постигших страну несчастий повышалась, причём весьма заметно, благотворительная активность духовного ведомства. В сложное для Отечества время РПЦ нередко выступала в двух качествах: как организатор социальной помощи и как непосредственный благотворитель. Неоднократно именно высшее церковное руководство, епархиальные власти на местах инициировали создание и выступали в роли руководителей различных комитетов, советов, учреждений и заведений, преследовавших благотворительные цели. Но при этом необходимо учитывать, что материальную основу большинства проводимых благотворительных мероприятий составляли собираемые по приходам пожертвования населения. Великое множество православных приходов, охватывавших практически всю территорию страны, способствовало поступлению значительных сумм. Действуя в своей благотворительной практике через временные организационные формы — комитеты, комиссии, отделы, особенно «популярные» в голодные годы и военное лихолетье, РПЦ концентрировала в своих руках значительную часть пожертвованных средств и, используя собственные финансовые возможности, направляла их по назначению.

Во время русско-турецкой, русско-японской и Первой мировой войн калужское духовенство оказывало не только патриотическое содействие светским властям посредством укрепления в населении веры в святость и правоту царской политики, но и приходило на помощь раненым, беженцам, семьям погибших, а в неурожайные годы участвовало в сборе средств и распределении их среди голодающих. Монахини вступали в отряды сестёр милосердия и отправлялись на борьбу с эпидемиями.

В целом, можно констатировать, что социальное служение православной церкви в Калужской епархии, осуществлявшееся в мирное время на постоянной основе через приюты, богадельни, монастыри, братства и попечительства, школы, распространялось не только на отдельное сословие, но и на всё общество. В наиболее же трудное, но отнюдь не редкое время всенародных бедствий, благотворительная деятельность калужского духовенства давала возможность населению пережить его с меньшими потерями.